Михаил Лост

НАСЛЕДИЕ

мистико-приключенческий роман
I часть

© Авторские права защищены

Оглавление:

Глава 1 3
Глава 2 22
Глава 3 31
Глава 4 46
Глава 5 58
Глава 6 77
Глава 7 87
Глава 8 99
Глава 9 121
Глава 10 149

Координаты для связи с автором:
E-mail: letter@imi.su

Часть I
НАСЛЕДИЕ

Полное безверие столь же разрушительно, как и слепая вера.
Клаус фон Фогельман

– 1 –

К ночи непрестанная сутолока и невообразимый шум караван-сарая шли на убыль. Это был самый обычный караван-сарай, из тех, что по всей стране исчислялись сотнями — такие можно найти возле любой крупной проезжей дороги, особенно если по ней с утра до вечера движутся из конца в конец вереницы груженых всевозможными товарами верблюдов. Здесь находили приют и караванщики, и погонщики с вьючными животными, и купеческий люд, едущий по своим делам, и паломники, и путешественники… Да разве всех перечислишь? Кто только ни находит пристанище в придорожном караван-сарае — и всех хозяин накормит и напоит до отвала, лишь бы платили деньги и не мешали отдыхать другим гостям.

Из проезжающих кто-то уже расположился на ночлег, кто-то продолжил свой путь в сгущающуюся жаркую летнюю ночь. Гости, напившись горячего чая, расходились по комнатам; наемные рабочие из окрестных деревень, утолив праведный голод пахучим жилистым пловом, отправлялись по домам. Надвигающуюся ночную тишину нарушали лишь запоздалые гости, всхрапывание верблюдов, которых пришел проведать заботливый погонщик, да приглушенный гомон игроков в кости в общей зале, время от времени перемежаемый вскриками восторга или разочарования. Аллах не одобряет азартных игр, но в любом караван-сарае всегда найдутся правоверные, которые не могут устоять перед соблазном испытать свою удачу и тряхнуть магическим стаканчиком, распределяющим горе и радость и, главным образом, содержимое кошельков между участниками этой нехитрой, но невероятно увлекательной игры. Кроме того, возможность раздеть до нитки какого-нибудь «неверного» путешественника, решившего скоротать время и присоединиться к игре, отдельными игроками воспринимается едва ли не как благое дело.

Внутри караван-сарая жизнь еще бурлила. Большая часть общей залы на первом этаже освещалась ярко полыхавшим огнем в печи, возле которой расторопные слуги кипятили на углях чайники для гостей. Подвешенные к потолку светильники в резных

медных оправах на трех цепочках чадили желтыми огнями, распространяя вокруг легкий запах горелого дешевого масла. Повсюду в зале стояли низкие столики с разложенными вокруг потрепанными кошмами и облезлыми подушками. За некоторыми столиками оставшиеся гости еще угощались дымящимися блюдами и наливали горячий чай из медных и серебряных чайников. Кто-то сыто дремал, наслаждаясь законченной трапезой, кто-то вел неторопливый разговор с соседями. В затемненных углах зала собрались любители кальяна. Они сидели на подушках, с чубуками в зубах, тихо побулькивая водой в дурманящих недрах и время от времени выпуская клубы дыма. По залу ловко сновали слуги, позвякивая чайниками и подносами, разнося припозднившимся гостям тарелки и пиалы.

В одном из наименее освещенных углов общей залы полулежал на кошме ничем не примечательный человек в приличном, но небогатом халате и пыльных дорожных туфлях. Внешне он скорее походил на посыльного купца или знатного человека, предпочитающего некоторые свои дела проворачивать через доверенных лиц. Однако если бы кому-нибудь удалось заглянуть под низко надвинутый капюшон, надетый вместо чалмы предположительно для того, чтобы уберечь своего владельца от назойливых кровососущих насекомых, то черты лица этого человека выдали бы в нем скорее представителя северных народов, чем сына благословенных Аллахом земель. Но смуглый оттенок загорелой до черноты кожи ловко скрадывал и без того не слишком заметные отличия, особенно при неярком освещении. Подбородок незнакомца окаймляла небольшая, черная как смоль, слегка вьющаяся бородка. Такого же цвета были его волосы, довольно короткие, но с несколькими длинными прядями. Тонкий нос был слегка приподнят над неширокими губами без малейшего следа усов над ними. Цепкий и быстрый как молния взгляд карих глаз, который незнакомец бросал из-под свисающего на лицо капюшона, окончательно разубедил бы предполагаемого наблюдателя в том, что его обладатель — обычный посыльный. Взгляд этот был скорее разбойничий, оценивающий, присущий лихим людям с горных перевалов или из бескрайних пустынь. Роста этот подтянутый и сухощавый человек был чуть выше среднего. Незнакомец неторопливо потягивал чай из тонкой пиалы, время от времени подливая себе из большого пузатого чайника с достаточным остатком горячего задора. Тонкие длинные пальцы, которыми он держал пиалу, казалось, были высечены искусным скульптором.

У незнакомца было много имен. Но вряд ли хоть одно из них

было известно тем, кто нашел приют под кровлей караван-сарая. Все эти имена предназначались для слуха немногих избранных, ведущих жизнь, мало схожую с повседневной жизнью добропорядочных людей. Сам себя незнакомец предпочитал называть Шосс. В таких случаях принято говорить, что имя, данное при рождении, человек давно позабыл, равно как и своих родителей. Это было не так. И то, и другое незнакомец помнил прекрасно, но те немногие, кто знали его настоящее имя и происхождение, предпочитали прятать эти опасные сведения в самых дальних закоулках своей памяти. Ведь бытовало сильное подозрение, что с человеком, назвавшим Шосса настоящим именем, или же обронившем что-то о его родителях, могла приключиться скоропостижная кончина или же пропажа без вести.

Медленными глотками потягивая остывающий чай, аромат которого более поэтичную натуру сподвиг бы на размышления о красотах бытия, Шосс наблюдал за предававшимися пороку игры в кости. Ему доводилось слышать о том, что, мол, некоторые сами не дураки, чтобы играть, но почему бы не посмотреть, как играют другие? И теперь по его лицу иногда пробегала презрительная усмешка, когда кто-нибудь из зрителей, изначально наблюдавших за ходом игры с ханжески-ироничным выражением лица, с горящими от азарта глазами подсаживался к играющим вместо очередного продувшегося в пух и прах бедолаги. Однако, внимательно поглядывая на всех присутствующих, чаще всего Шосс метал взгляд в тощего как щепка немолодого человека в дорогом парчовом халате и большой чалме, с лицом, покрытым мелкими оспинами, и сиплым неприятным голосом, которым он сопровождал каждый свой бросок. Тощий человек выигрывал, что вызывало на его рябом лице противную улыбку, заставлявшую подрагивать начинающую седеть бороду. Шосс нашел, что это делает рябого еще больше похожим на хорька. Хорьком он прозвал этого субъекта, едва только его увидел еще тогда, в столице, в чайхане.

Хорек нервно потирал ладони, следя за тем, как соперник дрожащими руками трясет стаканчик с костями, не решаясь сделать бросок. На кону сверкала кучка серебряных монет. Шосс знал, что для Хорька эта сумма не деньги, и подозревал, что ему скорее доставляет удовольствие вытянуть у соперника последнее, нежели просто прибавить оный выигрыш к своему кошельку. Или же его просто отличает неуемная страсть к азартным играм… Хотя, кто знает? Жадность не ведает границ. Вот и бросок! Хорек издал радостный возглас и быстро сгреб монеты к себе. Лицо его соперника приняло отчаянно-самоубийственное выражение. Он

размотал пояс и высыпал оттуда оставшиеся деньги.
— Играю на все! — хрипло сказал он.
— Принимаю, — визгливо ответил Хорек, быстро пересчитав монеты и добавив от себя необходимую сумму.
После чего взял стаканчик и, положив в него кости, стал мелко трясти. Бросок! Четыре — тройка и единица. Хорек злобно выругался. Его разом оживившийся соперник принял стаканчик и с силой затряс им, громыхая костями. Окружающие затаили дыхание. Бросок! Два и один — тройка. Хорек мерзко расхохотался. Проигравший в отчаянии закрыл лицо руками.
— Шайтан толкнул меня под руку, когда я решил сыграть с тобой! — горестно воскликнул он, медленно вставая.
Бедняга ушел нетвердой походкой, и окружающие немедленно забыли о нем, так как на его место тут же протиснулся толстый чернобородый купец, весь вспотевший от переполнявших его эмоций.
— Дай-ка я попробую сыграть! — сказал он, отдуваясь и отирая пот с жирной шеи шелковым платком. — Ты не можешь все время выигрывать, ты выиграл уже десять раз подряд!
— Что ж, уважаемый, — гнусаво пропел Хорек, — твой преуспевающий вид говорит о том, что в твоем кошельке, возможно, водится больше денег, чем у моего предыдущего противника.
— Так и есть! — в запале ответил купец. — Ты выиграл десять раз подряд. Я ставлю двадцать золотых, чтоб ты не выиграл в одиннадцатый.
Сказав так, он высыпал желтые кругляши на кошму. Тусклый блеск горки монет заворожил присутствующих. Разговоры и жаркий шепот смолкли, все ждали ответа рябого, не сводя глаз с золота.
— Хватит ли у тебя смелости или просто средств, чтобы ответить мне, почтенный? — спросил купец, нервно огладив бороду.
По всему было видно, что он произвел впечатление на окружающих, и Хорьку это не понравилось.
— Хватит, уважаемый, и того, и другого. Но почему бы нам не внести в игру некоторое разнообразие? — прогнусавил Хорек.
Он сунул руку за пазуху и принялся что-то там нашаривать; от необычных усилий на его лбу обозначились резкие морщины. Шосс, теперь еще более пристально следивший за каждым его движением, едва заметно напрягся. Достав что-то, Хорек выбрал один небольшой предмет из неплотно сжатого кулака, а лишнее вернул на место. Потом небрежно бросил этот предмет на золотые монеты.
— А ты, почтенный, глупее, чем я думал, — прошептал Шосс, и дьявольский блеск молнией сверкнул в его глазах.

— Вот… Этот маленький рубин стоит как раз двадцать золотых. Я бы хотел поставить его вместо денег — так будет интереснее. Тем более что у меня всегда найдется, чем отыграться, если удача будет не на моей стороне.
Собравшиеся шумно загалдели. Дело приобретало совсем неожиданный оборот: пошла большая игра. Далеко не всем присутствующим доводилось видеть такую ставку на одном кону. Купец схватил камень, поднес к глазам и некоторое время вертел его, подставляя грани к разным источникам света. Рубин поблескивал кроваво-красными огнями.
— Годится, — сказал он, возвращая камень на кошму. — Этот красавец стоит своих денег, я в этом кое-что понимаю.
— Я не сомневался в этом, почтенный, — ответил Хорек то ли с иронией, то ли со знанием дела. — Какому-нибудь невежде я бы не предложил эту ставку. Итак, играем?
— Да. Кто бросает?
— Я уступаю право выбора.
Шосс отметил, что теперь окружающие жадно пожирали глазами Хорька, прикидывая, какие богатства таит в себе этот человек. Тому всеобщее внимание явно нравилось.
— Тогда я брошу первый.
Купец сгреб кости в стаканчик и принялся трясти его, заклиная удачу. Он выбросил одиннадцать и радостно захохотал, благодарственно воздев руки к небу, точнее, к закопченному деревянному потолку, который давненько пора было привести в порядок. Зрители загомонили. Против этого броска шансы были ничтожны.
— Что ж, — сказал Хорек, стараясь выглядеть полным достоинства, — возможно, этот кон я проиграл.
Он бросил кости почти не глядя. Крик, который хором издали окружающие вслед за этим, должно быть, разбудил многих уже отошедших ко сну постояльцев. Двенадцать!
— Если бы шайтан мог сделать так, чтобы на костях выпало больше, клянусь своей бородой, ты бы выбросил все тринадцать! — возопил купец.
— Негоже поминать нечистого, — заметил Хорек, пересчитывая золотые монеты, как будто за то время, что они лежали у всех на виду, их могло бы вдруг стать меньше.
— Да я в жизни не поверю в такое везение! — бушевал купец. — Вот сейчас я схожу за деньгами, и мы проверим, хватит ли всех твоих камней на твою удачу! Клянусь своей бородой, если не сам шайтан сидит у тебя за плечами, я выиграю у тебя!
Шосс заметил, как при упоминании "всех камней" на лице Хорька

отразилась сильная тревога. Хорек, как будто почувствовав его взгляд, резко оглянулся и пристально осмотрел пустеющий зал. Потом как-то по-особому бегло оглядел игроков и зрителей. Даже неискушенному наблюдателю стало бы ясно, что окружающие люди доверия у рябого Хорька не вызывали.

— Опомнился, — тихо пробормотал Шосс. — А ты мне изрядно облегчил задачу, почтенный. Должно быть, сам шайтан подставил свой облезлый хвост тебе под ноги, когда ты сегодня знатно загремел в дорожную пыль, слезая с лошади. Я бы порадовался гораздо больше, если бы ты, о почтенный, свернул бы себе при этом шею, но боюсь, что тогда мое маленькое предприятие станет почти неосуществимым.

Хорек явно решил, что на сегодня впечатляющих эффектов для окружающих вполне довольно.

— Благодарю за приглашение, уважаемый, но с меня на сегодня достаточно игры, — сказал он, приняв сожалеющий вид. — Как честный человек, я, несомненно, дам тебе возможность отыграть свои двадцать золотых, если ты будешь на этом настаивать. Но сейчас я хотел бы закончить.

Окружающие были явно разочарованы, но рябого это больше не волновало. Купец хотел было что-то яростно возразить, но неожиданно опомнился. То ли в нем проснулась капля рассудка, то ли просто усталость и нервное перенапряжение сделали свое дело, но он вдруг махнул рукой и сказал:

— Да пропади они пропадом, эти деньги! Благодарение Аллаху, надеюсь, это далеко не последние крохи, которые он посылает своему верному слуге. Не буду я отыгрываться. У меня есть куда более важные дела, на которых я заработаю в сотню раз больше денег. Мое почтение, уважаемые. Я отправляюсь спать.

Хорек кивнул и поднялся. Обернувшись, он сделал знак двум сидящим поодаль коренастым молодцам с физиономиями, не обремененными глубоким умом. Хмурые бородатые лица выразили собачью преданность. Поправив плотные полосатые халаты, эти двое двинулись вслед за хозяином. Подозрительные выпуклости в некоторых местах под халатами говорили о наличии там неких орудий их ремесла. Ремесло же их, как Шосс выяснил с первого же взгляда, заключалось в охране тощего хозяйского тела и толстого хозяйского кошелька. Шосс не исключал, что прежде эта парочка разбойничала на большой дороге. Такие типы, особо отличившиеся на своем поприще, со временем попадают либо в руки палача, либо в услужение к влиятельным господам или просто толстосумам, которые зачастую испытывают болезненную тягу к людям

подобного рода, особенно если дело касается щекотливых поручений.

Вся троица удалилась наверх, к гостевым комнатам. Следом ушел купец, потряхивая бородой и все еще что-то бормоча себе под нос. Настроения играть у оставшихся больше не было. Кто вновь устроился у своих чайников, заведя негромкую и неторопливую беседу, кто вышел во двор, а кто-то отправился на ночлег. Две какие-то сомнительные личности, сидя у большого ковра на стене, подозрительно посматривали в сторону лестницы, о чем-то заговорщицки перешептываясь. Их мысли человеку вроде Шосса угадать было нетрудно. Как нетрудно было угадать и то, что это птицы слишком мелкого полета, и что один лишь вид угрюмых детин, сопровождающих Хорька, оставил все их алчные замыслы всего лишь замыслами.

Слуги притушили лишние светильники, и во всей зале воцарился полумрак, а по углам заклубилась полная темнота вперемежку с дымом кальянов заядлых курильщиков. Караван-сарай засыпал.

Когда, наконец, стало совсем тихо, Шосс бесшумно поднялся и направился в свою комнату, которую он заблаговременно снял, не поскупившись на щедрую плату. Неслышной тенью он поднялся по лестнице, и старые деревянные ступеньки впервые с незапамятных времен не нарушили тишину жалобным поскрипыванием. Подойдя к своим дверям, он без единого звука отпер замок, проскользнул внутрь и так же беззвучно запер его. Для обычного человека в комнате царила кромешная тьма, но Шосс видел в ней не намного хуже кошки. Постояв с минуту-другую неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то или просто желая удостовериться в полном контроле над своими нервами, он раскрыл небольшой дорожный мешок, лежащий на кровати.

— Ну, что же, — сказал он сам себе. — Пора за работу.

* * *

Шосс "вел" Хорька уже неделю, от самой столицы. В этот раз он посетил ее без какой-либо конкретной цели, скорее, просто разузнать новости и, по обстоятельствам, приметить себе какое-нибудь подходящее дело. У него был надежный осведомитель, по совместительству владелец богатой чайханы с тайной опиекурильней в подвале. К нему наведывались многие богатеи и вельможи, чтобы без опаски предаваться этому пороку в изысканных условиях, сочетая курение опиума с возможностью поглазеть на луч-

ших танцовщиц, которых владелец роскошной чайханы, седобородый старик Ахмед, перекупал у торговцев рабами за баснословные суммы. Ахмед платил хорошую мзду начальнику городской стражи, а поскольку его клиентами частенько оказывались некоторые видные вельможи и весьма состоятельные люди, его полукриминальная чайхана процветала, и посетители могли чувствовать себя в ней совершенно спокойно.

От Шосса же Ахмед получал настолько приличный доход, что со временем совершенно серьезно начал считать этого человека, хотя и чужеземца, своим другом. Шосс не только по-царски платил Ахмеду за все предоставляемые сведения и возможности, но и, в свою очередь, снабжал владельца чайханы информацией о многих видных и состоятельных людях, касающейся привычек, пристрастий, секретов, которую добывал по своим каналам. Информация, как говорится, дороже денег, и Ахмед не раз извлекал из нее огромную пользу. Шосс устроил у Ахмеда свое "лежбище" в этих краях, одновременно являвшееся сердцем добычи и обработки поступающих с разных концов сведений. Тем более, что значительная их часть добывалась как раз в чайхане Ахмеда.

Сам чайханщик, изрядно располневший за последние годы, производил впечатление приятного и достойного человека. Многозначительная улыбка, спрятанная в седой бороде, сложенные на животе пухлые руки и плавные кивки головы, которыми он понимающе сопровождал нашептываемые пожелания гостей, мягкие кошачьи движения, когда он сновал между гостями, выясняя, все ли их прихоти удовлетворяются должным образом, — все в нем располагало к доверительному общению. При встрече где-нибудь на улице знатные клиенты даже удостаивали кивком этого невысокого пожилого человека. Репутация Ахмеда как радушного хозяина, заботящегося о своих гостях, сомнений не вызывала.

В этот раз Шосс возлежал на роскошном ковре в одной из личных комнат хозяина заведения, потягивая лучший в чайхане чай из тонкой расписной пиалы ручной работы, которую Ахмед заботливо наполнял из золотого чайника. Ахмед, накормив своего бесценного гостя до отвала самыми изысканными блюдами, уложил его, по заведенной привычке, пить чай, а сам приступил к изложению накопившихся у него сведений. Шосс блаженствовал после сытной трапезы, доверху наполнившись благоухающим чаем, что, однако, не мешало ему внимательно слушать все, что нашептывал ему Ахмед, и заносить в глубины своей необъятной памяти. Сведения в большинстве своем были, как всегда, интересные, но пока в них не мелькало ничего из того, что Шосс счел бы стоящим

делом. Чайханщик все говорил и говорил, и его слова мерным пчелиным жужжанием лились в уши гостя.

Ахмед как раз заканчивал одну из своих историй, которая вызывала у него живейшее веселье.

— …И ты посмотри, чем со мной расплатился этот пройдоха Атабек, да покарает Аллах его проказой! — негромко хохотнул Ахмед, доставая что-то из своего необъятного кошелька.

— Разумеется, если он перестанет посещать мое заведение и хорошенько платить за свои утехи, — быстро поправился он, сопроводив это заявление ехидной улыбкой.

Шосс бросил ленивый взгляд. На ладони чайханщика искрился многочисленными гранями довольно приличных размеров алмаз.

— Должно быть, этот пройдоха немало тебе задолжал, — промолвил он, бегло оценивая камень.

Сумма получалась внушительная.

— Да дело, собственно, не столько в том, сколько камень стоит, а в том, откуда он взялся, — Ахмед откровенно веселился, и Шосс заподозрил, что именно сейчас он собирается изложить самое любопытное.

— Этот мошенник — доверенное лицо нашего распорядителя храмов и мечетей, а также главного столичного архитектора, — продолжил Ахмед. — На деле, он занимается всеми драгоценными материалами, которые используются при возведении новых построек: ведет их учет, закупку, составляет подсчет расходов, утверждает архитектурные планы с заявками на использование драгоценных материалов или вносит в них изменения. В общем, через его руки проходят баснословные суммы. Строительство новой мечети — все украшения и убранство — через него. Богатый человек хочет построить особняк — опять-таки через него. Ну, формально-то, конечно, обращаются к главному архитектору, но дальше все равно самое ценное идет через этого пройдоху. А всем известные сборы и пожертвования на строительство мечетей? Он, кстати, тот еще ханжа! На каждом празднике в честь какого-нибудь особо почитаемого святого жертвует целый кошель под одобрительный гул толпы. Многие, на него глядючи, тоже отсыпают денег побольше. Да только он-то свои денежки получит назад…

Ахмед неодобрительно пожевал губами и продолжил:

— Родной брат Атабека — один из самых важных улемов в нашей знаменитой медресе. Написал столько воинствующих трудов об истреблении неверных, что сам шах, когда на него находит очередной приступ благочестия, иногда справляется о здоровье этого ученого и мудрого человека.

Слово "мудрый" Ахмед произнес с интонацией, дававшей понять, что у него, Ахмеда, на этот счет мнение прямо противоположное.
— Так что Атабек стал доверенным лицом нашего распорядителя храмов и мечетей не без помощи своего брата. А с главным архитектором вообще все просто: старший сын Атабека женат на его дочери. Злые языки поговаривают, что влетело это дело Атабеку в немалую сумму, но, клянусь могилой своего отца, он давно возместил все сторицей!
— И как же зарабатывает на жизнь наш достопочтенный Атабек? — спросил Шосс, чтобы подтолкнуть Ахмеда к сути, так как общая картина уже вырисовывалась достаточно ясно.
— Ну, далее все просто. Даже не берусь сказать, какие баснословные суммы проходят через его руки! Горы драгоценных камней, груды серебра и золота, как в пещере Аладдина. Но приличная доля этих ценностей, по дороге к месту назначения, волшебным образом оседает в бездонных карманах достопочтенного Атабека. Нужно на украшение здания то-то и то-то — Атабек достанет, закажет, перекупит и… А дальше разные пути. Заменить ли бесценные самоцветы дешевыми камнями, разбавить ли драгоценные металлы всякого рода примесями… Атабек — мошенник первостатейный. Но дело свое знает. И так все устроит, что никто ничего и не заподозрит, и не заметит — ведь не станут же выковыривать камни из-под купола или же сдирать драгоценную лепнину… Да и кто поверит? Все заинтересованные лица имеют свою долю. Только вот об истинных масштабах дела не знают даже они. Его бы умение да на благое дело…
— А ты как узнал?
— Да все так же. Помнишь Ною? Эта женщина обошлась мне в целое состояние. Зато, клянусь Аллахом, она стоит всех своих денег до последней монеты! Атабек как-то накурился опиума до полнейшего одурения и, должно быть, вообразил, что загремел прямиком в рай, а Ноя — одна из обещанных ему гурий. Эта женщина умеет разговорить мужчину, даже если он в здравом уме. Атабек же, по ее словам, дошел до такого состояния, что вместо уютного уголка в подвале моей чайханы ему виделись райские кущи, а доведись ему лицезреть в этот момент какого-нибудь осла из конюшни, он, чего доброго, вообразил бы, что это сам шайтан явился по его грешную душу. В общем, забывши все на свете, сыпал он перед ней каменьями драгоценными из своего кошеля в таком количестве, что не у каждого богатея найдется столько же, даже если он продаст все свое имущество. А сколько всего наговорил…
— Может, он казенными камнями похвалялся? Прихватил с собой,

да и завернул к тебе — отдохнуть от трудов тяжких. Не он один любит пыль в глаза пустить чужим золотом. А уж наговорить можно вообще все, что душа пожелает, — заметил Шосс.
— Кабы так, я бы тебе не рассказывал, — хитро улыбнулся Ахмед. — Ноя у меня женщина пронырливая, но и разумом ее Создатель наделил. Когда Атабек пришел в совершенно бесчувственное состояние, причем ясно было, что надолго, она взяла и посмотрела, что да как у него припрятано. Оказалось, сокровищница ходячая. Все внимательно изучила, но ни одной вещи не взяла, за что и ценю ее — другая бы при виде такого богатства голову потеряла. Такое бы было… Да, о чем это я? Ах, вот, и нашла она у него один свиточек. С письменами непонятными. А вот свиточек она мне принесла, умница. Покуда Атабек в беспамятстве в раю своем пребывал, ему этот свиток был без надобности, и временного его отсутствия он не заметил. Ну, я в его содержании понял не больше, чем Ноя, но сделал копию, а Ное свиток отдал, чтобы она его на место положила.
Шосс молча слушал, но огонек, мерцающий в его глазах, свидетельствовал о том, что повествование чайханщика становится ему все интереснее и интереснее.
— А потом я отнес этот свиток тому писцу, которого ты мне присоветовал, Рахиму. Он действительно мастер на такие дела. Через неделю забрал у него расшифрованный текст. Рахим даже ключ предложил к нему купить за отдельную плату. Но я сказал, что пока подумаю.
— Не удивлюсь, если Рахим ни черта не расшифровывал, а просто-напросто придумал эту тайнопись аккурат по заказу самого Атабека, — пробормотал Шосс. — А тебе продал перевод собственного шифра. Тем более знал, шельма, что репутация его не пострадает, так как я тебя рекомендовал…
— А? — вытянул шею Ахмед.
— Забудь. Молодец, правильно сделал. Что там было?
— Сам посмотри. Я не все понял, но уразумел главное: тебе это может быть очень и очень интересно.
С этими словами Ахмед протянул гостю скрученный пергамент.
Шосс развернул его, вчитался, и дыхание у него перехватило.
— Какой же идиот записывает такие вещи, да еще носит с собой, хотя бы и зашифрованные! — вырвалось у него.
— Курил бы наш достопочтеннейший Атабек поменьше опиума, может, и не пришлось бы записывать, — ядовито усмехнулся чайханщик.
— Должно быть, твой Атабек считает себя куда умнее простых

смертных, — насмешливо прищурился Шосс. — Попадись эта бумажка в руки преданных шаху людей, Атабеку грозило бы такое, что все муки ада показались бы детской забавой. Оригинальная копия есть?
Ахмед с готовностью протянул еще один пергамент.
— Ну да, шифр хорош. Да только Атабеку, видать, невдомек, что даже если бы он сам его придумал, и то… Впрочем, репутация Рахима посильнее мозгов и не таких деятелей, как Атабек.

Шосс изучил пергамент на одном духу. Фактически это была ведомость полученных и сданных ценностей. С указанием, что попадает в руки лично Атабека, а также кому и сколько он должен заплатить, с именами и датами. Имена подельников Атабека интересовали Шосса в последнюю очередь, но становилось понятно, через каких людей Атабек проворачивает свои делишки и в каких масштабах.
— Если бумага не врет, в скором времени Атабек повезет бесценный груз. Уедет с одним набором ценностей, вернется с другим, в сотню раз дешевле. Стоимость же того, что он повезет туда, заставила бы меня сомневаться в правдивости сведений, если бы они не были получены от тебя, — сказал Шосс негромко, как бы беседуя сам с собой.
Расширенные от жадности глаза чайханщика заставили Шосса улыбнуться:
— Не беспокойся, мой дорогой Ахмед, ты получишь свое вознаграждение, и, клянусь, оно будет гораздо больше того, что ты можешь себе представить.
Лицо чайханщика непроизвольно озарилось широкой довольной улыбкой. Он знал, что на слово его чужеземного друга можно положиться, и если этот друг обещает царское вознаграждение, значит, так оно и будет.
Его глаза мечтательно блуждали по комнате, а перед мысленным взором вставали россыпи обещанных Шоссом сокровищ. Неожиданно кое-что привлекло его внимание.
— Ба! — удивленно воскликнул Ахмед, показывая пальцем направление. — Да это же он!
Дело в том, что комната, в которой чайханщик принимал Шосса, была расположена на верхнем этаже, а в стене имелись замаскированные лепниной небольшие окна, чтобы находящиеся в комнате могли беспрепятственно наблюдать за гостями внизу.
— Кто? — живо спросил Шосс.
— Атабек, собственной персоной. С кем это он? А-а, с сыном заявился.

Шосс встал со своего ложа и глянул в окно.
— Вот тот, справа — указал чайханщик. — А рядом его сын.
— В бело-зеленой чалме?
— Да, он.
Несмотря на то, что было довольно далеко, Шосс обладал достаточно острым взором, чтобы отлично рассмотреть указанного человека. Тощий, чуть сутулый. Лицо усыпано оспинами, но умеренно, не до безобразия. Выражение лица какое-то неприятное, скорее похожее на… Да, точно, на хорька. С этого момента Атабек стал для него Хорьком. Если следовать поговорке «Бог шельму метит», то наружность Атабека довольно неплохо ей соответствовала. При беглом изучении внешности его сына, возлежавшего на ковре напротив отца, становилось ясно, что означенная шельмовская черта является их наследственным достоянием. Огромная, белоснежная с зелеными прожилками чалма украшала голову Атабека. Длинными костлявыми пальцами с несколькими драгоценными перстнями он время от времени брал со стоящего рядом блюда сласти и отправлял их в открывавшийся жадно, как у птенца, рот над седеющей бородой. Несколько впалую грудь и иные физические недостатки скрывал богато расшитый золотом халат. Родственники вели непринужденную беседу, о гнусном характере которой можно было догадаться по блуждавшим на их лицам ухмылкам, с которыми они бросали взгляды на танцующих женщин. Симпатий личность Атабека у Шосса отнюдь не вызвала; тем более, будучи только что наслышан от чайханщика о моральных качествах Хорька, Шосс пришел к выводу, что Атабек из породы наиболее ненавистных ему людей. Такого как клопа раздавить не жалко, не то что изъять некоторую долю его имущества.
— Ну что же, почтенный, — пробормотал Шосс, легонько барабаня пальцами по тонкому стеклу окна, — давай знакомиться. Только знакомство у нас будет, уж извини, одностороннее.

Через несколько дней Шосс знал о личности, привычках и окружении Хорька, пожалуй, даже больше, чем сам Хорек. Равно как и то, что через две недели Хорек отправляется с большим караваном на север, якобы по семейным делам. На самом же деле пунктом его назначения был небольшой приграничный городок, где Хорек должен был произвести все запланированные манипуляции с драгоценным грузом. С собой он брал только двух верных псов-телохранителей, не одаренных особым умом, но зато отличавшихся звериной силой и ловкостью, — как раз то, что требовалось в подобных мероприятиях. Брать с собой многочисленную стражу Хорек не осмеливался — это привлекло бы ненужное вни-

мание. К тому же он был абсолютно уверен, что ни одна душа не знает об истинной цели его поездки, и путешествие с большим, отлично охраняемым караваном его устраивало. Так сказать, здравый смысл перевешивал естественные страхи. А для прочих случаев надежной охраной была эта парочка, которую Шосс мысленно прозвал Каин и Авель, следуя своей старой привычке давать людям, попадающим в поле его профессионального внимания, прозвища, в том числе библейские.

Двух недель было более чем достаточно, чтобы подготовить все необходимое для сопровождения Хорька в его путешествии. Разумеется, знать о том, что в поездке их будет не трое, а четверо, Хорьку было совершенно не обязательно.

* * *

Пришло время действовать. Теперь уже Шосс точно знал, где искать драгоценный груз, благодаря неосторожности Хорька и его пагубной склонности к дешевым эффектам. В первые дни своего тайного следования за Хорьком он уже успел осторожно изучить содержимое его дорожных сундуков и лишь убедился, что Атабек не бросил свои сокровища туда абы как, без присмотра, чего, собственно, и приходилось ожидать. Тем более, что молодцы из охраны Атабека, в основном, находились при его тощей персоне, а вовсе не у сундуков с поклажей. А сундуки у Атабека были тяжелые, дубовые, с толстыми стенками, окованные железом. Соответственно, на ум приходили две вещи: либо Атабек непрестанно носит ценности с собой, либо они спрятаны в тайных полостях его дорожных сундуков, вес и конструкция которых явно позволяли это проделать. Вариант, что Хорек доверил ценности кому-то из охранников, Шосс отбросил сразу. Если они что и прятали под халатами, так это большой набор всевозможных смертоубийственных орудий. Если же дать волю фантазии, можно было предположить, что Атабек накормил драгоценными камнями свою лошадь, собираясь таким образом благополучно перевезти все ценности в ее брюхе. Правда, при таком раскладе, лошадь опорожнилась бы драгоценным грузом гораздо раньше, нежели это входило бы в планы Атабека, на удивление возможным многочисленным свидетелям. Да и хорьковы молодцы тогда дежурили бы скорее у лошади, а не у хозяйского тела, чтобы ее, не приведи Аллах, не украли. Шосс обладал хорошей фантазией, и образ Атабека, стоящего с тазом под лошадиным хвостом в ожидании сверкающей груды, едва не заставил его потерять обычное хладнокровие и захохотать безу-

держным смехом.

Аккурат сегодня, лежа в темном углу караван-сарая, Шосс, видя, что и Хорек, и его бравые ребята надолго обосновались в общей зале, собирался было привести в исполнение план по изучению сундуков на предмет секретного груза, но запальчивая выходка Хорька с драгоценным камнем решила все дело — копаться в них необходимости более не было. Тем более что Хорек был человеком того типа, который, что называется, всегда кладет все яйца в одну корзину.

...Шосс шагнул обратно к двери и выскользнул из комнаты. Хорек остановился в дальней маленькой комнате под самой крышей. Коридор перед ней заворачивал вбок, и других дверей там не было. В коридоре тускло светили себе под нос всего две подвесные лампады в глиняных плошках, распространяя вокруг запах горелого жира. Тишину нарушали только редкие приглушенные звуки с первого этажа да снаружи, где в загоне для вьючного скота иногда всхрапывали спросонья верблюды и лошади. Из комнат постояльцев не доносилось ничего, кроме похрапывания и слабого потрескивания кроватей под ворочавшимися во сне телами. Бесплотным призраком Шосс двинулся по коридору к дверям, за которыми расположился на ночлег Атабек.

А вот и поворот. За ним — дверь в комнату Атабека. Шосс услышал тихое сопение охранника, который явно устроился на своем обычном посту, — поперек хозяйских дверей. Открыть дверь, не потревожив его, было невозможно. Шосс вынул из кармана маленькое зеркальце на длинной раздвижной спице и, нагнувшись, осторожно высунул его из-за угла, держа спицу за самый кончик. Так и есть: поперек входной двери с комфортом расположился Авель. Шосс на секунду задумался, почему он прозвал этих двоих именами небезызвестных библейских братьев. Может быть, потому, что они ему показались родственно похожими, и один из них явно недолюбливал другого. А может, просто потому, что с юности привык издевательски награждать человеческие пороки и недостатки какими-нибудь именами, почерпнутыми им еще в раннем детстве из отцовских религиозных книг, которые он начал ненавидеть гораздо раньше, чем открыл свой первый замок без ключа.

Невозмутимо посапывающий Авель мог бы ввести в заблуждение многих, но только не Шосса. Он знал, что стоит ему издать малейший звук, как Авель тут же приоткроет глаз и молниеносно глянет в направлении источника шума. Сторожевые рефлексы у Авеля были развиты не хуже, чем у натасканной собаки. Но в этот

раз противник был ему не по зубам. Обнаружилась еще одна помеха — тусклая чадящая лампадка. Шосс извлек из-под складок своей серой, обволакивающей его подтянутое тренированное тело накидки некое приспособление, при ближайшем рассмотрении оказавшееся гибридом рогатки с баллистой. Снарядив устройство небольшим вязким шариком, он направил его на огонек фитиля и, задержав дыхание и помедлив пару секунд, спустил механизм. Не издав сколько-нибудь явственного звука, устройство выплюнуло шарик точно в фитиль, под самым трепетно пляшущим язычком пламени. Жар маленького огонька мгновенно растопил вещество, из которого состоял метательный снаряд, и пламя немедленно угасло.

Теперь свет в коридор поступал только из крохотных окошек под самым потолком, что позволяло обычному человеческому глазу видеть не намного дальше вытянутой руки. Выждав некоторое время и убедившись, что Авель никак не отреагировал на погасший светильник, Шосс спрятал метательное устройство обратно и осторожно достал какой-то крохотный флакончик из толстого стекла с прочно завинчивающейся крышкой. Потом гибельной тенью скользнул к охраннику.

Склонившись над лежащим возле двери человеком, Шосс негромко щелкнул пальцами перед его лицом. Авель моментально открыл глаза, от неожиданности резко и рефлекторно вдыхая воздух судорожно расширившимися ноздрями прямиком из подставленного ему под самый нос флакона. И тут же, издав носоглоткой какой-то нечленораздельный булькающий звук, слабо дернулся всем телом. Глаза его закатились, и он более не шевелился. "Один готов", — мысленно сказал самому себе Шосс. Пора было заняться вторым. Каин находился либо в комнате хозяина, либо... Вот к этому самому "либо" сейчас и пора было направляться. Выводить Авеля из поставленной Шоссом маленькой ночной пьесы прямой необходимости не было, однако в случае непредвиденных обстоятельств его вмешательство пришлось бы крайне некстати. Охранники вообще любят действовать прямо противоположными Шоссовой манере методами — много шумят, хрипло орут, громко брякают оружием, пытаются уколоть всевозможного рода острыми предметами, привлекают массу ненужного внимания и, главным образом, стараются создать множество препятствий на пути к быстрому тактическому отступлению. В общем, совершенно неприятные личности.

Шосс кошачьим шагом вернулся в свою комнату, снова запер дверь, подошел к окну и распахнул тяжелые ставни. В затхлый и

неподвижный воздух ворвалось благоухание прохладной ночи. Он выглянул в окно и убедился, что внизу не околачиваются некстати какие-нибудь посторонние личности, и что вокруг, насколько хватало его взгляда, не было ни единой живой души. Несколько секунд — и Шосс взобрался на крышу, стараясь особо не высовываться, чтобы не быть замеченным каким-нибудь случайным прохожим. Через минуту он был уже на другой стороне здания, там, где под самой кровлей должно было находиться окно Атабека. Распластавшись около самого края крыши, он осторожно глянул вниз.

Невысокий чахлый тополь, растущий под окном комнаты Хорька, подпирала плотная фигура Каина. Он стоял к Шоссу левым боком, и под его расстегнутым халатом можно было заметить едва различимое поблескивание рукоятей холодного оружия, имевшегося у охранника в явном избытке. Местонахождение здесь Каина было вполне ожидаемым. Судя по тому, как охранник перетаптывался с ноги на ногу, было ясно, что он не дремал и нес доверенную ему вахту относительно сносно. Шосс извлек из-под своей накидки моток тонкой веревки и, отмотав сколько требовалось, тщательно закрепил один ее конец особым хитрым узлом над окном комнаты и стоящим внизу охранником. Другой конец веревки был снабжен небольшим металлическим крючком, и Шосс прицепил его к специальному креплению на своем поясе, для чего ему пришлось на секунду раскинуть полы накидки, сделавшись похожим на рванувшуюся в полет летучую мышь. Чахлые редкие ветви тополька не должны были создать ни малейшей помехи замыслу Шосса. В его правой руке обозначилась небольшая дубинка, особо утяжеленная на конце. Он присел на корточках на краю крыши и принялся смотреть вниз, выжидая удобный момент. Прошло целых пять минут, прежде чем Каин, сдвинувшись затекшим телом в поисках удобной позы, оказался в наиболее подходящем положении. Шосс бросился вниз на свою жертву, как паук из паутины. Веревка спружинила, когда Шосс разящей тенью подлетел к охраннику, вытянулась, гася инерцию полета тела, и на мгновение распластанная в воздухе фигура Шосса оказалась за спиной Каина, у самой его головы. Короткий удар дубинкой в область затылка — и бесчувственное тело, обмякнув, тихо завалилось на землю. Через десяток-другой секунд Шосс, зависнув на веревке напротив окна, уже отворял массивные ставни, предварительно капнув на их петли жидкостью из обернутой в ткань маленькой металлической бутылочки.

Его не беспокоило предположение, что Атабек, сидя на посте-

ли, поджидает незваных гостей. Он знал, что Хорек использует в светильниках свои ароматические масла. И что до этого везде, где ему приходилось останавливаться, он заменял масла в светильниках на те, что возил с собой, — с добавлением благовоний. И что некоторый запас этого масла всегда находится у него в дорожных пожитках. Поэтому в прошлый свой неофициальный визит Шосс разбавил содержимое этого масла неким снадобьем. При использовании такой смеси в светильниках люди, находящиеся в помещении, вскоре должны были почувствовать неодолимую сонливость и, спустя какое-то время, крепко уснуть. С учетом времени, которое Атабек уже провел в своей комнате, светильник должен был нагореть достаточно для того, чтобы усыпить тело куда более могучего сложения, нежели доставшееся Хорьку по воле Аллаха.

Трудно сказать, чем руководствовался Атабек. Может быть, ему претили запахи общественного помещения. Может быть, этим он хотел показать свою утонченность, а может, это просто была одна из многих болезненных привычек, коими Хорек, как успел выяснить Шосс еще в столице, страдал в избытке. В конце концов, это было не важно. Главное то, что Атабек уже должен был крепко спать, и какие бы кошмары ему ни снились, тот, что ждал его наутро, не шел с ними ни в какое сравнение.

Шосс проскользнул в комнату. Неожиданно легкая тень неясной тревоги кошачьими коготками царапнула грудь. Он напрягся и замер на месте. Обычная гостевая комната... Кровать с примитивным балдахином для защиты от назойливых насекомых... Низенькие тумбочки и дорожные сундуки... Потертые дешевые ковры... Причудливые тени от предметов незатейливой меблировки плясали на стенах, отбрасываемые огоньком светильника, заколыхавшимся от струи свежего воздуха из открытого Шоссом окна. Один из дорожных сундуков Атабека был приоткрыт, являя глазам свои недра с каким-то тряпьем и листами бумаги. Сам Атабек мирно почивал на кровати. На самый внимательный взгляд все было в полном порядке и ничто не могло помешать осуществить задуманное. Убедившись в этом, Шосс направился к лежащему человеку.

Мерное дыхание легонько поднимало и опускало впалую грудь Атабека вместе с правой рукой, покоившейся на ней под халатом. Нетрудно было предположить, что Хорек держался за рукоятку кинжала, вслушиваясь в ночные звуки, да так и заснул. Второй кинжал наверняка был у него под подушкой. Физиономия спящего Атабека выражала некоторую тревогу. Должно быть, беспокойство за свой драгоценный груз не отпускало его ни на мину-

ту, даже во сне. Легкая улыбка озарила обычно невозмутимое лицо Шосса. Он на секунду представил себе выражение лица Хорька, когда тот обнаружит пропажу. Жаль, не удастся увидеть это зрелище. К тому времени он, Шосс, будет уже далеко. Шосс одернул рукава и опустил руки к застежкам халата Атабека. Он уже расстегнул большую их часть, когда…

Когда он вдруг понял причину беспокойства, охватившего его, едва он проник через окно в помещение. В комнате пахло ДРУГИМ маслом. Разница ощущалась слабо, но она была. В памяти Шосса сразу промелькнуло несколько дневных образов: Атабек, повелительно кивнувший Авелю, сам Авель, красноречиво торгующийся в своей обычной манере — потоком сквернословий — с проезжим купцом, купец, со смиренным выражением лица укладывающий что-то в корзинку для покупок. А торговал купец…

В светильнике горело девственно чистое масло. Масло, не отягощенное примесью Шосса.

Атабек открыл глаза. Зрачки его, при виде склонившегося над ним, как смерть, незнакомца в сером балахоне, раскрылись почти во всю ширину белка, а сами глаза выпучились из орбит так, что, казалось, они сейчас лопнут. Он открыл рот для отчаянного крика. Разящей черной мамбой правая рука Шосса метнулась к горлу Атабека, словно он хотел ударить его кулаком в адамово яблоко. Из рукава над кистью выскочило тонкое смертоносное лезвие. Скользнув над сжатой рукой, оно вонзилось на всю длину в горло обреченного человека. Левая рука Шосса зажимала рот жертвы, заглушая предсмертный хрип. Тело Атабека задергалось в корчах, и Шосс навалился на него всем своим весом. Несколько мгновений тело сотрясала судорога; затем оно обмякло. Глаза Атабека, вытаращенные в смертельном ужасе, подернулись дымкой. Он был мертв.

Шосс не испытывал ни малейшего сожаления. Только досаду на свою оплошность, приведшую к нежелательному отклонению от задуманного. Не он первый, не он последний. Но Атабек был слишком видной фигурой, чтобы его убийство прошло бесследно. И непосредственно за его устранение никто не платил. Впрочем, если добыча того стоит, можно и пренебречь такой малостью, как смерть Хорька, и чередой некоторых осложнений, которые она может с собой принести. Вытерев окровавленное лезвие о халат убитого, Шосс бегло осмотрел себя и убедился, что на него не попало ни капельки крови. Клинок исчез в потайном креплении над рукой так же молниеносно, как и появился.

Церемониться нужды уже не было. Шосс распахнул халат

убитого. На еще теплом теле Хорька тесными рядами были закреплены на особых ремнях плотные бархатные мешочки. Шосс принялся спарывать их, один за другим. Срезав несколько мешочков, он для проверки поочередно высыпал содержимое двух из них на ладонь. Даже в убогом свете простенького светильника, который Шосс не счел нужным гасить, будучи уверенным в беспробудном сне своей случайной жертвы, камни загадочно мерцали драгоценным блеском. Судя по всему, они были рассортированы по видам и по размеру. Даже навскидку их общая стоимость представлялась поистине огромной. Детальной оценкой добычи можно и нужно было заняться позже. Тщательно упаковав многочисленные мешочки в специальный широкий нательный пояс, Шосс плотно обмотал его вокруг своего тела, исключив малейшую возможность нежелательного движения ценного груза.

Через некоторое время он оказался на веревке у стены и закрыл ставни комнаты. Потом быстро спустился на землю. Немного раскрутив веревку, он как-то по-особому дернул ее. Хитрый узел на крыше развязался, и веревка змейкой упала к его ногам. Шосс аккуратно смотал ее, и она тут же исчезла под его широкой накидкой.

Вскоре он уже скакал на лошади в ночную мглу, прочь от караван-сарая, подставляя разгоряченное лицо прохладному ночному ветерку, направляясь на север одному ему известным маршрутом. Копыта лошади были обернуты тканью, чтобы заглушить громкий топот в ночной тишине. Когда обнаружат труп Хорька, даже если его свяжут с исчезновением одного из постояльцев, Шосс окажется уже далеко и найти его по горячим следам будет невозможно. Однако кое-какие меры предосторожности из-за незапланированного убийства принять все же придется. Но это позже. Сейчас — быстрая езда и бесшабашный кураж от редкой и богатой добычи. Кураж, который он всегда испытывал после того, как удачно заканчивал очередное дело. Эйфория от собственного мастерства и чувства полной безнаказанности.

– 2 –

Терпкие запахи деревенской таверны в изобилии проникали через приоткрытую дверь в отдельный кабинет, где за плохо оструганным дощатым столом, покрытым запятнанной скатертью неопределенного цвета, сидели друг напротив друга два человека. Одним из них был Шосс. Он, не торопясь, потягивал темное пенное пиво из большой глиняной кружки. На столе перед ним стояла тарелка с остатками трапезы, в которой угадывалась жареная ку-

рица.

Собеседник Шосса к еде не притронулся. Он лишь изредка маленькими глотками пригублял вино из оловянного стакана, бросая полные сомнения взгляды на запыленную, покрытую паутиной бутылку. Это был невысокий сухопарый старик с бородкой на испанский манер. Лицо его еще не было морщинистым, как у глубокого старца, но возраст уже накладывал свой неумолимый отпечаток на его чело. Его короткие седые волосы давно утратили прежний блеск и оттенок, а тронутые артритом пальцы уже не служили своему хозяину с прежней ловкостью. Внешне он производил впечатление купца, отошедшего от дел, и лишь холодные серые глаза выдавали натуру сильную и властную. Их внимательный взгляд, казалось, пронизывал собеседника насквозь. Говорил он негромко и неторопливо:

— Твое последнее дело, несомненно, одно из самых удачных, если не сказать больше. Я прибыл сразу, как получил весточку от тебя. Но пойми меня правильно: такую добычу нельзя устроить сразу, одним махом. Очень большая партия. Весьма ценная, это само собой, но понадобится некоторое время, чтобы получить настоящую цену. Поэтому, если ты не торопишься, я бы посоветовал взять деньги частями. Сроки мы оговорим. Сразу ты можешь получить намного меньше того, что стоит твоя добыча.

Шосс лениво вытянул ноги и коротко кивнул в знак понимания.

— Кроме того, есть некоторые осложнения из-за кончины предыдущего хозяина драгоценностей, — продолжал старик. — Его смерть наделала много шума. Но самое неприятное, что дело, насколько мне известно, вышло наружу. Брат твоего Атабека проявил излишнюю ретивость, добиваясь от шаха поисков и наказания виновных. И, как результат усиленного следствия, всплыли темные делишки Атабека. Впрочем, они не могли не всплыть. Пропала огромная партия драгоценных камней, причем некоторые из них предназначались для сокровищницы самого шаха. Официально дело сразу замяли. Для вида казнили парочку разбойников с большой дороги. Но теперь люди повелителя негласно переворачивают всю страну в поисках истинных виновников. Многие подельники Атабека схвачены. Наши люди сообщают…

— Не вижу особых бед в том, что схватили нескольких висельников, — внешне беспечно усмехнулся Шосс.

— Не надо прикидываться глупым уличным воришкой, не способным отличить карман ростовщика от кармана префекта, — поморщился старик. — Я бы тебе советовал некоторое время воздержаться от поездок в те края. Тем более что твой приятель Ах-

мед легко может сдать тебя властям, боясь за собственную шкуру. На этот раз дело весьма серьезное. Насколько мне известно, о нем ничего не знают, равно как и о наших людях. Но мне такой уверенности, как тебе, этот человек не внушает.
— Ну и напрасно, — проворчал Шосс. — Я мог бы сказать, что Ахмед доверяет мне, а я ему, но ты слишком хорошо знаешь меня, чтобы поверить в эту чушь. Просто ему совершенно не резон откровенничать с кем-то по поводу наших с ним дел, так как в этом случае никакие признания не спасут его самого. В случае чего он будет молчать и отпираться до последнего. Денежки, которые приходят к нему не без моей помощи, заставят его пойти на такой подвиг. Что же касается "ваших", — он сделал особое ударение на этом слове, — людей, то тебе очень хорошо известно, что своими делами я никогда никого не подставляю.
— Из тех, кого невыгодно подставлять, — усмехнулся старик.
— А хотя бы и так? Зато это гарантия нашего сотрудничества. Пока оно выгодно нам обоим.
— Ладно, речь не об этом. Просто постарайся не соваться какое-то время в те края. Не буду уверять, что ты мне дорог, просто не хотелось бы на пустом месте потерять очень полезного человека.
— Договорились.
— Теперь о деньгах. Как я уже сказал, из-за некоторых осложнений на продажу этой партии уйдет какое-то время. Ты должен решить, сразу ли ты хочешь получить деньги, но много меньше, чем мог бы, или позже, частями, но гораздо больше. Если я найду особых покупателей, эта сумма может оказаться больше в разы.
— Деньги у меня есть. Так что могу и подождать. А ты будешь класть мою долю в известные тебе места по мере поступления обещанных сумм. Но небольшую часть я хотел бы получить сразу. В конце концов, могу я немного покутить на честно заработанные деньги?
— Само собой, — сказал старик, пропуская слова "честно заработанные" мимо ушей.
— Когда? — живо спросил Шосс.
— Хоть сейчас.
— Было бы неплохо. Ты знаешь, я никогда даже и не думал, что ты можешь поступить нечестно с платежами, но вид золота после проделанной работы действует на меня умиротворяюще. Позволяет расслабиться в полной мере.
— Когда ты последний раз расслаблялся в Венеции, некий знатный господин долго искал тебя по всем притонам — после того, как ты выскочил из окна спальни его жены в одном нижнем белье!

— усмехнулся старик.
— Да ладно, Клаус! Чего старое поминать? Я бы уладил дельце потихому, кабы этот разбойник не ввалился к женушке в опочивальню в сопровождении толпы до зубов вооруженных молодцев.
— Могу себе представить, как бы ты его улаживал… Ну хорошо, — сказал старик, вставая, — побудь здесь, я сейчас принесу тебе твой бальзам.
Шосс коротко кивнул и утопил нос в пивной пене. Старик поднялся, неторопливо и аккуратно расправил складки на одежде и исчез за дверью в общий зал.

Пока Клаус отсутствовал, Шосс с некоторым предвкушением строил планы предстоящих развлечений. В перерывах между делами он любил вкусить от большинства человеческих пороков, хотя ни на одном из них никогда не зацикливался. Для него удовольствие являлось именно удовольствием, а не потребностью и, тем более, не пагубной привычкой. Он был осведомлен чуть ли не о всех притонах и злачных местах цивилизованного мира, что позволяло ему всегда приятно провести время в соответствии со своими насущными запросами. Однако он не только кутил напропалую, — разумеется, не под своей собственной личиной. Также он любил путешествовать, изучая новые места и людей. Своеобразные приключения выпадали на его долю обычно именно в такие периоды. Шосс вспомнил слова Клауса, и резкая черточка легла на его чело. Неплохо было бы навестить того вельможу, который принял слишком близко к сердцу шоссовы шалости с его женой, и устроить ему какую-нибудь подлянку. Конечно, он, Шосс, сам виноват, и даже не в прелюбодеянии с вельможиной женушкой, а хотя бы в том, что он вообще попался, забыв об элементарной осторожности. Но вельможа вел себя просто безобразно — привел свору слуг, размахивал оружием, кричал что-то более подобающее грязному рыночному торговцу, нежели знатному и воспитанному человеку, и вообще намеревался устроить явное членовредительство. И тогда пришлось удирать не слишком одетым в присмотренное, к счастью, заранее, окно. Скорее всего, вельможа до сих пор чернеет от злости, когда вспоминает те пустяковые события, так как все его попытки разыскать незваного гостя окончились неудачей. Тем более было бы неплохо снова навестить этого господина в его доме и позволить себе одну из своих невинных шалостей — он, Шосс, был мастером на такие дела. Мысли Шосса переключились на обдумывание того, какую именно форму примет эта невинная шалость. Но тут, к великому счастью для жертвы задумываемой проделки, дверь, скрипнув, приотворилась — это вер-

нулся Клаус.
— Мог бы и прикрыть дверь, — буркнул Шосс, неодобрительно косясь на дверную створку.
— Если я оставил дверь не затворенной, значит, были причины, — сухо ответил Клаус. — Я хочу, чтобы ты кое на что взглянул.
— А где мои деньги? — мигом спросил Шосс.
Клаус кисло усмехнулся. Решив не отвлекать внимание собеседника ненужными мыслями, он бросил ему туго набитый кошель — разумеется так, чтобы это не было видно со стороны двери.
— Вот. Можешь не пересчитывать. Здесь одна двадцатая того, что тебе причитается. Я куда честнее, чем все королевские казначеи вместе взятые.
— Когда тебе это выгодно, — съязвил Шосс, возвращая старику недавние слова в свой адрес.
Он мельком глянул на содержимое набитого до отказа кошеля, удовлетворенно хмыкнул и спрятал его за пазуху.
— Теперь, когда ты, надеюсь, доволен, я хочу привлечь твой благосклонный взор, — проворчал Клаус.
— Весь внимание, — улыбнулся Шосс.
— Взгляни на монаха вон за тем столом. Он там один, так что не ошибешься.
Шосс посмотрел в указанном направлении. Вполоборота к ним, почти у самой стены трактира, сидел ничем не примечательный монах в грубой коричневой робе, изрядно потрепанных сандалиях на кожаных ремешках и с деревянным крестом на груди. Ничем не прикрытая тонзура святого отца была окружена седыми волосами, морщинистое лицо с кустистыми бровями и крупным носом выражало усталость. На столе перед ним стояло небольшое блюдо с горохом и зеленью, а также кувшин с водой. Губы монаха беззвучно шевелились, толстые узловатые пальцы под столом медленно перебирали четки. Шосс некоторое время изучал его, но ничего примечательного не нашел.
— Отче за скудной трапезой, — сказал он наконец, пожимая плечами. — Ничего особенного не вижу. Разве только этот монах вкушает действительно скромную пищу вкупе с водой. В отличие от многих его собратьев по служению Христу, которые, судя по всему, привыкли ни в чем себе не отказывать. Если ты хотел указать мне именно на этот факт, то, хотя я, как ты знаешь, недолюбливаю служителей церкви, этот монах вполне достоин уважения, по крайней мере, на первый взгляд. Надеюсь, ты не воображаешь, будто вид одного смиренного монаха в корне изменит мои взгляды на всю их братию в целом?

— Твои религиозные убеждения меня беспокоят мало, пока не доставляют мне хлопот, — отрезал Клаус. — Меня больше интересует, что этот отче здесь делает.
Шосс откровенно расхохотался.
— А какая нам разница? Может, только что исповедовал кого-нибудь, может, совершает паломничество по святым местам, может, просто зашел утолить голод — хотя, признаюсь, блюдо для этого он выбрал не самое подходящее. Мало ли монахов бродит по городам и дорогам?
— Только не монахи ордена "Кара Господня", — задумчиво пробормотал Клаус.
— Хм… Постой, я что-то слышал о них…
— Большинство не слышали вообще. Да и те, кто слышали, все равно толком ничего не знают, а если и думают, что знают, как правило, заблуждаются.
— Не они ли занимаются всякой чертовщиной: демонами, ведьмами, проклятьями и прочей ерундой, напрямую связанной с якобы нечистой силой?
— Ну, твои сведения в общих чертах смахивают на правду. Если, конечно, считать все вышеупомянутое "полной ерундой". Но это верно лишь отчасти.
— Так просвети меня, — усмехнулся Шосс.
— Насколько мне известно, этот орден откололся от рыцарей-тамплиеров. Слово "откололся" — не совсем верное. Скорее, в силу своей специфики крыло ордена тамплиеров превратилось в самостоятельную организацию. Считается, что верхушка тамплиеров до сих пор покровительствует ему и оказывает всяческое содействие, в обмен помощь этого ордена в разных щекотливых ситуациях. Уже давно это полностью самостоятельное образование, которое предпочитает себя не афишировать. Главным образом, как раз в силу своей деятельности.
— И каков же профиль их деятельности? Уж явно не помощь пилигримам и не крестовые походы.
— Борьба с проявлениями зла в этом мире.
— Да неужели? Вот не ожидал, — хохотнул Шосс. — Монахи, борющиеся со злом! Светопреставление!
— Твои комментарии совершенно не остроумны, — заметил Клаус.
— Так вот, с проявлениями зла. Этот орден устраняет все физические проявления зла, чтобы оно более не наносило вред людям, если иные методы не принесли результатов.
— Гм. Это уже интереснее, — задумчиво протянул Шосс, прекрасно понимая, что собеседник не стал бы утомлять его разными глу-

постями.
— Ты дашь мне закончить? Хорошо. Суть в том, что уничтожение зла вовсе не обязательно подразумевает умение проткнуть вампира осиновым колом или изгнать демона, хотя, говорят они и в этом мастера. Бывает так, что какой-либо человек несет в себе зло, которое не искоренить всеми известными методами, включая церковные и светские. И тогда в дело вступают братья ордена "Кары Господней".
— Я думал, этим занимается инквизиция.
— Все так думают. Однако, вопреки общепринятому мнению, возможности инквизиторов не безграничны, хоть она и пользуется широкой поддержкой Святого престола и весьма распространена во многих государствах. Инквизиция действует строго в рамках установленных правил и законов.
— Логично.
— Однако некоторые моменты бывает очень трудно или вовсе невозможно преодолеть. Пример? Власть и связи. Бывают и более сложные задачи: например, избежать широкой огласки, чреватой брожением умов и сильным воздействием на простое население. Однако если существуют неоспоримые доказательства присутствия нечистой силы или ереси с явной примесью дьявола, которая наносит или собирается нанести серьезный вред, с этим надо что-то делать. И тогда этим занимается орден "Кары Господней".
— Не до конца понимаю…
— Если у тебя в деревне завелся оборотень или демон, орден проводит свое расследование и принимает меры. Как правило, всегда существует совершенно реальная подоплека, которая больше по части светских властей, чем церкви.
Шосс саркастически поднял бровь при словах "как правило".
— Здесь я с тобой, пожалуй, соглашусь, — кивнул Клаус. — Все эти игры в битву сил добра и зла — для невежественной черни. Пусть она верит в то, что по ночам разгуливают упыри, а ведьмы насылают бури, уничтожающие посевы. Меня больше интересует другой аспект деятельности ордена. А именно — если, к примеру, какой-либо влиятельный и знатный сеньор оказывается причастен к тому, что считает своим долгом искоренять этот монашеский орден, то… То, говорят, сеньор довольно скоро отправляется в объятия Всевышнего под церковные песнопения.
— Вот как? — Шосс от неожиданности поперхнулся пивом. — Это что, наемники в рясах? Клянусь всеми чертями ада, если бы мне хорошо платили, я бы бегом побежал вступать в их ряды, хотя до сего момента сама мысль о чем-то подобном была мне глубоко не-

нависти.
— Боюсь, на их службе ты бы не разбогател. И главное — они свято верят в то, что делают. Или очень хорошо делают вид, что верят. И еще одно: что бы ты себе не думал, они не убийцы по найму и никаких контрактов не заключают. Это самые настоящие монахи, с точки зрения веры. Они верят в то, что искореняют зло. Если кто-то предоставляет им неопровержимые доказательства, орден действует. Они действуют и сами, когда считают нужным. Но если ты попытаешься сфабриковать обвинение или оклеветать потенциальную жертву, скорее всего, добьешься как раз… э-э-э… обратного результата.
— Все равно никогда не поверю в то, что такими крайне щекотливыми делами можно заниматься без какой-либо корысти. Такие дела, если я тебя правильно понял, сами по себе не решаются. Да еще руками каких-то монахов.
— Я тебя и не прошу во что-то верить. Однако среди них найдутся и такие, с кем я тебе лично не посоветовал бы встречаться. Тем паче что, будь они осведомлены о твоей деятельности, быть может, в их уставе отыскалась бы строчка и о таких личностях, как ты.
— Ладно, экскурс в историю оставим. Я так полагаю, ты решил поделиться со мной этими сведениями вовсе не для того, чтобы произвести на меня впечатление. Спрашивать, откуда ты все это знаешь, тоже не буду — все равно не скажешь. Но от меня ты явно чего-то хочешь. Чего именно?
— Да, я сказал тебе достаточно для того, чтобы ты имел общее представление. А дело мое вот в чем: меня интересует не столько этот монах, хотя любое появление в свете представителей этого ордена не случайно, и было бы любопытно, в том числе, узнать, что ему нужно. Ходят слухи, что некоторые из людей, с которыми я связан, попали в поле зрения этого ордена. Кроме того, некоторые наши клиенты вполне однозначно могут интересовать этих святых отцов, если не сейчас, так в будущем. Поэтому я буду рад любой информации, которую тебе удастся раздобыть о них. Сведения будут щедро оплачены. Кто предупрежден, тот вооружен. К тому же, я более чем уверен, что твой личный интерес к деятельности ордена, о которой я тебе только что вкратце поведал, будет столь же сильным стимулом, сколь и звонкая монета.
— Тут ты прав. Твоя байка раздразнила мое детское любопытство. Будь хотя бы половина правды в том, что ты сказал, мне бы уже захотелось узнать об этих святых отцах побольше. Тем более не даром, — улыбнулся Шосс, впившись в сидящего монаха пытливым взглядом. — Кто бы мог подумать, что под личиной этого ус-

талого, внешне безобидного монаха может скрываться безжалостный убийца!
— Кажется, ты все неверно понял, — покачал головой Клаус. — Убийство — смертный грех, тем более для служителя церкви. Эти люди искореняют проявления зла. Это не одно и то же.
— Ну вот, заодно и узнаем, не так ли? — медленно проговорил Шосс.
Он потер рукой лоб.
— Кстати, как ты узнал, что этот ничем не примечательный отче принадлежит к ордену… э-э-э… как его там?.. "Кара Господня"?
— Его четки. Они сделаны из омелы и осины. С серебряным крестом. Серебряный крест явно не вписывается в простое и, я бы даже сказал, довольно грубое одеяние этого монаха. Позволив себе изучить их чуть внимательнее, благо что святой отец не все время держал их в руках под столом, я пришел к выводу, что это четки упомянутого ордена. Прежде мне доводилось видеть такие…
Клаус помолчал, словно вызывая в памяти некие воспоминания.
— Ладно, — сказал он, — теперь давай условимся о том, когда ты получишь остальное тебе причитающееся.
Парочка еще некоторое время заговорщицки шепталась. Когда они, наконец, обо всем окончательно договорились, Клаус попрощался и пошел к двери.
— Не забывай, любая информация об ордене будет хорошо оплачена. А начать можешь с этого монаха, — уже выходя, бросил он напоследок через плечо.

Спустя пару минут Шосс позвонил в лежавший на столе колокольчик.
— Вот что, милейший, — сказал он, едва на пороге объявился расторопный слуга, — принеси-ка мне еще жаркого да кувшин холодного темного пива. И накрой вон за тем столом, рядом с почтенным святым отцом.
Поскольку Шосс планировал свой отъезд не раньше, чем через несколько дней, ему ничто не мешало заняться монахом.
— Послушай, любезный, — подозвал Шосс слугу, устав сверлить взглядом монаха, — здесь неподалеку есть какой-нибудь монастырь? Я никак не могу определить, к какой братии относится тот почтенный святой отец. Вскоре мне предстоит неблизкий путь, и я хотел бы перед этим посетить монастырь и сделать небольшое пожертвование.
— Нет, сударь, монастырей поблизости от нашей деревни нету, — ответил слуга.
— А откуда же тогда прибыл святой отец? — спросил Шосс, поиг-

рывая промеж пальцев серебряной монеткой.
— О, это очень просто, сударь, — с готовностью ответил слуга, жадными глазами следя за блестящим кружочком. — В город прибыл с визитом епископ. Его в пути сопровождают многие особы из духовенства, а также паломники, которые, с его благословения, продолжат путь по святым местам, а некоторые даже и в Иерусалим. Этот монах из их числа. Он счел для себя удобным остановиться в деревенской тиши, подальше от городской сутолоки. Как только его преосвященство закончит свои дела в городе и удостоит чести принять некоторых дворян, в том числе и нашего господина графа, он благословит пилигримов, и те продолжат свой путь. А его преосвященство вернется в свою резиденцию. Святой отец пробудет у нас еще три дня. Он очень набожный — употребляет только скромную пищу и каждый день подолгу молится в нашей церкви.
Монета перекочевала в карман слуги.
— Господину графу назначена аудиенция на послезавтра, — добавил слуга, расплываясь в счастливой улыбке. — Вместе с ним в город отправятся многие наши прихожане, в надежде услышать обещанную его преосвященством проповедь. Если вы желаете, сударь, можете отправиться вместе со всеми. Я думаю, послушать проповедь епископа будет не менее благочестиво, чем посетить монастырь.
— Тогда, пожалуй, я останусь у вас еще на три дня, — сказал Шосс. — Надеюсь, это возможно?
— Разумеется, сударь. У нас сейчас немного постояльцев. Кроме вас, всего несколько человек по разным делам. Да вот святой отец с сегодняшнего дня прогостит у нас трое суток в ожидании продолжения своего пути.
Шосс коротко кивнул и окунул нос в пивную пену. Задача вырисовывалась совсем простая. Надо будет наведаться к монаху в комнату и изучить его пожитки в надежде найти что-либо, представляющее интерес. Заодно за три дня проследить, чем будет заниматься духовная особа в этой деревушке. Хотя, скорее всего, монах направляется куда-то еще, а здесь остановился подальше от лишних глаз на упомянутое время. И все это имеет хоть какое-то значение только в том случае, если старину Клауса не одолел старческий маразм.

– 3 –

Нынешней же ночью Шосс прокрался в комнату монаха. Как удалось выяснить, его звали брат Антоний. Отомкнуть дверь не со-

ставило труда — простой замок сдался под первым же натиском отмычки. Отче также не собирался препятствовать непрошеному полуночному визитеру, ибо, явно не страдая бессонницей, оглашал пространство изрядным храпом. Брат Антоний почивал на простой деревянной кровати, покрытой жестким соломенным матрацем, и храпел с открытым ртом, раскинувшись по всей постели. Покрывало сползало с него на пол. Потемневший деревянный крест на груди мерно поднимался и опускался в такт дыханию. Неподалеку от левой рукой на полу лежал потрепанный молитвенник — должно быть, монах перед сном читал его, и он упал на коврик подле кровати, когда отче заснул. Нехитрое убранство комнаты, кроме постели с храпящим братом Антонием, состояло из деревянного сундука, столика из плохо пригнанных досок, пары шатких деревянных табуреток и комода, который своей древностью соревновался с возрастом всей постройки в целом. На столике красовался роскошный пир в виде кувшина с водой и краюхи черного хлеба. В довершение ко всему на глиняной тарелке виднелось немного зелени.

Убедившись, что просыпаться святой отец явно не намерен, Шосс принялся исследовать его скромные пожитки. Как и ожидалось, скарб брата Антония был небольшим. Ничего примечательного не обнаружилось, кроме еще одного молитвенника на латыни. Не то чтобы Шосс был великолепно знаком с латынью, но зачаточные знания у него, в силу детских лет, имелись. И церковных книг он перевидал немало, что в детстве, что в юности. Он узнал бы непонятные, но виденные ранее тексты, особенно снабженные иллюстрациями. Но такой молитвенник Шосс видел впервые. Немногочисленные изображения и символы производили странное впечатление. Мохнатые чудовища, оскаленные морды, кресты, сияющие светом, лица людей с текущей изо рта жидкостью и груды тел.

— Какая-то апокалиптическая книжка, — прошептал Шосс, невольно завороженный жутковатыми картинками.

Он запомнил то, что, скорее всего, было названием — напечатанное только в одном месте под обложкой. На будущее надо будет поинтересоваться у Клауса переводом. Позаимствовать бы у монаха этот молитвенник — но Шосс не привык действовать так, чтобы об этом становилось известно. Ведь даже законченный пьяница заметит, что у него пропал один из атрибутов его профессии.

До конца изучив содержимое комода и сундука и не найдя более ничего представляющего интерес, Шосс занялся самой персоной святого отца, благо что глубокий сон последнего этому по-

прежнему не препятствовал. На теле монаха обнаружилась маленькая плоская кожаная сумочка для хранения писем и пергаментов. Шосс шустро извлек ее содержимое, состоящее из двух верительных писем и маленькой медной печатки, какими обычно скрепляют документы. Запомнив рисунок печатки, он сразу вернул ее на место и занялся письмами. Первое было от епископа.

"Настоящим заверяю, что брат Антоний пользуется моей широкой поддержкой и благословением. Удостоверяю его личность и прошу всех духовных лиц моей епархии не чинить ему каких-либо препятствий, а также помогать ему, буде у него какая нужда в этой помощи возникнет"

Далее следовала размашистая подпись епископа. "Довольно серьезная бумага для простого монаха, тем более вроде бы паломничающего", — отметил Шосс. Второе письмо было от не известного ему адресата.

"Господин граф, удостоверяю личность и полномочия брата Антония как лица, которому на этот раз доверено заниматься известным Вам делом, связанным с наследием Вашей фамилии. Брат Антоний — признанный и уважаемый адепт нашего ордена, пользующийся моим личным уважением и доверием. В связи с характером Ваших последних писем могу Вас заверить, что брат Антоний лучше кого бы то ни было может справиться с этим делом. Да помогут Вам его знания, опыт и вера. Примите мое личное благословение. Наш орден и рыцари-тамплиеры никогда не забудут деяния вашего благородного предка на благо Христова воинства, и Ваша фамилия всегда может рассчитывать на всю возможную поддержку с нашей стороны. Писано и заверено собственноручно: канцлер Робер де Врие, магистр ордена КГ"

"Так-так", — хмыкнул про себя Шосс. — "Это уже теплее. Кажется, я знаю, что такое КГ. А верительные письма однозначно свидетельствуют в пользу того, что отче путешествует явно не с целью поклониться святым местам. Ну, что же, пока тут больше делать нечего. Удалимся к себе. Все, что теперь требуется, это понаблюдать, что брат Антоний будет делать дальше".
Шосс положил письма на место точно в таком же виде, в котором они там лежали, и осторожно вернул кожаную сумочку обратно. После чего удалился так же беспрепятственно, как и вошел, не забыв запереть за собой дверь.

С утра Шосс старался держать брата Антония в поле зрения. После завтрака в таверне монах побывал в церкви, где усердно молился целый час, в течение которого Шосс изрядно притомился изображать прилежного верующего, пристроившись на широкой лавке неподалеку. Потом монах, не торопясь, ходил по деревне, благословляя жителей и заводя с кем-нибудь из них душеспасительные беседы. К полудню он вернулся к себе в комнату. Становилось совсем уж скучно. До того скучно, что безобразная поножовщина с какими-нибудь местными забияками казалась весьма милым развлечением.

Однако вскоре к брату Антонию прибыл визитер — слуга с атрибутами и символикой местного сеньора. Графский слуга! Едва ли прошло пять минут, как он уже вышел вместе со святым отцом, и они оба удалились по направлению к замку, расположенному на высоком холме неподалеку от деревушки.

Шосс уже успел полюбоваться местными видами. Графский замок высился над верхушками деревьев мрачной и замшелой каменной громадой. Крытые черепицей остроконечные башни поднимались над зубчатыми стенами с частыми узкими бойницами. Над центральной башней трепетало на ветру полотнище с графским гербом. Древний замок пережил уже немало владельцев, и будет стоять, врастая в землю и покрываясь мхами, еще долго после того, как все населяющие его родовитые фамилии канут в Лету и навсегда сотрутся из людской памяти. И лишь случайный путник, забредший под сень потрескавшихся от времени стен, будет гадать, что за люди жили в замке, и какие времена помнят эти старые седые камни. А потом, поразмыслив о суетности и мимолетности всего земного, продолжит свой путь, а замок останется дряхлеть, уходя в вечность, храня память о людях, когда-либо ступавших на каменные плиты его двора.

Шосс не хотел бы жить в таком жилище. Оно непрестанно напоминало бы ему о том, что его собственная жизнь подобна мимолетному явлению, как жизнь мотылька-однодневки. Шосс не собирался жить вечно, но постоянное невольное напоминание об этом действовало бы на него гнетущим образом. А он не любил сожалеть и горевать. Он любил действовать. Ярко, быстро, зло — и всегда с чувством удовлетворения от содеянного.

Проследовать за монахом в замок не представлялось возможным. Хотя бы только потому, что разведка боем в данном случае была бы не самой удачной затеей, как бы ему ни хотелось выяснить, зачем брат Антоний туда прибыл. В том, что целью его появления был графский замок, сомнений уже не оставалось. Шосс

решил обождать монаха в деревне. А время ожидания можно потратить на непринужденные расспросы об обитателях замка.

Шосс покружил по деревушке. Надо сказать, это был довольно живописный уголок. Аккуратные ухоженные домики располагались стройными рядами вдоль чистых прибранных улочек. Над черепичными и соломенными крышами струились легкие дымки, упитанные собаки с лоснящейся шерстью беззлобно, скорее для порядка, погавкивали на проходящих мимо людей. В придорожных канавах блаженно похрюкивали откормленные свиньи, выводки поросят с визгом резвились поодаль. Крестьяне были одеты весьма прилично, и в глаза нигде откровенно не бросалась нужда или горе. Самыми заметными строениями деревушки были увитая буйно разросшимся плющом старая таверна, небольшая и невысокая, но аккуратная церковь классической архитектуры, дом старосты деревни, да парочка домов местных торговцев, которые, в силу своих доходов, могли позволить себе несколько более расточительно украсить свои владения, нежели остальные жители. Население, в целом, производило благоприятное впечатление и не относилось с явной неприязнью к чужакам, как это часто бывает в иных местах.

Шосс пообщался с местными крестьянами и рыночными торговцами и, главным образом, приналег на беседы в таверне, где остановились и он, и монах. У него отлично получалось втереться в доверие и развязать язык собеседнику, тем более какому-нибудь невежественному крестьянину. Очень натурально изображая добродушие, открытость и бесхитростность, он щедро подливал собеседникам хмельные напитки, перемежая их, когда это было нужно, плотными яствами. Вскоре большинство из тех, с кем Шоссу довелось таким образом пообщаться в местной таверне, души не чаяли в этом проезжем незнакомце. Вперемежку с целой охапкой сплетен и массой ненужной информации о том, у кого сколько свиней и кур народилось в этом году, какой нынче будет урожай, что портной — горький пьяница, а кузнец — силач, каких свет не видывал, Шосс быстро выведал почти все, что местные жители знали о своем господине.

Предки графа де Гензенау испокон веков жили в этом замке и владели этими землями. Со своими вассалами сеньоры всегда обращались хорошо: ремесла процветали, крестьяне жили вполне неплохо, и в их дворах водилась добрая скотина. Этот дворянский род всегда отличался своим здоровым и сильным потомством. Известность роду принес их предок, рыцарь Гензенау, принявший участие в крестовом походе и, говорят, особо там отличившийся,

за что был пожалован графским титулом. Но в землях нехристей, должно быть, подхватил он какой-то недуг, потому что, вернувшись, стал хворать. Это вынудило его вести затворнический образ жизни, и вскоре, несмотря на все старания врача и молитвы священника, он переселился в фамильный склеп под горестный плач своих многочисленных родственников.

И с тех пор как будто тень пала на графскую фамилию. Их становилось все меньше и меньше, мужчины не наследовали силу и доблесть, а женщины — здоровье и плодовитость предков. Род стал чахнуть, к искренней печали всех местных жителей, которые любили своих господ и понимали, что далеко не всем так повезло с добрыми и справедливыми сеньорами, как им. И с тех самых пор болезни и недуги преследуют потомков рыцаря Гензенау. Кто-нибудь в семье всегда страдает падучей, редко доживая до сорока лет. Они умирают от чахотки или несчастного случая, и часто в самом расцвете лет. Остальные же члены семьи как будто стесняются семейных недугов и стараются появляться в обществе не более, чем того требует их положение. Вот и дочь графа Бриана де Гензенау, Алина, унаследовала семейный недуг. Бедняжка, истинная красавица от природы, совсем не появляется в свете, смиренно неся выпавшее на ее долю тяжкое испытание. Шансов на продление рода у нее с каждым годом все меньше, так как ей уже двадцать пять лет, а постигшая ее хворь и, как следствие, затворническая жизнь делают призрачной ее надежду пойти под венец. Добрая и невинная душа, она ищет успокоение в вере Христовой и при любой возможности посещает религиозные мероприятия, всегда одаривает бедных и жертвует много средств на храмы и монастыри. Также в своих владениях сеньоры всегда рады видеть странствующих монахов и рыцарей, оказывают им всяческую поддержку и следят, чтобы они ни в чем не нуждались. Быть может, Бог услышит их молитвы и пошлет семейству благородного рыцаря Гензенау заслуженное благословение.

Нынешний сеньор, Бриан де Гензенау, за последние полгода заметно побледнел и осунулся. Должно быть, отец сильно переживает за свою дочь, недуг которой, как говорят, в последнее время стал усиливаться. Никто никогда не верил, что падучая болезнь, передающаяся в графском роду, имела какое-то нечестивое происхождение, хотя часто людей, страдающих подобными заболеваниями, обвиняют в одержимости бесами. Однако в последнее время злые языки, покарай их Господь, начинают перешептываться, что дыма без огня не бывает. Да мало ли кто что болтает…

Монах вернулся только утром. Вид у него был усталый и не-

сколько удрученный; тень сильного беспокойства легла на его чело. Он попросил к себе в комнату перо и бумагу и заперся там. Подслушивая под дверью, можно было без труда различить скрип пера о бумагу и постукивания его о дно чернильницы. Понятное дело, Шоссу до смерти захотелось узнать, о чем и кому пишет брат Антоний сразу после визита в графский замок. Шосс принялся глядеть в оба, гадая, пишет ли монах письмо и с кем тогда он его отправит, либо же просто делает заметки для себя, чтобы не забыть ничего из своей миссии. Упустить из своих рук то, что сейчас писал брат Антоний, не ознакомившись с содержимым, Шоссу совершенно не улыбалось — не у самого же святого отца потом выспрашивать все обстоятельства этого дела!

Спустя час монах вышел из своей комнаты и известил хозяина таверны о том, что направляется в город, вернется к вечеру и просит его комнату оставить за ним. Хозяин почтительно поклонился и ответствовал, чтобы святой отец не беспокоился: комната останется за ним сколько ему будет угодно. Брат Антоний поблагодарил его и вышел на улицу. Шосс последовал за ним.

Дорога вилась меж холмами пыльной желтой лентой. С одной стороны расстилались широкие поля, над которыми высоко в небе стремительно рассекали воздух ласточки, гоняясь за мошкарой. Невидимые глазу цикады упоительно стрекотали в густых травах, воспевая гимн теплому солнечному дню и ярко сияющему божественному светилу. С другой стороны пышными зелеными лапами нависал густой лес, теснившийся по обочине дороги так, что, казалось, задние деревья подпирают передние, и те вот-вот выпадут прямо на дорогу, смущенно поскрипывая стволами и шелестя убранством крон, словно извиняясь за причиненные неудобства. В лесу на разные лады перекликались птицы. Их голоса звучали весело и беззаботно, провожая проходивших мимо путников причудливыми руладами. Иной раз какая-нибудь шаловливая белка, взобравшись повыше по могучим ветвям древнего дерева, метко швыряла сосновой шишкой в проходящего мимо человека и, распушив хвост и радостно цвиркая, шустро уносилась в лесную чащу. В придорожной канаве журчал ручеек, питая своей прозрачной прохладной водой богатые всходы графских полей, с легким шелестом переворачивая мелкую гальку и вызывая у любого утомленного жарой живого существа непреодолимое искушение припасть к своей благодатной живительной влаге. Дорожная пыль клубилась облачками под ногами путников, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь нависающие ветви деревьев, рисовали на ней причудливые узоры. Изредка проезжающие экипажи поднимали в

воздух взвесь мелких золотистых частичек, заставляя отчаянно чихать наиболее смелых лесных обитателей, промышляющих возле самой дороги.

Однако Шоссу было не до окружающей идиллии. Он был озабочен желанием ознакомиться с последними трудами святого отца, явно не духовного содержания. Можно было бы, конечно, ограбить монаха или банально выкрасть его бумаги, но брат Антоний не производил впечатления слабоумного, который просто-напросто напишет все заново, как будто ничего не произошло, не задавшись мыслью о том, с чего бы это вдруг кому-то понадобилось совать нос в его миссию. Пока что оставалось, не вызывая подозрений, незаметно следовать за монахом и ждать какого-нибудь удобного момента. Но в складывающихся обстоятельствах можно было надеяться на то, что, возможно, удастся узнать, каким образом происходит обмен корреспонденцией. Наверняка есть какие-то отработанные схемы. К счастью, святой отец шел довольно бодрым шагом, и уже через три часа Шосс следом за ним ступил под сень городских стен.

Монах, пройдя сеть извилистых узких улочек бедных кварталов, вышел к церкви святого Иакова — как раз той самой, где епископ на днях собирался читать проповедь, и Шосс подумал, простое ли это совпадение. Здесь утоптанная грязь, служившая бедному району дорожным покрытием, заканчивалась и начиналась хорошо уложенная, но несколько стертая брусчатка. Ступени церковной лестницы спускались прямо к небольшой площади, окруженной невысокими каменными домами с красными черепичными крышами. Украшенный лепниной фасад величественно возвышался над потемневшими от времени массивными дубовыми дверями, а потоки солнечных лучей ярко сияли в разноцветных витражах больших окон.

Шосс прильнул к ближайшему угловому дому, расположенному совсем близко от входа в церковь, пока брат Антоний пересекал площадь и поднимался по ступенькам. Какой-то нищий в грязной оборванной одежде протянул к нему руку. Монах осенил его крестным знамением. Нищий благодарственно склонил голову, хотя Шоссу показалось, что тот остался несколько недоволен такой формой подаяния. Следом за монахом поднималась какая-то молоденькая, скромно, но со вкусом одетая девушка в белом шелковом платке, еле сдерживающем тяжелые светлые пряди ее волос. Оборванец протянул к ней руки, придав своему лицу самое жалостливое выражение. Девушка вынула довольно плотный бархатный кошелек, мелодично звякнувший своим содержимым, и пода-

ла нищему серебряную монету. Нищий рассыпался в благодарностях. Монах, явно удовлетворенный поступком девушки, одобрительно улыбнулся и благословил ее. Девушка смиренно склонила голову. Но едва они направились к дверям церкви и повернулись к оборванцу спиной, его лицо исказилось такой алчностью, что Шосс вздрогнул. Глаза бродяги впились в кошель, висевший на поясе у девушки, руки непроизвольно дернулись следом, а пальцы скрючились так, словно уже загребали содержимое кошелька. Зрелище было неожиданным и неприятным. Однако Шосс быстро опомнился и бросился следом за монахом. Взлетев по ступенькам и не обращая внимания на нищего, мгновенно принявшего самый убогий вид, он вошел в церковь.

Народу там было мало. Шосс быстро отыскал глазами брата Антония. Тот что-то говорил церковному служке. Служка кивнул и удалился, а монах подошел к алтарной перегородке, преклонил колени, глядя на большое распятие над алтарем, и принялся молиться. Шосс быстренько согнул колено перед дарохранительницей и сел на одну из крайних скамей, придав своему лицу самое благочестивое выражение, на какое только был способен. Через какое-то время из ризницы вышел среднего роста, но довольно широкоплечий диакон. Духовные особы обменялись приветствиями, отошли в дальний угол храма и принялись там заговорщицки шептаться. Шосс незаметно перемещался по скамьям все ближе и ближе к беседующим. Вскоре он оказался достаточно близко для того, чтобы увидеть, как молниеносно вынырнувшая из рукава рясы брата Антония бумага так же молниеносно скрылась в рукаве одеяния диакона. Вскоре после этого собеседники попрощались, склонив головы и осеняя себя крестным знамением, и брат Антоний пошел к выходу, а диакон направился к дверям ризницы. Шосс, недолго думая, последовал за диаконом, еще плохо представляя себе, что он будет говорить, если встретит кого-нибудь внутри и у него спросят, что он тут делает.

В ризнице никого не было. Здесь сильно пахло ладаном и благовониями. Шаги диакона гулко отдавались по каменному полу где-то впереди. Шосс двинулся на звук шагов, лавируя между столами с церковной утварью. С одного из них он позаимствовал и набросил на плечи какую-то накидку с капюшоном, чтобы при беглом взгляде сойти за священнослужителя. Углубившись в коридор, уходивший из ризницы, Шосс дошел до железной винтовой лестницы, ведущей вниз. Звук шагов доносился оттуда. Шосс, осторожно ступая по железным ступенькам, прокрался ниже и очутился в длинном, слабо освещенном помещении с целой вереницей

дверей слева и справа. Здесь пахло сыростью, временем и сыром. Каменные своды, низко нависая над головой, давили на плечи своей вековой тяжестью. Впереди, скрываясь за угол, мелькнуло одеяние диакона. Шосс беззвучно заскользил следом. Осторожно выглянув за угол, он увидел такой же ряд дверей, за одной из которых уже исчезал диакон. Едва захлопнулась дверь, в замке отчетливо щелкнул ключ.

Шосс мигом очутился у этой двери и прильнул к замочной скважине, достаточно большой для того, чтобы узреть через нее значительную часть скрывавшейся за дверью комнаты. В дальнем ее конце диакон преклонял колени перед распятием с горящей лампадкой. Перекрестившись, он открыл стоявший подле небольшой ларчик с помощью ключа, висевшего на цепочке у него на шее. С легким шелестом в ларец скользнула какая-то бумага, после чего диакон снова запер ларец, спрятал ключ на место и неожиданно резко пошел обратно к двери.

Шосс заметался. Рванувшись к ближайшей двери, он дернул на себя ручку. Дверь оказалась заперта. Он прыгнул к следующей — то же самое. Когда он тянул на себя уже четвертую по счету дверь, за его спиной раздался щелчок и послышался скрип дверной створки — это выходил диакон. Четвертая попытка оказалась удачной, и Шосс стрелой влетел в темноту, еле успев прикрыть за собой дверь. Ему было совершенно все равно, куда он попал, поскольку еще секунда — и диакон обнаружил бы непрошеного гостя, а это было бы весьма некстати. Судя по запахам, а так же попадавшимся в темноте под руки и бодавшим его в спину предметам, это было подсобное помещение с хозяйственной утварью. Каким-то шестым чувством он уловил падающее сверху, с задетого им стеллажа, железное ведро и умудрился поймать его в почти полной темноте, так как света, просачивавшегося сквозь крохотное замшевшее оконце под самым потолком, не хватало даже для того, чтобы сосчитать пальцы на руках. Где-то в углу зашуршала потревоженная неожиданным визитером крыса. Шоссу казалось, что он наделал невероятно много шума, и он затаился, напрягая слух. Едкая пыль отчаянно щекотала нос, и он делал страшные гримасы, изо всех сил стараясь не чихнуть. Однако диакон явно не услышал ничего подозрительного. Он спокойно запер за собой дверь и удалился. Когда его шаги затихли вдалеке, Шосс осторожно высунул нос наружу. Тишина. Через несколько секунд он уже изучал замок на искомой двери.

Проникнуть в комнату не составило ни малейшего труда. Вскоре его руки погрузились в содержимое ларца, куда диакон уб-

рал полученную от брата Антония бумагу. Там лежало всего три документа, и Шосс без труда отыскал нужный. Письмо оказалось запечатанным. Рисунок был тот самый, что Шосс видел прошлой ночью на печатке в кожаной сумке, которую он нашел под рясой монаха. Благо что рядом перед распятием горела лампадка — с его способностями аккуратно распечатать бумагу, не повредив при этом печать, не составляло труда. Такие глупости, как вскрытие чужих документов с помощью лампадки, горящей перед ликом Спасителя, его не волновали. Текст документа, оказавшегося письмом, был крайне любопытным.

"Магистру де Врие в собственные руки. Брат Робер, спешу сообщить вам все, что мне удалось установить касательно дела о Наследии Волчьего глаза. Беспокойство графа Гензенау было более чем оправдано. Болезнь его дочери прогрессирует, что за всю историю Наследия отмечалось лишь в единичных случаях и было всегда предсказуемо. Ситуация начинает выходить из-под контроля. Приступы болезни случаются все чаще, и впервые в состоянии покоя начинают наблюдаться признаки, которых прежде никогда не было. Мне удалось принять некоторые меры, подействовавшие должным образом, но эффект, к моему изумлению, был куда меньше, чем можно было ожидать. Более того, молодая женщина явно слабеет, и ей становится все тяжелее нести свою ношу. Положение начинает осложняться тем, что в народе пошли кривотолки. Есть хорошая поговорка: шила в мешке не утаишь. Боюсь, в данном случае она рано или поздно сбудется. Разумеется, пока это всего лишь разговоры на уровне сплетен, но слухи уже пошли. Конечно, пока никто и представить не может истинную суть вещей, но невежество и предрассудки могут сыграть не менее злую шутку, вынудив вмешаться служителей церкви, чего нам нельзя допускать ни в коем случае. Я должным образом проинструктировал графа на случай непредвиденной ситуации. Сначала я хотел было рекомендовать оставить при графской семье сведущего специалиста на постоянной основе, но собранная мной в местной епархии и графских землях информация заставила меня переменить мнение. Более того, это очень серьезно осложняет дело. Местное дворянство оказалось крайне враждебно настроено по отношению к ордену тамплиеров. К сожалению, как и многие другие. Удалось установить, что враждебные настроения были внушены доминиканцами при косвенной поддержке давних соперников ордена тамплиеров — госпитальеров. Вам, брат Робер, хорошо известно, какое серьезное давление последнее время оказывает не-

гласный союз доминиканцев и госпитальеров на Святой престол с целью пошатнуть положение рыцарей-тамплиеров. И, боюсь, на этом они не остановятся, тем более что с каждым днем проявляют все более неприкрытую враждебность. Кроме того, как удалось установить, они довольно успешно втягивают в лагерь своих сторонников другие монашеские ордена. На фоне этого просто недопустимо попадание в их руки любой информации касательно дела Наследия, так как всем известно, что тамплиеры покровительствуют графам Гензенау со времен крестового похода, а значит, все произошедшее поставят им в вину, и обвинение в ереси покажется детским лепетом по сравнению с тем, что может произойти на деле. Это будет страшным ударом по ордену, и я полагаю, что меры надо принимать, не откладывая в долгий ящик.

Я предлагаю переправить изумруд Волчий глаз в Рим, в особую хранилищницу Святого престола. Там можно будет принять все необходимые меры для окончательного решения этого давнего дела. Я понимаю, что это означает для фамилии графов Гензенау. Я помню обещания, данные орденом много лет назад доблестному рыцарю. Все это вызывает в моей душе искреннюю боль и терзания. Но речь идет об угрозе самому ордену тамплиеров, а в случае наихудшего развития событий — о смертельной угрозе. Хотя достоверно не установлено, но существует подозрение, что была утечка сведений — к счастью, не по делу о самом Наследии Волчьего глаза, но непосредственно по самому изумруду. И если информация, а тем более сам камень попадут в руки наших врагов, это будет катастрофой. Именно исходя из этого, я предлагаю свое заключение, которое должно быть озвучено на совете магистров: "В силу неожиданного, опасного и непредсказуемого обострения болезни, зарождающихся слухов, крепнущего союза врагов ордена и негативных для него настроений всей епархии в целом, а также некоторой утечки информации появилась серьезная опасность в утрате контроля и тайны в деле о Наследии Волчьего глаза. Опасность эта усугубляется тем, что может дать в руки врагов ордена сильное оружие против него. Выношу на решение совета магистров предложение переместить изумруд Волчий глаз в особую хранилищницу Святого престола для окончательного разрешения дела о Наследии".

Брат Робер, я буду ждать решения совета у нашего тайного брата в церкви святого Иакова через две недели. В течение этого времени я, убедившись, что больная дочь графа Алина де Гензенау находится в стабильном состоянии, продолжу свою миссию по установлению враждебных нам лиц и сбору информации по их дея-

тельности против ордена тамплиеров. Да смилостивится Господь над верными слугами Его, рыцарями, защищающими святую веру Христову, и над несчастным домом де Гензенау. Дата, подпись: Антонио де Альба, герцог де Медина (брат Антоний)"

Прочтя это, Шосс тихо присвистнул. А брат Антоний-то, оказывается, важная птица! Кто бы мог подумать! Должно быть, дело и впрямь серьезное. Надо бы отправить послание Клаусу. "Чую, он проявит к тому, что мне удалось узнать, немалый интерес. И ему придется хорошо за него заплатить". Шосс с ювелирной точностью приладил печать на место и вернул все бумаги (в двух других ничего существенного не было) на место. В ларце что-то негромко стукнуло. Шосс пошарил рукой и извлек четки. Такие же, как у монаха, сделанные из крайне необычного материала — осины и омелы, с небольшим серебряным крестом. Он осмотрел крест с другой стороны и увидел надпись: "Manus Dominus".

Выйдя из церкви, Шосс с некоторым облегчением вдохнул всей грудью свежий воздух, так как затхлая атмосфера церковных подвалов его совсем не обрадовала, и углубился в улочку, ведущую куда-то в направлении западного рынка и торгового квартала, где обязательно должна была быть почтовая станция. Улочка была темной и изрядно петляла. Бродячие собаки, тихо ворча, жались по углам, в воздухе чуть-чуть пахло плесенью и подгнивающим деревом, тянуло дымом из топившихся очагов и не самой изысканной готовящейся пищей. Вдоль улочки теснились, стена к стене, не жалкие бедные домишки, что гурьбой лепились друг на друга в том квартале, через который он прошел к церкви святого Иакова вслед за братом Антонием, но и назвать их сколько-нибудь зажиточными язык не поворачивался.

Шосс машинально озирался по сторонам, отмечая общую унылость и безлюдность. Неожиданно его тонкий слух привлекли странные звуки из ближайшей подворотни — как будто пытавшейся кричать женщине что есть силы зажимали рот. Недолго думая, Шосс шагнул под кирпичный свод. Царивший там полумрак не был помехой для его поистине кошачьих глаз. В глубине основательно замусоренной подворотни, среди груды полуразвалившихся корзин и коробок, в руках какого-то мужчины, злобно шипевшего что-то неразборчивое, отчаянно извивалась молодая женщина. Одной рукой мужчина грубо зажимал ей рот, не шибко заботясь о том, что несчастная могла задохнуться, а другой что-то остервенело срывал с ее пояса. Шосс мгновенно узнал нищего со ступенек церкви и девушку, подавшую ему монету. Он мрачно

расхохотался. Нищий от неожиданности застыл, однако девушку не выпустил. Девушка вперила до смерти испуганные глаза в Шосса.
— Так-то ты, любезный, платишь за доброту, — насмешливо сказал Шосс.
Нищий изрыгнул набор проклятий. Девушка, сначала было замеревшая в полнейшем страхе от мысли, что к разбойнику присоединился сообщник, стала вырываться еще отчаяннее, чем раньше.
— Не дергайся, тварь, — прошипел бродяга, вдавливая ей свою грязную ладонь в лицо так, что бедная девушка начала синеть. — Убирайся своей дорогой, — злобно сказал он Шоссу. — Не то кишки выпущу! Не лезь не в свое дело.
— Отпусти девчонку, кретин, — криво улыбаясь, промолвил Шосс.
— Слышь, ты, дерьмо собачье, убирайся, покуда цел! Или, клянусь, тебя вынесут отсюда по частям! — в бешенстве прохрипел нищий.
— У тебя еще есть шанс, — сказал Шосс тихим, не предвещающим ничего хорошего голосом. — Воспользуйся им.
Бродяга чертыхнулся и отшвырнул девушку так, что едва не убил ее. Она распласталась вдоль стены и с расширенными глазами отчаянно хватала воздух ртом. Бродяга выхватил длинный нож с лезвием, испещренным подозрительными бурыми пятнами ржавчины. Шосс одним прыжком оказался около дрожащей девушки, отгородив ее от взбешенного разбойника.
— Беги отсюда, — коротко бросил он ей. — Хочешь жить — беги со всех ног. И не кричи. Мы тут разберемся сами.
Нищий приближался к нему, чуть пригнувшись и держа нож по-испански.
— Ну же! — крикнул Шосс девушке, толкнув ее в сторону улочки. — Беги и не оглядывайся, поняла? И не кричи, если хочешь жить!
Девушка на секунду замерла на месте, как будто сведенная судорогой. Потом пустилась бежать со всех ног. Ее сбившиеся золотистые волосы отчаянно трепетали на бегу. Легкая улыбка снова вернулась на лицо Шосса. Он обратил благосклонный взор на бродягу, которого, разумеется, ни на секунду не выпускал из поля зрения. Лицо у того горело дьявольским бешенством из-за упущенной богатой и легкой добычи, и на нем читалось отчетливое желание искромсать виновника его фиаско в кровавый фарш. Он метнулся на Шосса, занося нож для удара. Замах, удар, и... И он врезался в стену, возле которой стоял Шосс. В самый последний момент тот легко ушел вбок, заодно проводив бродягу увесистым тумаком, так, что тот едва не расквасил себе нос о кирпичную кладку.
— Скажи, любезный, ты каждый день добываешь себе милостыню

таким способом, или же сегодня какой-то особый случай? — веселился Шосс.
Бродяга сыпал проклятиями. Он переложил нож из одной руки в другую, явно собираясь возобновить нападение.
Тихо смеясь, Шосс распахнул плащ. В полумраке блеснули два острых тонких лезвия с замысловатыми рукоятками.
— Если бы ты знал, милейший, с кем имеешь дело, ты бы с воплями бежал отсюда, куда глаза глядят, дав зарок Господу Богу запереться до конца своих дней в ближайший монастырь. Бежал, даже если бы таких жалких и поганых шакалов, как ты, тут было бы с десяток, — весело проговорил Шосс, но в последних его словах зазвенели стальные нотки.
Он молниеносно вытащил свое оружие, виртуозно повертел клинками в воздухе перед противником и опустил руки, спрятав за ними смертоносные жала. Несмотря на бушующую ярость, злобный и ограниченный мозг бродяги вдруг понял, что дело неладно. Подлую тварь пронзило чувство неотвратимой беды, давно заслуженного возмездия. Превозмогая выскочивший из ниоткуда липкий холодный страх, он снова бросился на Шосса, стараясь либо ударить противника ножом, либо хотя бы сбить его с ног. И опять Шосс легко ушел от его примитивной атаки, как искусный тореадор уклоняется от разъяренного быка. Уклоняясь, он сделал молниеносное движение. Бродяга вскрикнул. На его груди, в разрывах и без того всей в прорехах одежды, появился быстро набухающий кровью крестообразный разрез.
— У тебя последняя попытка, — бесстрастно сказал Шосс.
Эти слова прозвучали как приговор. Нищий взвыл и, потеряв остатки рассудка, бросился на врага. В мгновение ока Шосс сбил его с ног, выбил из руки нож и уселся на противника верхом, приставив к горлу тонкое синеватое лезвие. Бродяга хрипло дышал, глаза его бешено вращались.
— Знаешь, в чем парадокс? — задумчиво проговорил Шосс. — Мне глубоко плевать на эту девчонку, на тебя лично, на весь этот городишко… Я грабил и убивал. И буду делать это столько, сколько сочту нужным. Ты, грабитель и убийца, умрешь от руки вора и убийцы.
Бродяга от страха даже потерял способность сквернословить и только промычал что-то нечленораздельное.
— Я не признаю мораль этого общества, столь усердно насаждаемую церковниками. Мне плевать на глупые законы и закоснелые религиозные предрассудки. Я смеюсь над жалкими человеческими чувствами, которые люди изобрели себе же на голову, ис-

ключительно для того, чтобы осложнить себе жизнь. Я мог бы сказать, что мне так захотелось — отобрать у тебя добычу, без малейшей жалости к этой глупой девчонке, которая шляется одна по темным улицам, где бродят такие гнусные личности, как ты. Но это не так. Я действительно мог исключительно ради собственного развлечения сделать то, что сделал. Но не в этот раз. Я, как правило, не обращаю внимания на то, что делают люди. Ни на то, что они называют добром, ни на то, что именуется злом. Это мусор, который ничего для меня не значит. Но есть небольшие нюансы, и один из них — ты. Я ненавижу, когда в ответ на искреннюю доброту отвечают откровенным злом. Это может выражаться поразному и даже не особо трогать меня, но то, что сделал ты, мне глубоко ненавистно. Сколько людей проходило мимо тебя, не пошевелив и бровью, а эта бедняжка дала тебе серебряную монету. А ты подкараулил ее, напал и стал грабить. И, как я подозреваю, скорее всего, убил бы. И поэтому я убью тебя. Потому, что мне так захотелось. Потому, что я ненавижу таких шакалов, как ты. И получу от этого удовольствие, как будто раздавлю бешеную чумную крысу, коей ты и являешься.

Вдалеке послышался нарастающий шум, словно по улице катили телегу, с которой непрерывно падало листовое железо. Стражники! Должно быть, убежавшая девушка встретила патруль и все рассказала. Шосс, повернув голову в сторону улицы и мысленно прикидывая расстояние до источника шума, краем глаза наблюдал за поверженным бродягой. Тот, думая, что противник не видит, потихоньку протянул руку к своему валявшемуся неподалеку ножу, схватил его и резко ударил Шосса в шею. Во всяком случае, ему показалось, что ударил. Ибо выяснилось, что его рука, совсем немного не достигнув цели, застряла в мертвой хватке его рокового противника. Шосс криво усмехнулся.

— Ты поставил в своем приговоре точку, — бесстрастно сказал он и резко дернул руку бродяги вниз.

Стража, вскоре прибежавшая на место происшествия, нашла еще теплый скрюченный труп оборванца. Его правая рука, сведенная судорогой, крепко сжимала нож, воткнутый в собственное сердце по самую рукоять.

– 4 –

Шосс надлежащим образом известил Клауса о том, что ему удалось выяснить. В ожидании вестей от последнего он решил предпринять некоторые шаги по более тщательному изучению замка и его обитателей, а также подготовиться к возможному про-

никновению в жилище графской фамилии. Он, разумеется, не был ясновидящим и не мог точно сказать, что именно ответит ему старина Клаус. Но в целом нетрудно было догадаться, что после сообщенных ему сведений, которые, как Шосс подозревал, должны были оказаться весьма интересными, предпринимаемые заранее меры окажутся не лишними и сэкономят уйму времени. Но, главное, во всей этой истории Шосса очень заинтересовал упомянутый изумруд, который брат Антоний, он же, как оказалось, герцог де Медина, именовал "Волчьим глазом". Камушек, наверное, был весьма уникальным, раз носил собственное имя, ибо обычно в истории имена давали наиболее выдающимся алмазам. Шосс еще подумал, что последнее время ему сильно фартит на драгоценные камни. Сначала дельце в Лионе, потом Атабек со своей необычайно богатой ношей, теперь этот изумруд...

Шосс обожал такие неожиданные приключения. Когда заранее известна задача и все ее составляющие, дело превращается в рутину. Конечно, требуется мастерство и опыт, но нет импровизации. Нет азарта в кончиках пальцев, и сердце не бьется учащенно, в упоении. Когда все известно заранее — это работа. Пусть необычная, пусть преступная — в этом заплывшем жиром обществе люди вообще склонны крайне неодобрительно относиться к его деятельности — но все же работа. А приключение — это дело совсем иного сорта. Словно сама госпожа Фортуна милостиво качнула колесо в его сторону, даря незабываемые впечатления и наслаждение собственной жизнью.

Брат Антоний покинул деревню на следующий же день после того, как Шосс побывал в церкви святого Иакова. Куда он направлялся, Шосса более не интересовало. Он уже узнал достаточно интересного о деятельности этого загадочного монаха. И как раз намеревался заняться объектами этой самой деятельности.

Освоившись в деревне, Шосс принялся изучать всевозможные подходы к намеченной крепости. Быстро проработав несколько вариантов, он выбрал один, наиболее надежный и вполне осуществимый. В деревне частенько бывали графские слуги, и его заинтересовала одна из них, оказавшаяся горничной младшего брата графа де Гензенау. По всем своим качествам она вполне подходила для задуманного: не замужем, не красавица, что было бы чревато излишними капризами и потерей драгоценного времени, но и не страшная, как темная ночь, не гулящая, но и не зажатая целомудренная дурочка. Эта довольно бойкая особа была уже в том возрасте, когда женщина склонна более внимательно относиться к ухаживаниям мужчины, чувствуя, что годы идут, а за-

муж давно пора. Были и другие кандидатуры, но эта казалась наиболее подходящей. Недолго думая, Шосс подловил удобный момент и приступил к закручиванию романа с означенной особой, в очередной раз появившейся на деревенском рынке за какими-то покупками по хозяйству. Выступая под личиной бывшего приказчика при торговце лошадьми из отдаленных земель, который был бы не прочь обосноваться в этих чудесных краях, если Бог пошлет ему добрую жену и крышу над головой, он невероятно быстро добился определенного успеха. Умудренный опытом и немало повидавший, а также наделенный острым умом и умением почти дьявольски обаять возможную жертву, Шосс без особого труда охмурил эту провинциальную простушку. Всего за пять дней он добился того, на что менее искусному донжуану понадобилось бы не менее полугода. Хотя и это время лично ему показалось великоватым, но вполне укладывающимся в отведенные для самого себя сроки.

* * *

Была теплая звездная ночь. Высоко в небе серебристым серпом поблескивал молодой месяц. Миллионы звезд загадочно мерцали в бездонной черноте неба. Море колосьев ржи тихо волновалось под легким ветерком, иногда набегающим со стороны казавшихся бескрайними в ночи полей. Где-то далеко в лесу гулко ухала сова. В травах осторожно промышляли мелкие грызуны. Впрочем, звезд Шосс не видел. Он утопал в огромном стоге сена, в избытке заполнявшего один из многочисленных графских амбаров недалеко от замка. Сквозь щели деревянной постройки в амбар проникал лишь серебристый свет месяца да волнующие иное, особо впечатлительное, воображение тихие шорохи ночи. Хорошо высушенное сено приятно щекотало обоняние своим душистым ароматом. Должно быть, целая плеяда представителей местной флоры внесла свою лепту в этот гигантский гербарий, отдельные образчики которого наверняка красуются точно в таком же сушеном виде где-нибудь на кафедре естественных наук при Парижском или Мадридском университете.

Утопая в необъятном стоге всем телом, Шосс, жуя соломинку, краем уха слушал болтовню прильнувшей к нему спутницы. Габи, горничная, сама удивляясь тому, с какой головокружительной скоростью она сдавала свои позиции этому напористому, но чертовски обаятельному мужчине, негромко ворковала, положив голову Шоссу на плечо и глядя в темные балки потолка, сквозь которые

ей рисовались горизонты будущей семейной жизни. У нее был довольно приятный голос, и Шосс был этому весьма рад, потому что иначе терпеть весь тот бред, который она, по его разумению, несла большую часть времени, было бы куда тяжелее. Изредка он задавал ей наводящие вопросы или вставлял остроумные комментарии, направляя поток слов своей якобы возлюбленной в нужное русло и оставляя у последней приятное ощущение того, что жених ловит каждое ее слово. Хотя на деле Шосс из всего потока слов, щедро изливаемых довольно милым чувственным ротиком его спутницы, выхватывал только интересующие его детали. Он добился оптимального результата. Служанка уже безгранично ему доверяла, и из нее можно было вытянуть любые сведения, а также при случае попросить о какой-нибудь услуге. Но до интима — а как раз к этому Шосс и не стремился — дело не доходило, ибо Габи отчаянно боялась, что, получив желаемое, этот обаятельный и необычный мужчина упорхнет так же неожиданно, как и появился. На счастье ли ее, на беду ли — она не знала, но ее сердце отчаянно трепыхалось. Поэтому Шоссу было только на руку, когда его мягкие, но настойчивые попытки пресекались самым решительным образом. Ограничивая дело тайными свиданиями и нежными поцелуями, он неплохо производил впечатление честного и порядочного представителя мужского пола.

— Значит, бедняжка виконтесса не выйдет замуж? — с деланным участием спросил Шосс, когда Габи закончила очередное повествование о семейных ценностях обитателей замка.

— Да, бедной госпожой перестали интересоваться даже ради фамилии. Если раньше находилось много желающих, то теперь их совсем нет, — задумчиво сказала Габи. — Бедная госпожа! Только подумать — такая богатая, такая знатная, и весь свой век проведет взаперти в одиночестве!

При мысли о судьбе графской дочери ее, Габи, собственная жизнь стала казаться ей в разы привлекательнее и желаннее.

— Говорят, виконтесса совсем чахнет последнее время?

— Да, и это так грустно. Но удивительно, что она не дурнеет от своего недуга, хотя ее бледность становится прямо-таки неестественной — скорее наоборот, она как будто кажется все более привлекательной. Да, в этом есть что-то прямо зловещее. У нее такие глаза — мерцающие и бездонные. Иногда кажется, что в каждом из них уместилась целая безлунная ночь. Госпожа Алина — очень кроткая и добрая особа. Но всегда можно определить, когда у нее скоро будет приступ. Она становится просто другим человеком — крикливым, раздражительным. Я бы даже сказала, злым.

Всегда такая ласковая и чувствительная к окружающим ее людям, она может грубо оскорбить или даже запустить бокалом или тарелкой в стену. Она, по большей части, употребляет только растительную пищу, но перед приступом начинает есть много мясных блюд. Как будто ее бедный организм набирается сил перед продолжительным изматывающим припадком.
— А часто бывают такие припадки? — спросил Шосс.
— Вообще всегда бывали достаточно редко — раз в несколько месяцев. И это давало надежду на то, что, быть может, когда-нибудь они станут настолько редкими, что перестанут препятствовать жизни, достойной дочери благородной фамилии. Конечно, на то, что она полностью исцелится, никто никогда всерьез не рассчитывал — еще ни одна женщина в этой семье не исцелилась от злосчастного недуга. Но в последнее время приступы резко участились. Теперь они случаются раз в полтора-два месяца, и есть подозрение, что болезнь будет прогрессировать.
— Ни одна женщина?
— Эта болезнь передается в семье только по женской линии. Говорят, был лишь один мужчина, который ею заболел — их знаменитый предок, рыцарь Гензенау. Вроде бы случилось это вскоре после того, как он вернулся из крестового похода. Может быть, эта болезнь и свела его утомленное дальними странствиями и сражениями тело в могилу. Впрочем, чего и ждать от земли нехристей, кроме вреда и болезней? Та бедняжка, которая унаследовала семейный недуг, всегда носит на шее огромный фамильный изумруд. Говорят, так завещал рыцарь Гензенау. Будто бы этот камень благословлен каким-то святым и обладает большой целебной силой. Возможно, так оно и есть, потому что люди, страдающие этой болезнью, обычно живут намного меньше. В любом случае, говорят, так завещал их предок, а в этой семье очень тщательно оберегают семейные традиции.
— Гм! Твоим графам еще повезло. В миру склонны приписывать таким болезням всякое демоническое происхождение. Ты же знаешь — одержимость, бесы… — хмыкнул Шосс.
— О, нет-нет! — горячо ответила Габи. — Давным-давно установлено, что недуг имеет самые естественные причины, и сведущими медиками был назначен курс поддерживающего лечения. И святыми отцами было установлено, что никакого нечистого присутствия не существует. И графу покровительствует могущественный рыцарский орден. А каждый год в замке бывает какая-нибудь благочестивая духовная особа, которая молится за здоровье всего графского рода в надежде, что Бог услышит и избавит несчастную

семью от постигших ее болезней. Когда-то это была большая и здоровая фамилия, а теперь... По пальцам можно пересчитать, сколько их осталось. И всегда святой отец, исповедовав и благословив больную, подтверждает, что душа бедняжки не отягощена никаким злом, и одобряет предлагаемые докторами лекарства. Кстати, как раз на днях был один очень благочестивый и почтенный монах...

Шосс осторожно принялся выпытывать у Габи обстоятельства визита брата Антония, но ничего существенного не узнал. Все, что могло представлять интерес, происходило за закрытыми дверями в присутствии только больной и самого графа. Поговорив немного для вида на отвлеченные темы, он опять вернулся к интересовавшим его вещам.

— А ты видела когда-нибудь этот изумруд? — спросил он.

— О да! — живо ответила Габи. — Такой большой, такой красивый. Настоящее сокровище! И стоит, должно быть, очень-очень много. Но госпожа Алина его совсем не любит. Поскольку бедняжка не бывает в свете, граф разрешил ей дома носить любые украшения, какие ей захочется. Какая она становится красивая в этих своих нарядах и драгоценных камнях! У госпожи Алины много-много всяких драгоценностей. Хоть сейчас на бал! А этот замечательный изумруд совсем не любит — носит его на шее под платьем и на свет божий совсем не показывает. Если только случайно выпадет, и то сразу прячет обратно. Просто отдает дань традиции. Совсем не понимаю, почему она терпеть не может этот замечательный камень? Я бы полжизни отдала, чтобы иметь возможность покрасоваться в таком великолепии...

Пока Габи восторженно распространялась на тему нарядов и драгоценностей, Шосс обмозговывал услышанное. Вся эта история начинала занимать его все больше и больше. Что-то с этим замком было неладно, и в первую очередь об этом свидетельствовали тексты втайне прочитанных Шоссом писем. Во вторую — то, что удалось узнать от местных жителей и Габи. Хотя без первой части вторая была бы просто набором глупых баек и приукрашенных сплетен.

— Как ты думаешь, а для меня найдется место в замке? Ведь если мы поженимся, это было бы лучше всего, — задумчиво протянул Шосс, не уточняя, что именно он имел в виду под "лучше всего", и при этом, разумеется, опуская для самого себя слово "поженимся".

— У нас с этим все непросто, — ответила Габи. — Почти все слуги испокон веков живут при графской фамилии и из поколения в поколение верно служат графам Гензенау. Большего и желать не-

чего — достаток, крыша над головой, добрые сеньоры и уверенность в завтрашнем дне. Слуг или работников со стороны у нас почти не бывает. Да это и к лучшему — мы все привыкли к устоявшемуся быту и семейным традициям. Все население замка отлично ладит друг с другом. В общем, людей со стороны у нас не берут.
— Очень жаль, — хмуро пробормотал Шосс.
— Постой-постой, милый! — воскликнула Габи, огорченная выражением его лица. — Я тебе еще не все сказала. Наш нынешний конюх, Леонард, последние годы здорово пьет — с тех пор, как от чахотки умерла его жена и двое малолетних сыновей. Пьет он все больше, бедные лошади все чаще не получают должного ухода и заботы. Дворецкий жутко зол на него и давно бы нашел ему замену, кабы не устоявшаяся традиция не нанимать слуг со стороны. Однако его терпению приходит конец и он, возможно, согласится подумать о тебе. Ведь если мы с тобой поженимся, ты уже не будешь посторонним человеком и вполне сможешь претендовать на место в замке. И всегда будешь подле меня! Ведь ты говорил, что прежде служил приказчиком у торговца лошадьми и знаешь в них толк. Значит, ты вполне мог бы занять это место, ведь так?
— Это было бы здорово! Значит, это возможно? — живо спросил Шосс, поворачиваясь к ней.
— Ну, не сразу. Пройдет какое-то время. Тебя узнают, примут — и тогда, думаю, все устроится.
Время — слишком большая роскошь. Но пара трюков в рукаве у Шосса всегда найдется.
— Любимая, это было бы так здорово, — сказал Шосс, с наигранным вожделением протягивая к ней свои лапы. — Только подумай: ты, я, вместе…
Габи отчаянно захихикала под очередным натиском своего милого, позволяя ему страстно целовать свои руки, плечи и шею и отвечая ему жаркими поцелуями своих чувственных губ. Но — не более!

Шосс провел в амбаре почти всю ночь. Под утро он вернулся в таверну, попросил кувшин холодного пива, выпил его едва ли не одним махом, поднялся к себе и завалился спать.

В одну темную пасмурную ночь, отменив очередное свидание с Габи под предлогом неподходящей погоды, Шосс вскарабкался на одну из высоких зубчатых стен замка. Он решил провести небольшую разведку планировки замковых построек и входов-выходов. Внутренний двор замка изобиловал массой подсобных помещений, свидетельствовавших о том, что прежде здесь бурлила

жизнь, и множество слуг не покладая рук трудилось на благо графской резиденции. Ныне же, как было ясно с первого взгляда, большинство построек находилось в запустении, не использовалось по назначению, и вообще было не обитаемо. От многих зданий пахло сыростью и подгнивающей древесиной. Буйные сорные травы самым нахальным образом прорывались к небу сквозь щели каменных плит широкого двора. Если подле немногих обитаемых строений и центрального входа за двором довольно хорошо следили, то заброшенные постройки и значительная часть неухоженной площади с годами все больше утопали в набирающей рост и силу сорной зелени.

У самых массивных дубовых ворот, кованных железными полосами с выпуклыми заклепками, располагалось караульное помещение. Там горел свет, и сквозь мутное оконце можно было различить стражника, который при колеблющемся свете двух свечей задумчиво чистил тряпочкой железную кирасу. На стене в изобилии были развешены мечи и алебарды. Судя по размерам, караульное помещение было рассчитано на пару-тройку десятков человек, однако сейчас в нем находилось не более двух стражников. Из явно обитаемых подсобок оставались конюшня и кузница. Конюшня являла собой то же впечатление, что и караульное помещение — рассчитанная на большое поголовье благородных животных, сейчас она служила домом едва ли десятку лошадей. Рядом с конюшней располагался небольшой, крытый соломой деревянный домик. Оттуда доносились какие-то тихие нечленораздельные звуки. Шосс осторожно заглянул в окно. За столом лежал — иначе и не скажешь — невероятно заросший и неряшливый детина с клочковатой бородой и сильно опухшим лицом. При свете единственной убогой свечки можно было различить царящий в домике жуткий беспорядок. Детина предавался увлекательному занятию — опустошал огромную винную бутыль пузатого стекла, оплетенную соломенной вязью. Должно быть, он уже изрядно хлебнул из этой посудины, так как его голова бесцельно елозила по столу, полуоткрытые глаза смотрели невидящим взором, а изо рта пузырились слюни. Иногда он с трудом расклеивал слюнявый рот и что-то бубнил себе под нос. Нетрудно было угадать в этом пьянице конюха Леонарда, на место которого Габи прочила своего жениха.

Миновав большой крытый колодец, Шосс бегло изучил кузню. В прежние времена, должно быть, в ее громадной печи часто полыхало жаркое пламя, а графский кузнец-мастер, специально выписанный из столицы, с полным штатом подмастерьев дни напролет ковал оружие и доспехи для господских воинов и самого гос-

подина. Ныне же количество копоти на высокой кирпичной трубе давало возможность предположить, что печь разжигается крайне редко, а общее запустение добралось и до этой постройки — она довольно сильно обветшала, вокруг были разбросаны сломанные бочки и ржавые инструменты.

Поодаль помещалась большая псарня, но, как Шосс успел узнать у Габи, члены графской фамилии давно оставили это развлечение, и сейчас там не ютилось ни единого живого существа. Шоссу это было только на руку, так как он недолюбливал собак. В его профессии они постоянно создавали ненужные сложности, и всегда приходилось принимать меры, дабы их тонкое обоняние не могло учуять чужака. Потревоженная же псина обычно вела себя куда более вызывающе, чем самый надоедливый стражник. В замке, судя по рассказам Габи, все-таки были собаки. Одна где-то в караульном помещении, на правах сторожевого пса, которому, видать, кроме как есть и спать, другой заботы особо не было, и несколько борзых на радость графу, который, хоть и не практиковал псовую охоту, держал собак чисто из эстетических соображений. Помещались они в левом крыле замка, где обитали слуги. Центральная, приемная часть замка высокими резными дверями выходила во двор, аккурат напротив ворот. За этими дверями должен был располагаться просторный холл, заканчивающийся широкой каменной лестницей. Слева и справа виднелось еще по одной небольшой двери. Одна вела в крыло слуг, другая, справа, в кухонные помещения.

В дальнем углу двора, у самой стены, стояло каменное строение, архитектурой напоминавшее часовню и вплотную примыкавшее к основному зданию. Насколько Шосс успел узнать, это и была часовня, в которую можно было попасть и напрямую из жилых помещений. В глубоких подвалах часовни располагалась усыпальница, где с незапамятных времен находили свое последнее пристанище члены семьи Гензенау.

Еще немного пошныряв по двору, Шосс привел свою зрительную память в полное соответствие с рассказами Габи. Теперь он неплохо ориентировался во внешней планировке замка. Что же касаемо внутренней, то время пока не пришло, и Шосс удалился восвояси.

Через несколько дней Шосс по своим каналам получил письмо от Клауса. Его содержание вполне совпадало с предпринятыми Шоссом мерами и собственными интересами.

"Сведения, сообщенные тобой, представляют огромную важ-

ность. Это поистине невероятная удача! Впрочем, я давно убедился, что Фортуна благоволит тебе. Я сообщил переданное тобой кругу заинтересованных лиц. Поскольку ты пользуешься моим личным доверием, я предоставлю тебе некоторые сведения, которые не разгласил бы никому другому, по тому делу, что собираюсь тебе поручить. Ни для кого не секрет, что вокруг Святого престола всегда теснится множество монашеских орденов, старающихся упрочить и расширить свое влияние за счет и в ущерб другим. В этом духовные особы ведут себя ничуть не лучше, чем простые смертные властолюбцы, а может, и похуже. На данный момент наиболее влиятельным является рыцарский орден тамплиеров, пользующийся широкой поддержкой и благоволением Папы. Его набирающая мощь сила и богатство заставляют иные ордена чернеть от злобы и зависти. Растущее с каждым днем могущество ордена так же увеличивает и стан его врагов, которые спят и видят, как наложить лапу на земли и сокровища тамплиеров, поделив между собой их власть и влияние. Многие монашеские ордена начинают действовать сообща, надеясь задавить друг друга после свержения тамплиеров. На данный момент наиболее явными противниками тамплиеров являются доминиканцы при негласной, но почти открытой поддержке рыцарского ордена госпитальеров. И они непрестанно стараются привлечь на свою сторону все большее число сторонников. Надо сказать, что они весьма в этом преуспевают. Светские владыки, чувствуя растущую мощь тамплиеров, тоже очень недовольны этим обстоятельством, денно и нощно ощущая угрозу своей суверенной власти. Однако Папа очень благоволит ордену, расценивая все нападки на него чуть ли не как посягательство на свою личную власть и влияние. И пока все интриги противников ордена не принесли сколько-нибудь желаемого успеха. Хитрые доминиканцы, слова которых подобны змеиному яду, избрали другую тактику. Стало навязываться убеждение, будто бы тамплиеры практикуют колдовство, и в их рядах множится и зреет ересь. Враждебные тамплиерам силы всеми правдами и неправдами отравляют души прихожан и светских властей, зарождая в их умах сомнения, коверкая факты, множа слухи о том, что орден покровительствует еретикам и колдунам, что в ряды самого некогда благочестивого и преданного католической церкви воинства Христова проникает нечистая сила, неся в себе угрозу всему христианскому миру.

Вокруг Святого престола всегда была борьба за власть. Чего стоят одни только выходки кардиналов при избрании очередного Папы! И я не думаю, что нынешнему Папе по душе множащиеся

разговоры о том, что он, возможно, покровительствует еретикам и вероотступникам, ради богатства и власти вступающим в сговор с нечистой силой. Пока нет прямых доказательств, Папа безжалостно пресекает любые открытые выступления на эту тему. Тем более что подобные обвинения слишком серьезны, и заявить об этом открыто, без доказательств, никто не осмеливается. Но как раз в этом и состоит суть поручения, которое я собираюсь просить тебя выполнить. Насколько я понял, орден Кары Господней очень боится, что некое дело, именуемое ими самими как "Наследие Волчьего глаза", выплывет наружу. Не только выплывет, но и — чего они боятся больше всего — может стать достоянием могущественных противников ордена тамплиеров. Мы опросили всех заинтересованных лиц, и они совершенно искренне признались, что понятия не имеют, о каком Наследии идет речь, что это за тайна, раскрыть которую так боятся братья ордена Кары Господней. Однако вполне понятно, что им до смерти захотелось узнать сию тайну, о которой твой брат Антоний, он же герцог де Медина, столь тревожно писал в совет магистров своего ордена. Также, в силу необходимости, заинтересованные лица поделились со мной кое-какими, весьма любопытными, сведениями.

Одно время на Востоке ходили легенды про некий таинственный изумруд. Арабское название не сохранилось, но нам он был известен под именем "Волчье око". В легенде говорилось, что владелец камня обретал могучую силу и здоровье, неуязвимость к болезням и очень долгую жизнь. Камень наделял своего владельца поистине нечеловеческими возможностями, но за это, как говорилось в легенде, приходилось платить некую цену. К сожалению, какую именно, никто толком не знает. Исходя из этого, можно предположить, что упомянутый изумруд "Волчий глаз" как раз и есть тот самый, много веков назад исчезнувший камень, следы которого давным-давно потерялись где-то на Востоке. Этот камень сам по себе представляет огромную ценность, и если тебе удастся его раздобыть, в чем я ни минуты не сомневаюсь, награда будет велика. Но кроме того, некоторые влиятельные лица мертвой хваткой вцепились в меня с просьбами добыть им сведения об этом неизвестном пока нам "Наследии Волчьего глаза". Ты бы видел их глаза, когда в них появилась надежда обрести мощное оружие в борьбе с ненавистным им орденом тамплиеров... Ничуть не сомневаюсь, что эти сведения они немедленно пустят в дело, нанеся тамплиерам страшный удар.

Не буду утомлять тебя перечнем благ, которые были мне обещаны за помощь в этом деле. Могу лишь сказать, что если тебе

удастся раскрыть тайну, именуемую орденом Кары Господней как Наследие, да присовокупить к этому изумруд "Волчий глаз", ты не только станешь до конца жизни одним из богатейших людей христианского мира, но можешь даже рассчитывать на дворянский титул, если у тебя в нем возникнет потребность. Итак, друг мой, резюмируя все, что я тебе сообщил, прошу тебя безотлагательно сделать следующее: добудь камень и приложи все усилия, чтобы узнать связанную с ним тайну. Награда будет велика. Хочу отдельно упомянуть, что времени у тебя, судя по всему, не так уж много. Твой таинственный монах рекомендовал совету магистров своего ордена переместить камень в Рим и предпринять некие действия, которые полностью обезопасят тамплиеров от большой угрозы, таящейся в некоем Наследии. Будет просто катастрофой, если им удастся реализовать задуманное. Наши влиятельные клиенты никогда нам этого не простят. Повторюсь: если некие лица действительно получат в свои руки мощное оружие против тамплиеров, ты сможешь пожелать все, что только угодно твоей душе. Желаю тебе удачи и жду от тебя вестей. Клаус.

P.S. Ты лучший в своем роде. Я всецело полагаюсь на твои умения и опыт. Кроме нас двоих, об этом деле никто не знает. Наши клиенты, разумеется, не имеют ни малейшего представления, где находишься ты, и у кого сейчас изумруд, хотя они предприняли ряд откровенных попыток выудить у меня эти сведения. Я хоть и стар, но из ума еще не выжил.

P.P.S. Будет не лишним напомнить, что мое письмо необходимо сразу же сжечь"

Закончив чтение, Шосс удовлетворенно хмыкнул, откинулся на спинку стула и глубоко задумался. В душе он сразу поздравил себя с заранее предпринятыми шагами. Назревающее дело сулило ему хороший барыш даже при частичном положительном исходе, если удастся раздобыть хотя бы камень. Насчет этого сомнений у Шосса не возникало. Заодно можно поживиться и остальными графскими драгоценностями, которые с таким восторгом расписывала Габи. С учетом, что даже одного камня будет достаточно, можно было вполне удовлетвориться и этим. Однако Шосс любил выжать максимум пользы из всего, что посылала ему судьба. Тем более что было раззадорено его любопытство. Сильная неприязнь, которую он с детства питал к духовным особам, подстегивала его желание как следует покопаться в тайных делишках наиболее влиятельных их представителей. А если в результате его деятельности прелаты мира сего перегрызутся у Святого престола, как

стая диких зверей — о-о-о, это невероятно обрадует его холодное циничное сердце и явится самым наилучшим доказательством правоты его презрения. Как бы то ни было, пора было приступать к следующему этапу реализации своих планов, внеся в них кое-какие поправки исходя из того, о чем поведал и что поручил ему старина Клаус. Шосс принялся высчитывать время, оставшееся до того дня, когда брат Антоний будет ожидать решения совета своих магистров в условленном месте. Итак, прежде всего…

– 5 –

Днем он встретил Габи на рынке, где она, по своему обыкновению, покупала разную мелкую снедь. Она вообще часто наведывалась в деревню по всяким небольшим поручениям от господ, после чего любила поболтать с рыночными торговками о деревенских сплетнях и городской жизни, заодно выторговав для себя что-нибудь вкусненькое к обеду или какую-нибудь милую безделушку. Шосс присоединился к ней, чему она была весьма рада, и они принялись вместе претворять в жизнь ее нехитрые заботы.
— Ты еще не говорила с дворецким обо мне? — ласково спросил он, между делом исхитрившись поцеловать ее, когда никто не смотрел.
— А как же! Конечно, говорила, — весело смеялась Габи. — Сегодня утром дворецкий был просто в ярости, когда обнаружил в стельку пьяного Леонарда в пустых яслях. Бедные лошадки не получили ни еды, ни питья. Леонард лыка не вязал в ответ на справедливое возмущение в свой адрес. За завтраком дворецкий сказал мне, что точно еще не решил, но в целом он благосклонно относится к моей просьбе.
— Это очень приятная новость, — улыбнулся Шосс своей спутнице.
— Да, я думаю, что еще одна-другая выходка Леонарда — и дворецкий возьмет тебя. Он очень рад, что я наконец-то нашла себе суженого.
— Я тоже.
— Он говорил, что не хотел бы увольнять Леонарда, но опасается, что тот, окончательно потеряв голову и способность соображать, доведет до беды и себя, и других. Так что, милый, — нежно улыбнулась ему Габи, — совсем скоро мы будем с тобой близко-близко друг от друга. А когда мы поженимся…
Габи переключилась на свою любимую тему и принялась весело трещать без умолку. Шосс уже не слушал. Машинально кивая своей спутнице и наклеив на лицо дежурную улыбку, он размышлял.

Значит, дворецкому нужен хороший толчок, чтобы принять решение? Ну что же, в этом ему можно и помочь. Как там сказала эта болтушка Габи? "...Доведет до беды себя и других"? Да, вполне вероятно, что этим дело и кончится. Со временем. А время сейчас было довольно ценным ресурсом. Священники любят говорить: "На все промысел Божий". Ну что же, пусть говорят. Но промыслу можно и помочь...

Шосс еще довольно долго кружил по деревушке с Габи, увешанный многочисленными корзинками. Он купил ей несколько маленьких милых подарков, чем привел ее в полный восторг. Пока Габи совершенно искренне радовалась жизни и наслаждалась обществом своего спутника, холодный разум Шосса отрабатывал некую идею. И здесь очень кстати оказался его недавний ночной визит в замок с целью ознакомиться с ним поближе.

Наконец они попрощались у дороги, ведущей к замку. Шосс нанял мальчишку, чтобы помочь Габи дотащить корзинки, а сам сослался на то, что у него есть неотложное дело в городе, и выразил глубокое сожаление, что не сможет увидеть ее сегодня ночью, как они собирались. Габи воображала, что ее суженый приводит в порядок дела относительно своего имущества и места, где он прежде жил и куда более не намерен возвращаться, решив жениться на ней и осесть здесь насовсем. Поэтому она без малейшего неудовольствия улыбнулась ему на прощание и поцеловала в щеку, многообещающе сжав при этом руку. Шосс помахал Габи, и вскоре ее фигурка скрылась за деревьями, окаймлявшими дорогу к замку.

* * *

Наступавшая ночь вполне подходила для задуманного. Небо было затянуто сизыми мрачными тучами. Набегавший порывами холодный северный ветер рвал одежду и яростно шумел в кронах деревьев. Они же словно сердито отмахивались от него, роняя на землю мелкие сучья и теряя листья. Хвойные великаны мерно гудели, поскрипывая стволами в такт стремительно набегавшим воздушным потокам. Воздух был сухой и душный, как перед грозой. Шосс начинал сильно беспокоиться, как бы разразившаяся до срока непогода не поставила жирный крест на его плане. Он быстро поднимался в гору к темной, едва различимой на фоне узкой и бледной полоски неба громаде замка. Иногда под ногу попадался какой-нибудь зловредный корень или камень — ведь шел Шосс отнюдь не по дороге — и тогда ему приходилось делать резкое движение, чтобы сохранить равновесие. При этом под его широ-

ким темно-серым плащом что-то тихо позвякивало. Один раз он даже чуть не упал — нога поехала по притаившемуся во мхе скользкому гнилому стволу. Что-то отчаянно звякнуло, будто нерадивый торговец уронил с прилавка несколько винных бутылок. Шосс взволнованно принялся ощупывать нечто под плащом. Убедившись, что все в порядке, он тихо пробормотал:

— Вот, поленился тряпок намотать, теперь терпи!

Подобравшись к тому месту, где он в прошлый раз вскарабкался на стену, Шосс остановился. Поставив на землю свою ношу, оказавшуюся четырьмя большими винными бутылками, наполненными какой-то прозрачной жидкостью, он принялся связывать их в одну плотную конструкцию. Закончив это дело, он вынул из-под плаща моток тонкой длинной веревки и привязал один конец к связке бутылок. Другой прицепил к своему поясу и принялся с кошачьей ловкостью взбираться на стену. Вскоре он был уже наверху, сливаясь телом с одним из массивных каменных зубцов. С максимальной осторожностью Шосс втянул бутылки на стену, тихо чертыхаясь, когда они, покачиваясь, легонько ударялись о каменную кладку. Было уже где-то за полночь, когда Шосс прокрался к деревянному домику, в котором обитал конюх.

По логике вещей, Леонард уже должен был быть мертвецки пьян или около того. Стоя у двери в домик, Шосс тихонько поставил у ног свою ношу и блаженно потянулся — из-за напряженного обращения с хрупкой поклажей спина у него затекла дальше некуда. Еще немного — и он реализует задуманное.

Идея была довольно простой. Дворецкому нужен последний убедительный довод, чтобы избавиться от конюха-алкоголика, ибо его терпение на пределе. Дожидаться, пока Леонард сам отколет что-нибудь подходящее, в намерения Шосса не входило. Процесс надо было ускорить. И хорошенький пожарчик, в котором дотла сгорит домик, где обитает конюх, должен будет оказаться тем внушительным аргументом, который не оставит дворецкому выбора. Тем более, прекрасно помня планировку двора, Шосс пришел к выводу, что, как бы ни полыхало это строение, соседние постройки — сплошной камень! — не загорятся. Разве что конюшня, которая находилась в нежелательной близости и, при неудачном стечении обстоятельств, вполне могла заняться. Но на этот риск он решил пойти. Только предварительно надо отпереть ворота, чтобы не сгорели лошади. А-то и работы для него не найдется в ближайшем будущем. Зачем тогда новый конюх? Да и обитатели замка, если не будут хлопать ушами, не дадут конюшне загореться. Надо будет только чуток шумнуть, когда будет уверенность, что тушить

жилище конюха уже бесполезно, а то, чего доброго, эти сони проспят все на свете.

Сухая деревянная постройка с соломенной крышей была как раз подходящим объектом для затеянного плана. Займется в лучшем виде и будет полыхать на славу — особенно после того, как он, Шосс, щедро польет ее в нужных местах содержимым бутылок. А конюх… Ну что — конюх? Не он первый, не он последний… Однако, чего это он тут разнежился? Пора заняться делом.

Шосс одним махом перешагнул через ступеньки крыльца, тихонько толкнул дверь и… Дверь неожиданно распахнулась, и вплотную перед Шоссом выросла широкая фигура конюха.

От неожиданности Шосс на мгновение замер. Но только на мгновение. Леонарду, тоже изрядно оторопевшему, требовалось гораздо больше времени, чтобы начать предпринимать какие-то нежелательные действия. Шосс что есть силы ударил его в солнечное сплетение. Конюх, судорожно выдохнув воздух, согнулся в три погибели. Шосс рванулся внутрь, толкнув Леонарда всем телом и одновременно захлопывая за собой дверь. Конюх отлетел в угол прихожей, сбив по дороге вешалку с давно не стиранными как следует пожитками. Участь его была решена. Если раньше у Шосса, может быть, и была какая-то тень сомнения в необходимости устранения самого Леонарда, сейчас у него не оставалось выбора. Одним резким движением вырвав из пояса спрятанную в нем удавку, он как ястреб кинулся на задыхавшегося в углу конюха. В мгновение ока он накинул ему на толстую жилистую шею свое смертоносное орудие, обернул и затянул что есть мочи. Глаза Леонарда вылезли из орбит. Под страшным нажимом тонкой удавки кожа на шее стала лопаться. Руки конюха судорожно вцепились в безжалостный, лишавший его жизни инструмент, в тщетной попытке оторвать его от горла и вдохнуть живительный воздух. Тело его заелозило по полу, ноги отчаянно дергались, словно ища неведомую опору. Шосс обвил несчастного ногами, стараясь погасить инстинктивные рывки его тела, и до боли в пальцах во всю силу тянул удавку. Судорога прошла по телу Леонарда — оно мучительно выгнулось, сделало несколько отчаянных рывков и затихло. Лишь конечности конюха еще продолжали рефлекторно подрагивать. Шосс продержал свой ужасный захват еще некоторое время. Вскоре тело Леонарда совершенно расслабилось и затихло. Навсегда.

Шосс встал и брезгливо отряхнулся: от давно не мытого конюха пахло нелицеприятным образом. Он свернул удавку и сунул ее в карман куртки. Не удостоив лежавшее на полу тело ни еди-

ным взглядом сожаления, он проследовал за оставленными снаружи бутылками. Шосс отметил, что от Леонарда совершенно не пахло спиртным. Ну, разве только перегаром, въевшимся в саму кожу и одежду вследствие продолжительного запоя. Должно быть, угрозы и увещевания дворецкого все-таки подействовали на него. Какая ирония...

Шосс облил содержимым бутылок все углы, щедро окатил оконные занавески и пол, повсеместно раскидав груды тряпья и соломы. Труп конюха он перетащил поближе к столу, придав ему позу человека, свалившегося на пол от чрезмерной дозы спиртного. Пустые бутылки он разбросал рядом с телом, благо что и в самом доме их оказалось предостаточно, всех мастей и калибров. Удовлетворенно оглядевшись, Шосс затворил ставни, запалил наспех сооруженный факел и принялся поджигать подготовленные места. Полыхнуло зло и сразу — запалив последнюю точку, Шосс еле успел выбежать наружу. Отбежав чуть поодаль, он обернулся. Сквозь щели в двери и ставнях вовсю сияло хищное пламя и отчетливо слышался его нарастающий гул. В конюшне тревожно заржали лошади. "Проклятье, чуть не забыл про них!" — выругал себя Шосс. Он бросился к двустворчатым воротам конюшни, откинул запор и приоткрыл их. Вполне достаточно, чтобы обезумевшие от страха животные нашли себе путь к спасению, если не повезет и конюшня все же загорится. Теперь надо бы устроить небольшой шум, дабы разбудить обитателей замка, пока огонь и в самом деле не добрался до обиталища благородных животных. Вдоль одной из стен конюшни зачем-то было нагромождено пирамидой множество пустых бочек. Одним ударом ноги Шосс выбил опору из-под крайней бочки с до невозможности проржавевшими железными ободами и толкнул ее. Результат получился куда эффектнее, чем можно было представить. Бочки резво принялись скатываться на гулкие каменные плиты двора, подпрыгивая, сталкиваясь и перекатываясь, производя просто адский грохот, словно намереваясь не только перебудить всех обитателей замка, но и всех графских предков, спящих вечным сном под сводами усыпальницы. Слегка опешив от произведенного шума и чувствуя, что слегка перестарался, Шосс метнулся к облюбованному участку стены. Вихрем взлетев на каменный венец, он напоследок глянул на содеянное.

Домик Леонарда ярко пылал, уже весь охваченный огнем. Гулко трещали деревянные балки. Снопы искр взмывали в темное ночное небо. Могучее и злое пламя отплясывало на сухом дереве погребальный танец, выплескивая в стороны свои хищные сполo-

хи. Стены дома обугливались на глазах. Было в этом что-то завораживающее, приковывающее взгляд, заставляющее неотрывно смотреть на дьявольский танец огня…

Из замка и караульного помещения раздались громкие тревожные возгласы. Отчаянно закричали женские голоса. Лошади исступленно ржали и метались в своих стойлах. Во дворе замелькали людские тени — прибежавшие на шум одетыми кто во что обитатели замка суетились и что-то неразборчиво кричали. Лошади, наконец, вырвались из своих стойл и нашли путь на свободу. С грохотом распахнулись ворота конюшни, и обезумевшие животные с отчаянным ржанием бросились прочь, подальше от огня, вглубь двора, где принялись беспорядочно носиться туда-сюда, увеличивая общую сумятицу.

Шосс, вздрогнув, насилу оторвал глаза от жадно ревущего пламени и исчез в темноте за стеной.

…С утра в деревне только и разговоров было про ночной пожар в графском замке. Откровенно заскучавшие по мало-мальски серьезным событиям жители, словно воздавая себе должное, наперебой судачили, рассказывая самые невероятные подробности и выдвигая нелепые предположения. Шосс только диву давался. Не будь он главным действующим лицом событий прошлой ночи, то вообразил бы, что сгорело не менее половины замка, посеяв хаос и смерть среди его обитателей. Не принимая во внимание разгулявшуюся фантазию иных особо ретивых лиц, он выискивал среди волнующихся жителей тех немногих, чья разумная речь, подкрепленная сведениями от замковой прислуги, была достойна куда большего доверия. Наиболее здравомыслящие люди утверждали, что сгорел всего лишь один дом, и то не из-за удара молнии, а по вине окончательно спившегося конюха. Больше никто из жителей замка не пострадал, хотя некоторые вели себя при пожаре довольно отчаянно, и другие постройки остались целы.

Услышанное Шосса вполне удовлетворило. Все произошло по наиболее вероятному разыгранному им сценарию. Изображая путника, вернувшегося из города только утром, он кружил по деревне с удивленным и несколько удрученным видом, с деланным любопытством слушая несусветную чушь, которую в изобилии изливали друг на друга местные жители. Там он и подкараулил Габи, появившуюся на рынке ближе к обеду. Личико ее было печальным и заплаканным. Красные глаза выдавали бессонную ночь. Волосы, против обыкновения, были собраны сзади в хвостик, а голова прикрыта скромным белым чепчиком. Она искренне переживала, теребя пальчиками краешек белоснежного кружевного переднич-

ка. Шосс принялся расспрашивать ее, для пущей убедительности вплетая в разговор некоторые замысловатые предположения местных сплетников и искусно разыгрывая легкое смятение и испуг — испуг за свою суженую, разумеется. Габи успокоила его, сказав, что никто, кроме несчастного Леонарда, не пострадал и существенных разрушений пожар не нанес.

— Это просто ужасно! — огорченно сказала она. — Бедный, бедный Леонард! Судьба оказалась к нему такой жестокой. Сначала семья и дети, теперь это…

— На все Божья воля, — не сморгнув глазом, смиренно произнес Шосс.

— Да, конечно. Но все равно его очень жалко. Сгореть заживо в собственном доме! Он уже давно напивался до полнейшего бесчувствия, но в этот раз… Должно быть, он совсем отчаялся после того, как дворецкий отругал его, и выпил больше обычного. Упал без сознания и уронил свечу.

Шосс печально кивал головой. Хотя он-то прекрасно знал, что было как раз совсем наоборот.

— Дворецкий последнее время очень боялся, что из-за его запоев случится какая-нибудь беда. Вот она и случилась, — на глаза Габи навернулись слезы.

— Ну, успокойся, милая, — обнял ее Шосс. — Теперь он на небесах, воссоединился со своей женой и детьми. Теперь им хорошо вместе.

Габи грустно улыбнулась ему и согласно кивнула.

— Да, конечно. Ты прав. Его похоронят как доброго католика. То, что от него осталось…

Она смахнула слезинки с глаз, стараясь не раскисать при мысли о том, что там и хоронить-то особо нечего.

— Милая, мне неловко говорить об этом в такой момент, — смущенно сказал Шосс, — но, может быть, тебе стоит представить меня вашему дворецкому? То, что произошло, просто ужасно. Как-то очень неудобно пользоваться моментом, но ведь кто-то должен срочно заменить беднягу на его должности? Я готов взяться за дело немедленно. Я думаю, лучшее, что мы можем сделать для покойного — это достойно его похоронить и сделать так, чтобы его подопечные не пострадали. Тем более что бедные лошади пережили сильнейший ужас и теперь нуждаются в особо ласковом уходе.

Габи подняла на него грустные глаза.

— Это правда, — сказала она, наконец. — Хоть это и будет слишком поспешно, но то, что ты говоришь, совершенно верно. Траур

присущ людям, а лошадкам нужны уход и забота.
Шосс в душе возликовал. Единственное серьезное препятствие могла представлять сама Габи, если бы на нее вдруг накатила волна излишнего благочестия. Тогда задержка могла оказаться сколь угодно долгой, и пришлось бы срочно изобретать новый план. Габи задумалась, машинально чертя носком изящной маленькой туфельки черточки в дорожной пыли.
— Идем, — вдруг решительно сказала она, хватая его за руку. — Сейчас я улажу два срочных дела, и мы вместе пойдем в замок.

Через два часа Габи представляла своего суженого Бурвилю — дворецкому. На этот случай у Шосса были припасены весьма неплохой коричневый сюртук, не слишком роскошный, но свидетельствующий о том, что у его обладателя в кошельке кое-что водится, плотные штаны с широким поясом и кожаные туфли с пряжками. Габи находила, что он выглядит в своем наряде очень достойно. Она провела его в казавшийся просто огромным каменный холл с высоким сводом, графскими гербами на стенах и искусными портретами многочисленных предков. От самого входа и до широкой каменной лестницы тянулась красная ковровая дорожка. Под потолком висели массивные люстры. Вдоль стен стояли тяжелые деревянные скамьи. Солнечный свет, струясь сквозь высокие цветные окна фасада и преломляясь в узорах рисунков, веселыми зайчиками прыгал по серьезным лицам пращуров семейства Гензенау. Кругом было чисто и прибрано. Пока Шосс осматривался, Габи убежала за дворецким.

Наконец-то он вступил в замок! Шосс покрутил носом. Запах гари доносился и сюда. Когда они проходили мимо пожарища, он мельком отметил, что на месте домика конюха остались одни жалкие головешки, среди которых в лучах яркого солнца поблескивали осколки лопнувших от сильнейшего жара многочисленных винных бутылок. Габи старалась не смотреть в ту сторону, и ее личико снова приняло плаксивое выражение.

Вскоре Габи вернулась с низеньким пузатым пожилым человечком в пышной бархатной одежде и брыжах. Тронутый золотой нитью камзол и расшитые туфли должны были производить солидное впечатление, хотя Шосс отметил, что наряд серьезно отстал от моды. Голову дворецкого венчала изрядная лысина. Человечек держался важно, хотя и без напыщенности, которая частенько свойственна этой братии. Он шел, опираясь на резную палку из мореного дуба с серебряным набалдашником в виде головы медведя.
— Я — Бурвиль, дворецкий в родовом замке благородных графов

Гензенау. Могу я услышать ваше имя? — вопросил дворецкий, внимательно оглядывая Шосса.
Он, со слов Габи, уже прекрасно знал в общих чертах все то, что Шосс успел наплести о своей липовой биографии, но предпочел начать разговор с необходимых формальностей.
— Шарль Готье.
— Надеюсь, вы не против, если я буду называть вас по имени?
— Ничуть.
— Прекрасно. Давайте пройдем в более подходящее для беседы помещение.
Он повернулся и пошел, пригласив Шосса следовать за собой.
— Габи, ты не могла бы оставить нас? Я хочу поговорить с твоим протеже наедине, — сказал Бурвиль устремившейся было за ними молодой женщине.
Габи смущенно кивнула, хотя по ее лицу разлилась откровенная досада из-за невозможности принять участие в предстоящем разговоре.
— Я подожду у себя, — шепнула она Шоссу.
Он кивнул и пошел следом за дворецким.

В крыле для прислуги было множество комнат, что явилось лишним свидетельством былого величия и некогда кипучей жизни обитателей замка. Сейчас лишь немногие из комнат были обитаемы. Бурвиль провел гостя в одну из них, заставленную старой, резной тяжелой мебелью. Большая кровать с потрепанным балдахином красовалась наряду с мещанскими пузатыми комодами и, словно смотревшими свысока на соседей-плебеев, довольно изящными шкафчиками. На лакированном деревянном столике с чистой скатертью поблескивал хрустальными боками графинчик с вином. Рядом, на серебряном подносе, пристроился выводок стаканов с затейливым рисунком. В очаге тихо ворчал огонь, доедая очередное полено — каменная громада замка требовала регулярной протопки помещений. Бурвиль пригласил Шарля-Шосса присесть у стола. Раздвинув накрахмаленные занавески, пошевелив поленья в камине и плеснув в стаканы немного вина, Бурвиль уселся рядом, платочком стирая с лысины выступивший бисеринками пот.
— Душновато сегодня, — пожаловался он.
Он отпил немного из своего стакана, знаком пригласив гостя сделать то же самое. Шосс осторожно пригубил содержимое.
— Итак, Шарль, я полагаю, вы уже знаете, что все живущие в замке в подавляющем большинстве тут и родились и из поколения в поколение служат графам Гензенау?

Шосс утвердительно кивнул.
— Мы не любим брать людей со стороны. Наши сеньоры по ряду причин, о которых, я думаю, вы также уже наслышаны, вынуждены вести довольно скромный образ жизни. И поэтому все их окружение, во избежание ненужных, глупых и оскорбляющих их благородное имя разговоров, состоит только из преданных фамилии людей.
Дворецкий помолчал, словно вспоминая былые годы, затем продолжил:
— Я отлично осведомлен о вас от Габи. К слову сказать, в замке не осталось ни единой живой души, кому бы она о вас не рассказывала. Должно быть, вы произвели на нее сильное впечатление. Габи — хорошая девушка. Я рад, что ее будущее наконец-то устраивается. Надеюсь, вы понимаете, что именно ее рекомендация вас как ее будущего супруга сыграла важную роль в том, что я согласился подумать о вашей кандидатуре?
— Да, она мне говорила.
— Прекрасно. Но — я думаю, это понятно — решающую роль сыграла трагедия этой ночи. Я искренне жалел Леонарда — потерять всю семью… Но дойти до такого состояния! Теперь я корю себя — быть может, я сделал недостаточно для того, чтобы предотвратить эту трагедию.
Шосс изобразил понимающее лицо.
— Но остались некоторые формальности. Я бы хотел расспросить вас…
И дворецкий принялся деликатно, но твердо выпытывать у Шосса детали его биографии, которую тот давным-давно загодя сочинил и которой точно придерживался. Шосс изящно врал, вставляя, где надо, по ходу действия эмоции и жестикуляцию. Получасовая беседа вполне удовлетворила Бурвиля. Шосс, среди прочего, поведал, что прежде служил приказчиком у одного богатого торговца лошадьми и занимался как раз благородными породами. Но дела торговца пошатнулись, и оставаться на том месте было уже не так привлекательно. И, по правде сказать, работа приказчика ему порядком поднадоела. Зато он любит лошадей, и с удовольствием будет ухаживать за ними. Хотя заработок здесь и ожидается существенно меньший, зато всегда будет крыша над головой и суженая рядом. Совместная жизнь с Габи сулит ему спокойное существование в замке знатных особ до самой смерти. Если его радушно примут, то он, Шарль, готов со всей ответственностью заниматься порученным ему делом и вообще быть полезным для жителей замка. По лицу собеседника Шосс чувствовал, что тот вполне удовле-

творен ходом разговора и продолжает его расспрашивать скорее для порядка, чем из каких-либо подозрений.
— Ну что же, молодой человек (складывалось впечатление, что для дворецкого к категории молодых людей относились все, кто просто был моложе его), впечатление вы производите положительное. В ваших словах я не нахожу ничего предосудительного. Однако же мне хотелось бы задать еще ряд вопросов касательно ваших должностных обязанностей. Поскольку вы должны хорошо разбираться в лошадях, не скажете ли мне…
Дворецкий принялся спрашивать и в ответ Шосс обрушил на него такой ворох знаний, что по растерянности, появившейся в глазах Бурвиля, было совершенно ясно, что многое он слышит вообще впервые. Однако Шосс придерживался определенных границ, чтобы не вызвать у дворецкого подозрений насчет того, что не больно ли знающий человек претендует на бесспорно хорошее, но все-таки скромное место при графской конюшне.

Когда, наконец, Бурвиль расспросил обо всем, о чем считал нужным, то пришел к выводу, что протеже Габи его вполне устраивает. Конечно, при других обстоятельствах все складывалось бы иначе и в другие сроки, но на данный момент это был лучший и очень своевременный вариант. Закончив с вопросами, дворецкий предложил Шарлю-Шоссу, в свою очередь, расспросить его обо всем, что того интересовало: например, о жалованье, где он будет жить, как столоваться и прочее. Шоссу, разумеется, все это было совершенно не важно, исключая, пожалуй, то, где он будет жить. Но роль надо было играть до конца, и он задал ряд необходимых вопросов, чтобы дворецкий ничего не заподозрил.

Наконец, Шосс выразил удовлетворение услышанным и спросил прямо, что Бурвиль думает по поводу его персоны. Дворецкий без обиняков ответил:
— Ну, что же, скажу откровенно — вы меня устраиваете. Поэтому с моей стороны нет никаких препятствий. Окончательное решение останется за нашим сеньором, но он привык в таких мелочах полагаться на меня. Так что остается только один вопрос: когда вы готовы приступить?
— Сегодня же, — не скрывая радости, ответил Шосс. — Весь мой скарб в таверне. В течение месяца мне надо будет уладить кое-какие дела касательно моего имущества на прежнем месте жительства, но это не займет много времени.
— Вот и отлично. Давайте я покажу вам замок. А потом прошу заняться вашими обязанностями и побыстрее переехать сюда. Комнату для вас подготовят, а Габи познакомит вас с распорядком и

особенностями жизни в замке. Думаю, она сделает это куда лучше меня. Формальности мы уладим позднее.

Экскурсия по замку сама по себе была довольна увлекательна. С поправкой же на то, что Шосс заявился сюда с вполне определенными намерениями, она вызывала живейший интерес, который он совершенно не пытался скрывать. Левое крыло предназначалось для слуг. Чистенькие, уютные комнатки производили приятное впечатление. В правом крыле помещался большой зал, где сеньоры принимали своих вассалов и где когда-то устраивались пышные празднества, а также господская столовая, рассчитанная не на один десяток персон, столовая для слуг, кухня с подсобными помещениями и складские комнаты для всякой утвари. В центральной части, позади парадной лестницы на верхние этажи, две резные двери вели в оружейную, где хранились всевозможные образчики графской коллекции, и зал, предназначенный для музицирования, изобиловавший музыкальными инструментами так же, как оружейная — оружием и доспехами. На втором этаже располагались обширная библиотека и рабочий кабинет графа. Верхние этажи центральной части замка предназначались для господской семьи. Там же располагались гостевые комнаты, которые, увы, использовались теперь крайне редко. Каждое крыло было увенчано высокой каменной башней с бойницами. Башни были похожи друг на друга как братья-близнецы. В каждую вела узкая спираль лестницы, а в подвале каждой хранились оружие и боеприпасы.

Обойдя все это, Бурвиль уже собирался закончить экскурсию, но Шосс счел, что этого недостаточно.

— Со двора я видел часовню. Она все еще используется по назначению? Я не в претензии, но ходить молиться в деревенскую церковь было бы не слишком удобно.

— Да, разумеется, часовня открыта для всех. К сожалению, службы в ней теперь отправляются редко, но все, кто живет в замке, имеют полное право посещать ее.

Они прошли в центральный холл. От двери, расположенной слева от лестницы, в часовню вел коридор, огибавший по краю левое крыло. В часовне оказалось несколько мрачновато. Каменные скамьи с деревянными накладками, узкие окна, плохо пропускающие свет, тяжелые дубовые двери, окованные железом, скрипевшие так надрывно, будто хотели напомнить, что за многими они закрылись уже навсегда. Вход в семейный склеп темным пятном виднелся в дальней части часовни. С большого каменного креста на вошедших взирала фигура распятого Христа. Медный терно-

вый венец на его голове давно позеленел от времени. Под самым потолком углы часовни были подернуты седыми тенетами бесчисленных поколений пауков. По периметру стояли тяжелые бронзовые напольные подсвечники. В воздухе витал запах ладана и истлевшей материи — вся тканая утварь была изрядно тронута временем. На ближней к распятию скамье, низко опустив голову, сидела какая-то молодая женщина.

— Это Алина де Гензенау, дочь графа, — шепотом сказал дворецкий.

Шосс кивнул.

— Можете приходить сюда, когда захотите, — продолжал Бурвиль шепотом. — Храмы Божьи всегда открыты для всех. Однако… — он немного помялся, — у нас принято не беспокоить никого из графской семьи, когда они приходят сюда молиться. Надеюсь, вы понимаете?

— Я не намерен нарушать устоявшиеся правила, — заверил его Шосс.

Должно быть, виконтесса все-таки услышала их. Она встала и направилась в их сторону. Бурвиль склонил голову, и Шосс догадался сделать то же самое.

— Кто это с вами, Бурвиль? — спросила Алина тихим печальным голосом, подойдя к ним.

— Это наш новый конюх, госпожа. Его рекомендовала нам Габи.

— Ах да, очень рада, — сказала она, улыбнувшись Шоссу, но улыбка получилась грустной.

Шосс, внешне потупив очи, на деле пожирал ее глазами. Перед ним стояла худенькая молодая женщина среднего роста, с иссиня-черными волосами, собранными под черной косынкой, в незамысловатом шелковом голубом платье с неглубоким вырезом на груди. С первого взгляда бросалась в глаза сильная бледность ее лица с тонкими, почти бескровными губами. Большие карие глаза выражали печаль и доброту, и, казалось, они загадочно мерцают какой-то безмолвной тайной. Алина, несмотря на сильную бледность и слегка нездоровый вид, действительно притягивала взор какой-то особой красотой. Должно быть, находясь в обществе, она постоянно приковывала бы к себе взгляды окружающих и не могла бы сетовать на отсутствие внимания со стороны представителей сильного пола. Шоссу даже показалось, что в ее красоте было что-то неестественное, но что именно — он не смог понять. Что-то неуловимое… Однако Шосс пожирал глазами не столько саму виконтессу, сколько ее шею и вырез платья, пытаясь нашарить взглядом искомый изумруд. Самого камня совершенно не было видно, од-

нако на шее Алины де Гензенау виднелась тонкая золотая цепочка, которая давала Шоссу все основания предположить, что вожделенный "Волчий глаз " скрыт под платьем.
— Как вас зовут? — спросила Алина.
— Шарль Готье, госпожа.
— Про вас уже все знают. Я очень рада за Габи. От всей души приветствую вас под крышей нашего замка. Должно быть, Бурвиль вам тут все показывает.
— Да, госпожа, — почтительно ответствовал Бурвиль. — Но мы совсем не хотели вам мешать.
— Вы мне не помешали, я все равно уже собиралась уходить. Я молилась за душу бедного Леонарда.
Шоссу даже стало как-то неловко. Но мысли его по-прежнему вертелись вокруг изумруда. К сожалению, плотная ткань не оставляла его острым глазам ни малейшего шанса.
— Ну что ж, продолжайте, — сказала Алина.
Она кивнула Бурвилю и Шоссу, те еще раз склонили головы, и виконтесса удалилась.
— Собственно, поэтому я и пропустил часовню, когда мы совершали обход по замку, — смущенно сказал Бурвиль. — Я подозревал, что госпожа может быть здесь.
— Сказали бы мне сразу, я бы не настаивал, — развел руками Шосс.
— Ну, вот, вроде бы, и все…
— А где же у вас винный погреб? Где должны храниться запасы съестных припасов на случай осады? Ведь это древний и боевой замок. Может быть, даже темница есть?
— Разумеется, все это есть, — ответил Бурвиль с некоторой неохотой. — У замка очень глубокие многоярусные подвальные помещения. Там есть и винный погреб, и темница, и даже особые графские покои на случай волнений и мятежа. Времена-то, сами знаете, какие были. Войны, распри. Соседствующие сеньоры не особо дружили друг с другом.
— А мы не могли бы… э-э-э…
— Что ж, извольте. В конце концов, вы теперь принадлежите к числу обитателей замка.

Подземелья действительно были обширны. Главный вход в них располагался прямо напротив двери, ведущей к часовне, но по другую сторону лестницы. Громада замка, возвышаясь многими этажами к небу, так же изрядно уходила в землю несколькими глубокими ярусами. Бурвиль показал Шоссу большой винный погреб, уходящий вглубь рядами огромных потемневших дубовых

бочек и стеллажами запыленных винных бутылок. Они заглянули в обширные кладовые, которые и по сей день были кое-чем наполнены. Мимоходом завернули в давно пустующую темницу.

Бурвиль рассказывал Шоссу о прежних временах, когда вина лились рекой, а снедь корзинами доставлялась в приемный зал, когда в темнице томились враги рода Гензенау и нерадивые крестьяне. Рассказывал о междоусобных распрях, когда мирное население замка пряталось под сводами его подземелий, а многочисленные, до зубов вооруженные воины с горящими факелами дежурили на стенах, всматриваясь в ночную мглу. Поведал и о том, что раньше в особом подвальном помещении держали пойманных диких зверей, чтобы потом, в специальном загоне, устраивать бои с волкодавами или друг с другом, или же кто-нибудь из графов один на один выходил против свирепого волка или кабана.

— А там что? — спросил Шосс, указывая на лестницу, все еще ведущую вглубь.

— Там как раз располагаются особые покои, где графская семья могла бы укрыться в случае, если бы враги прорвались за стены. Но они почти всегда закрыты, и туда мы не можем попасть.

— Почти всегда?

— Н-ну… Рыцарь Гензенау проводил там много времени в последние годы своей жизни. В общем-то, с тех пор этими покоями традиционно пользуются только в особых случаях. Знаете ли, Шарль, господа очень болезненно относятся к своему родовому недугу. Для них это нелегкое бремя, и как-то повелось, что больные проводят там какое-то время во время своих… э-э-э… приступов. Тяжелое, знаете ли, зрелище. И я их вполне понимаю. Благородные господа ужасно стыдятся и всеми силами стараются избегать посторонних глаз.

Было видно, что дворецкий чувствовал себя не в своей тарелке, рассказывая об этом, словно прилюдно обсуждал интимные тайны хозяев замка. Шосс был уже вполне наслышан об этом и, по опыту зная, что припадки падучей — зрелище действительно не из приятных, на Бурвиля не наседал. Кроме того, дворецкий обронил, что там же находится и сокровищница, хранившая еще достаточно богатств благородного семейства. Так что прогуливать Шосса по этой части подземелья явно никто не собирался.

Дойдя до холла, Бурвиль сказал:

— Ну, я думаю, пока все. Идите к Габи, порадуйте ее. Она, должно быть, с нетерпением ждет вас. И, надеюсь, вы понимаете, что пока вы не женаты, то… г-хм… Было бы недопустимо…

Шосс понимающе улыбнулся.

— Не беспокойтесь на этот счет, мы не вызовем никаких нареканий.
— Вот и отлично. А когда вы обвенчаетесь, то вам выделят отдельное помещение, как всегда делалось для супружеских пар. Там хватит места и уюта и для вас, и для будущих детей, которых я вам всячески могу пожелать.
Шосс представил ораву растущих по его образу и подобию деток и чуть не прыснул.
— Итак, решено: немедленно приступайте к своим обязанностям. Надеюсь, перенос ваших вещей не займет много времени. Габи покажет вам вашу комнату. К вашему возвращению она будет уже готова. Она расположена на другом этаже, нежели комната вашей будущей супруги — во избежание соблазнов.

Вскоре Шосс был у Габи, которая ждала его с нетерпением, и обрадовал ее вестью, что отныне они будут жить под одной крышей. Радости ее не было предела. Шосс мягко, но настойчиво прервал это изъявление чувств, сказав, что ему прямо сейчас предстоит уйма работы, а еще надо перенести вещи. Тут и Габи вспомнила, что у нее тоже хватает забот. Она сказала, что приложит все усилия, чтобы его новый дом сиял чистотой и согревал уютом.

В конюшне дел оказалось невпроворот. Шосс в поте лица провозился несколько часов, стараясь хотя бы отчасти наверстать упущения скоропостижно скончавшегося с его помощью предшественника. Ему понравились графские лошади. Вообще, эти животные были одними из немногих живых существ, к которым он питал симпатию. Хотя бы потому, что они не раз выручали его из всяких переделок, в которые он, в силу своих профессиональных занятий, время от времени попадал. Пока Шосс вкалывал на конюшне, его разум тщательно переваривал и усваивал все, что он сегодня видел и слышал. В процессе экскурсии по замку он перезнакомился с большинством слуг (остальных, должно быть, увидит за ужином) и побывал почти во всех замковых помещениях. Хотя, разумеется, оказаться непосредственно внутри удалось далеко не везде — не станет же дворецкий показывать конюху графскую опочивальню или кабинет! Из ныне живущих в замке сеньоров он видел только дочь графа, Алину Гензенау. Сам граф пребывал в своих покоях, а его младший брат уехал в город по каким-то делам. Оба сына графа находились в отъезде. Из других немногих родственников в замке жили престарелая тетка графа и единственный сын его брата с женой, которых Бог благословил двумя детьми — сыном и дочерью, совсем еще крошками. Жены графа и его брата уже много лет как нашли свое последнее пристанище в

семейном склепе, присоединившись к сонму спящих вечным сном предков Гензенау. Все остальные родственники фактически являли собой то, что обычно называется "седьмая вода на киселе", и в гости наезжали весьма редко, скорее, просто из приличия. Так что, кроме перечисленных, других прямых потомков у рода Гензенау не было. Эти, по праву называющиеся благородными, дворяне — все, что осталось от некогда пышного и здорового рода.

Закончив самое неотложное, Шосс отправился в деревню за своими вещами. Во всяком случае, теми из них, которые можно было безбоязненно перенести на новое место жительства. Мысли его продолжали крутиться вокруг внутренних покоев замка. Для себя он выделил четыре основных объекта. Это были графские покои, графский кабинет, библиотека и подземелья. Последние навевали некоторую нервозность, поскольку всякого рода тайники и скрытые хранилища там можно было искать весьма долго, учитывая, что доступ туда у Шосса был, мягко говоря, ограничен, особенно во времени. Разумеется, если бы у него была возможность действовать без помех, он бы быстро обшарил все сверху донизу. Но в том и заключалась трудность, что такой возможности не было. Придется действовать потихоньку, в зависимости от обстоятельств. Самой очевидной целью была сокровищница, совмещенная с неким подобием больничной палаты. Помимо основных задач, даже если сокровищница не будет таить в себе ничего к ним относящегося, всегда приятно полюбопытствовать помещениями подобного рода, а тем более — наложить лапы на их содержимое. Самое главное позади: он в замке, на официальном положении. Теперь надо постараться обеспечить себе беспрепятственный доступ к возможно большему числу внутренних покоев. А для этой цели можно напроситься к Габи в помощники. Сомнительно, чтобы кто-то не поверил в то, что жених жаждет побольше времени проводить в обществе невесты.

Шосс въехал в свою комнату перед самым ужином. Повсюду — иначе и не скажешь — сновала Габи, постоянно мелькая то тут, то там, что-то поправляя, разглаживая, переставляя и протирая. Ей очень хотелось, чтобы милому было хорошо и уютно в новом жилище. Шосс остался вполне удовлетворен, хотя находил, что Габи немного переусердствовала, украшая комнату салфеточками, скатерками, фарфоровыми статуэтками и прочими безделушками. Но ничего не имел против, поскольку все это вписывалось в роль счастливого жениха. Комната его располагалась весьма удачно для предстоящих действий — когда ему вздумается прогуляться по замку инкогнито, не придется идти мимо вереницы дверей, из

которых очень некстати могли появиться обитатели. Она была недалеко от лестницы, соединявшей этажи левого крыла, и, соответственно, сообщений с центральной частью замка, откуда можно было попасть куда угодно. Рядом с его новым домом других обитаемых комнат вообще не было — Бурвиль изрядно перестарался в намерении поселить его подальше от Габи. Не успел он разместить свои пожитки, как Габи потащила его ужинать.

Челядь ужинала в столовой для прислуги по соседству с кухней. Всего их было около двадцати человек. Во главе длинного стола восседал Бурвиль. Он пригласил Шосса сесть рядом с ним, должно быть, намереваясь побеседовать о том, как тот устроился и как находит свое новое окружение. Шосс с готовностью принял приглашение, хотя Габи явно рассчитывала совсем на иное. Аккуратно сервированный стол производил приятное впечатление. Обоняние щекотали запахи, дающие возможность предположить, что повар не зря получает жалованье. Быстро последовавшая дегустация это подтвердила.

За ужином слуги разговаривали мало, в основном поминая погибшего Леонарда и размышляя о хрупкости бытия. Шосс, с вполне искренним удовольствием уплетавший за обе щеки, тихонько беседовал с Бурвилем. Выразив полное удовлетворение своей комнатой и обстановкой в целом, он поведал, что еще не со всеми успел познакомиться, но наверстает упущенное; что в конюшне, на его взгляд, нужно сделать кое-какие изменения; что для работы ему понадобится то-то и то-то. Бурвилю понравилось, с каким энтузиазмом новичок взялся за работу, и он отвечал, что находит его слова вполне разумными и постарается обеспечить всем необходимым. Вскоре Шосс упомянул и о главном.

— Вы не будете возражать, если я — разумеется, в свободное время — буду помогать Габи? Ну, там корзинки с бельем принести, передвинуть чего, и все такое. Свадьба наша будет не так скоро, как бы мне хотелось, ведь мне сначала надо полностью уладить свои дела на прежнем месте, а это займет еще около месяца. И только потом можно будет назначить дату.

— Конечно-конечно, — добродушно ответил Бурвиль, воображая, что он прекрасно понимает суть предмета. — Не вижу никаких причин не позволять вам находиться подле вашей возлюбленной как можно больше, особенно если это пойдет на пользу и ей, и остальным.

После ужина Габи затащила Шосса в свое жилище. Должно быть, ей хотелось произвести на жениха дополнительное впечатление, показав, какая она аккуратная, хозяйственная, и сколько у

нее всяких хороших и красивых вещей. Шосс делал умильное лицо и рассыпался в похвалах. Габи раскраснелась и явно нацелилась немного пообниматься.
— Послушай, милая, у меня тут был разговор с Бурвилем, — с наигранной неловкостью мялся Шосс.
— И что он тебе сказал? — спросила Габи, посылая ему самые нежные взгляды, на какие только была способна.
— Хотя мне этого ужасно не хочется, нам надо быть чуточку сдержаннее. Бурвиль дал понять, что не потерпит, если я начну ходить к тебе по ночам до свадьбы. И вообще, нам надо вести себя осторожнее, чтобы, упаси Боже, меня не выставили за аморальное поведение как раз тогда, когда все так удачно складывается.
Габи надула губки.
— Ну, милая, ты же понимаешь, что это хоть и трудно, но необходимо, — увещевал Шосс. — Еще немного терпения, какие-то полтора-два месяца, и мы окажемся в собственном уютном гнездышке, где нам уже никто не помешает. Бурвиль сказал, что нам после свадьбы выделят отдельное совместное жилье.
— Бурвиль так сказал? — обрадовалась Габи, сразу перестав обижаться. — О, Шарль! Как это чудесно!
Она закружилась по комнате, шурша платьем, как будто танцевала под неслышную музыку.
— Ты знаешь, первым делом надо будет... — и она опять ударилась в любимую тему, заключавшуюся в детальном планировании предстоящей семейной жизни.
Шосс откровенно скучал, отчаянно стараясь не подавать виду — последнее с каждой минутой давалось ему все тяжелее и тяжелее.
— Радость моя, — сказал он наконец, — сегодня у меня был такой напряженный день. Мне бы надо отправляться спать, ибо завтра будет много работы.
— Ой, какая я эгоистка! — воскликнула Габи. — Конечно-конечно, дорогой. Но сначала выпей немного теплого вина перед сном. Так ты заснешь гораздо лучше.

Угостившись стаканчиком красного вина, оказавшегося довольно приятным на вкус, Шосс с предельной нежностью распрощался с Габи и удалился к себе. И действительно завалился спать, поскольку денек выдался и вправду утомительный, а его работа требовала осторожности и сосредоточенности.
— Время пока терпит, — пробормотал Шосс сам себе, проваливаясь в глубокий сон. — Пока терпит...

– 6 –

Утром в часовне состоялась заупокойная служба по погибшему конюху. Простой деревянный гроб с телом стоял на возвышении, покрытом черной тканью. На крышке лежали скромные букетики полевых цветов. Священник размахивал кадилом и читал заупокойные молитвы. Вокруг стояли медные светильники с ярко горевшими свечами. В часовне собрались все слуги. Пришли и Алина с графом — отдать дань покойному, который много лет служил их семье. Когда входили Габи и Шосс, огоньки свечей вокруг гроба вдруг сильно затрепетали, должно быть, из-за поднявшегося вследствие открытой двери сквозняка, и часть из них даже потухла. Кто-то из слуг тихонько, чтобы не мешать святому отцу, зажег их снова.

Шосс отлично выспался этой ночью, и теперь, сидя подле Габи с зажженной свечкой в руках, ретиво строил планы. Заодно рассматривая графа, Бриана де Гензенау. Граф был еще крепкий, но уже в приличном возрасте мужчина, невысокого роста, сухощавый и изрядно поседевший. Его лицо, выдающее породистого аристократа, казалось, хранило печать глубокой скорби, словно он находился под постоянным воздействием каких-то гнетущих мыслей, не дающих ему покоя ни днем, ни ночью. Черный бархатный камзол с изящным кружевом рукавов серебрился тонким ажурным шитьем. Шосс находил, что черный цвет донельзя подходит выражению его лица. Алина стояла рядом с отцом, также одетая в черное. Шосс снова поискал глазами вожделенный изумруд и снова не обнаружил ничего, кроме полуприкрытой цепочки. Эх, сейчас бы наведаться в графские покои! Но приличия требовали его присутствия здесь. Значит, как-нибудь в другой раз. Но нынешней ночью надо обязательно приступить к изучению намеченных объектов, благо что Бурвиль сыграл ему на руку касательно ночных свиданий с Габи.

Тут вдруг Шоссу пришло в голову, что, вполне возможно, пока он будет заниматься своими изысканиями, к нему в гости может заявиться сама Габи, отнюдь не страдающая отсутствием пылкости, тем более что аппетит ее был раззадорен их недавними ночными свиданиями. Если она не застанет жениха в столь поздний час у себя в опочивальне, у нее может возникнуть к нему ряд неприятных вопросов, отвечать на которые у него не было бы ни малейшего желания. Придя к выводу, что такое событие вполне может произойти, Шосс решил принять необходимые меры, чтобы обезопасить себя от ее неожиданного вторжения.

Леонарда похоронили на кладбище под холмом. Тенистая роща окружала старый, окруженный низенькой каменной изгородью погост. Здесь обретали свое последнее пристанище замковые слуги, из поколения в поколения жившие бок о бок со своими господами, рождавшиеся и отходившие в мир иной под древними безмолвными сводами. Старые, вросшие в землю надгробия с едва различимыми надписями соседствовали с недавними захоронениями. Хотя и те, и другие находились в хорошем состоянии — видно было, что за кладбищем старательно ухаживали. Гроб с останками конюха захоронили рядом с могилами его жены и детей, и у Габи глаза снова оказались на мокром месте.

Большую часть дня Шосс трудился в конюшне, но также улучил время и для того, чтобы хвостом потаскаться за Габи под предлогом возможной помощи. Она, разумеется, не возражала, радуясь каждой лишней минуте, проведенной вместе, и перекладывая на Шосса разную мелочевку. Вполне возможно — не столько от желания озадачить милого работой, сколько от охватившего ее приятного чувства распоряжаться им. Это дало Шоссу возможность весьма неплохо осмотреться во многих комнатах, куда без Габи ему путь был заказан.

— А кто следит за комнатами графа? — спросил он между делом.

— Шарлотта. И, между нами, честно говоря, я бы гораздо лучше справлялась с ее обязанностями, — проворчала Габи. — Ты бы видел...

Шосс подумал, что Шарлотта, возможно, получает несколько большее жалованье, чем его спутница, ибо уж больно ревниво она себя повела — сразу начала перечислять все огрехи своей соперницы. Подворачивалась возможность сделать "доброе дело", а именно — предоставить Габи шанс занять место этой самой Шарлотты, хотя бы временно. А он, Шосс, сможет за компанию с ней побывать в графских апартаментах, и уж постарается не упустить ни единой драгоценной минуты.

Ближе к вечеру Шосс наведался в одно местечко, облюбованное им в лесу недалеко от замка. Там, между корнями старой раздвоенной сосны, он припрятал ту часть своего имущества, которую переносить в замок было бы весьма неосмотрительно. Он извлек на свет небольшой деревянный футляр. В нем, на подкладке из зеленого бархата размещалось множество маленьких разнокалиберных склянок, в которых плескались жидкости всех цветов радуги. Парочка флаконов немедленно перекочевала из футляра в карман куртки Шосса, а следом отправился набор хитроумных отмычек. Прихватив еще кое-какую мелочь, Шосс тщательно запря-

тал все обратно и вернулся в замок. Близилось время ужина.

В этот раз за общим столом он устроился подле Габи, затеяв с ней и с соседями непринужденную беседу. Он веселил окружающих придуманными историями из своей жизни, отпускал забавные остроты и был сама любезность по отношению к сидящим рядом женщинам. Особенно громко хохотали над его рассказами краснощекий толстяк-повар и полногрудая, с грубыми чертами лица Шарлотта, графская горничная. Эта дородная женщина весело смеялась, колыхаясь всем телом и время от времени смущенно прикрывая рот, когда он раскрывался уж слишком широко. Именно ей, душевно улыбаясь, Шосс исхитрился подлить в стакан немного того, что зловеще плескалось в одном из взятых им флаконов. И внимательно проследил, как содержимое стакана одним махом исчезло по назначению.

— Я загляну к тебе после ужина? — спросил Шосс у Габи на ухо.

Та совершенно не возражала. Ей понравилось, какое приятное впечатление ее жених производил на окружающих, завладев их вниманием, и она не преминула сказать ему об этом.

— О, милая, я повидал много людей и знаю, как с ними обращаться, — улыбнулся Шосс, не сильно покривив душой.

Перед сном они с Габи сидели в ее комнате у камина, наслаждаясь теплом, вином, фруктами и обществом друг друга. Габи, во всяком случае. Шосс, скорее, испытывал удовлетворение от того, что содержимое обоих флаконов достигло своей цели, ибо и Габи тоже получила свое из второй, не менее подозрительного вида бутылочки. Но в случае с Габи все обстояло предельно просто: Шосс подлил ей в вино сильнодействующее снотворное, дабы быть уверенным, что невестушка ночью будет крепко спать, а не нагрянет с неожиданным визитом. Содержимое же первого флакона, доставшегося на долю Шарлотты, было вовсе не таким безобидным.

Вскоре Габи почувствовала сильную усталость и смущенно сказала Шоссу, что ее глаза прямо-таки закрываются сами собой и что, наверное, ей надо лечь спать. Шосс — само понимание — вежливо откланялся, не забыв одарить Габи нежными поцелуями.

Наступила ночь. Убедившись, что обитатели замка легли спать, Шосс неслышной тенью выскользнул из комнаты. Вскоре он оказался в библиотеке, к которой примыкала комната, обустроенная предками графа под рабочий кабинет. Пользуясь маленьким потайным фонарем, ибо даже его зрение откровенно пасовало перед кромешной тьмой, царившей здесь, он принялся шнырять вдоль длинных стеллажей, уставленных бесчисленными старин-

ными фолиантами. Обширная библиотека Гензенау могла восхитить самого избалованного библиофила. Книги, собранные со всех концов света, рукописи, первоиздания, древние пожелтевшие свитки из Рима и Египта, коллекция гравюр, богатейшее собрание религиозной литературы... И на всем этом лежала печать запустения, как и на многом, что встречалось в этом замке. Нет, за библиотекой ухаживали — с корешков книг смахивали пыль, помещение подметали и проветривали, но внимательный взгляд мог без труда заметить, что книги давно недвижно стоят на своих местах, свитки много лет не разворачивала рука человека, а гравюрами никто не любовался. Но именно это обстоятельство быстро позволит определить, что в этом помещении трогали или переставляли.

Однако Шосс здорово недооценил размеры библиотеки. Времени ушло немало, прежде чем он смог с большой долей уверенности утверждать, что интереса то немногое, до чего здесь дотрагивались хотя бы время от времени, совершенно не представляет. Но несколько книг отсутствовало. Шосс решил, что наиболее вероятное их местонахождение — в графском кабинете, куда он незамедлительно проследовал. За резной двустворчатой застекленной дверцей открылся рабочий кабинет. В центре стоял большой ореховый стол с причудливым письменным прибором. На столе было навалено изрядное количество рукописей и книг. Вдоль стен ровными рядами стояли высокие шкафы и секретеры. Ноги утопали в глубоком мягком ковре. В углу комнаты стоял большой глобус. Шосс принялся методично обшаривать кабинет.

Литература, которой интересовался граф, была более чем странная. Преобладали религиозные книги довольно узкой тематики, в основном касающиеся нечистой силы, колдовства, ведьм, наложения порчи и сглаза. Сведения об упырях и призраках соседствовали с обрядами по изгнанию демонов, мифологией и легендами. Здесь можно было найти упоминания о нежити и колдунах даже Древнего Египта. Легенды и проклятия Востока соседствовали с трудами светских и монашествующих авторов христианского Запада. Тематика, которой интересовался граф, скорее, подошла бы охотнику на ведьм или экзорцисту, но уж никак не образованному благородному дворянину, который в силу своего разума должен был понимать, что все это — редкостная чушь и религиозные предрассудки, рожденные страхом невежественных людей пред загадочной и могучей стихией природы. Шосс всегда с глубоким презрением относился к подобным вещам и откровенно потешался над теми, на полном серьезе рассуждал о колдовстве и

летающих на помеле ведьмах, о покойниках, встающих из своих гробов, чтобы пить кровь живых, и о демонах, проникающих в этот мир прямиком из ада, овладевая душами слабых в вере людей. Шоссу было слишком хорошо известно, что за насланным мором, приведшим к массовому падежу скота, как правило, стоит какой-нибудь добрый молодец, в арсенале которого есть хитроумное зелье загадочного Востока. Что неурожай вызван исключительно природными явлениями, и даже если сжечь всех женщин на этой грешной земле, зерна в хранилищах от этого не прибавится, и посевы самым чудесным образом не возродятся. Что единожды убитый человек умирает навсегда, а его душа не является убийце в виде обличающего призрака, и что за родовым проклятьем стоит дурная наследственность, к которой чаще всего приводят перенесенные опасные болезни или браки между кровными родственниками — это очень хорошо описывают в своих трудах некоторые святые отцы, ставя едва ли не на одну планку греховные кровосмесительные браки с поклонением самому Люциферу. Однако складывалось впечатление, что сам граф совсем не разделял общеизвестную версию о семейном недуге и, вместо того, чтобы изучать труды известных медиков, с головой ушел в сомнительные науки и демонологию. Впрочем, отчаявшийся человек начинает действовать совершенно неразумно и, не найдя утешения в Боге, вполне может обратиться к Дьяволу; не найдя спасения в лекарствах и молитвах, обратиться к гадалкам и шарлатанам.

Шоссу не составило особых трудов отомкнуть все замки и запоры в кабинете, а также обнаружить в письменном столе пару потайных отделений. Среди найденного была небогатая корреспонденция графа, хозяйственные заметки, ежегодный обзор семейного состояния и владений, генеалогические изыскания, а заодно нечто вроде личного дневника графа, где, кроме заметок о всяких важных событиях, содержалось что-то вроде мыслей вслух. Шосс жадно принялся изучать дневник, выдирая из контекста представляющие интерес строки.

"...Как сейчас помню тот день, когда я впервые узнал от отца правду. Это было глубокое потрясение. Я до сих пор иногда молюсь Богу о том, что хочу проснуться в своей постели и обнаружить, что все это было лишь страшным сном, ночным кошмаром. Но нет, это реальность. Моя старшая сестра несла этот ужасный груз, как до нее его несли моя тетя, моя прабабка... Неужели нет способа уничтожить это чудовищное проклятье?

...Рыцари-тамплиеры хранят верность данному слову и по-

прежнему прилагают все усилия, чтобы беда, постигшая наш род, не стала достоянием общества. Каждый год кто-нибудь из братьев ордена Кары Господней навещает нас, держа весь процесс под контролем и рассказывая о том, как идут поиски спасительного решения. Однако результаты до сих пор неутешительные — они всегда были таковыми. Годы идут, наш род угасает, а спасения все нет. Если раньше наши предки боялись, что рыцари не сдержат слово и решат проблему одним махом, то сейчас я боюсь того, что они просто спокойно ждут, когда проблема исчезнет сама вместе с последним представителем моего рода. Однако с некоторых пор мне кажется, что посланцы ордена все более чем-то обеспокоены…

…Моя бедная супруга! Если бы я хоть чем-то мог помочь ей! Она мечется в горячке и бредит, и я вынужден держать ее под замком, чтобы она в беспамятстве не сказала при посторонних того, чего говорить нельзя…

…Ужасная правда свела в могилу жену моего младшего брата так же, как и мою бедную супругу. Обе женщины не выдержали многолетнего нервного напряжения. Должно быть, сама мысль о том, что кто-то из них может оказаться следующей, действовала на их разум просто разрушительно. В результате обе слегли в сильнейшей нервной горячке. И обоих мы теперь безутешно оплакиваем…

…Моя несчастная дочь! Что может быть ужаснее для отца, чем сознавать грядущую судьбу ее и быть не в силах что-либо изменить? Я молил Бога, чтобы ее минула чаша сия, но чего стоит молитва, если я сам в нее не верю? Наверное, я плохой католик и плохой отец…

…Смерть моей сестры поставила точку в моих мучениях. Свершившееся нужно принять. Бедная Алина, моя дорогая, любимая девочка!..

…Последнее время моя дочь сильно меня беспокоит. Припадки стали случаться все чаще и становиться все агрессивнее. Я уже трижды писал об этом канцлеру де Врие. Не со многими людьми я могу поделиться своими волнениями. Сыновья уехали — хотят, наперекор судьбе, добиться чего-то в жизни. Мой брат как будто отгородился от всего и делает вид, что ничего этого нет, и не было. Как будто он решил, что если выкинуть что-то из своей головы насовсем, оно и впрямь исчезнет. Дети еще слишком юны — даже для того, чтобы поведать им страшную правду…

…Бурвиль стареет. Он сказал, что полностью уверен в своем сыне и сможет его подготовить на свою должность. Благослови

Господь этих людей! Как же нам повезло с верными слугами! Многие поколения этих людей служат нам верой и правдой, невзирая ни на что. Самое меньшее, чего они заслуживают, это звания сквайров за свою преданность. К сожалению, это не в моей власти. Однако я оставил у доверенных лиц распоряжения на случай непредвиденных обстоятельств. Если я не могу вознаградить их благородство титулом, то попытаюсь возместить хотя бы золотом…

…Брат Антоний, так он просил себя называть. Его рекомендовал мне канцлер де Врие как самого лучшего специалиста в этой области. Я весь дрожу при мысли, что этот человек призван устранять такие случаи, а не попустительствовать им. Я видел его молитвенник и гоню из памяти то, что мне довелось увидеть в нем мельком…

…Он уехал. Заверил меня, что он принял необходимые меры и что посоветуется в ордене насчет принятия неких дополнительных мер. Но глаза его выдают — он что-то скрывает. Я ему не верю. Но у меня нет выбора…"

Никаких других документов, упоминавших о какой-либо тайне или связи с орденами тамплиеров или Кары Господней, Шосс не нашел, как ни старался. Не слишком довольный результатами, он покинул кабинет, старательно приведя все в прежний вид, и вернулся к себе в комнату. На поиски у него ушла почти вся ночь. Переодеваясь и укладываясь в постель, чтобы успеть вздремнуть хотя бы часок-полтора, он чувствовал досаду. Да, из прочитанных и несколько сумбурных записок графа явствовало, что существует несомненная связь между его родом и орденом тамплиеров. Связь давняя. Однако не было ни малейшего свидетельства о том, в чем именно она заключается. Хотя чувствуется, что граф сильно нервничает. Не приступы же семейной падучей этому причина? Сказки про вселение в человека бесов — это для черни. Высокопоставленные духовные особы уж точно знают истинную суть вещей. И даже сотня семейных болезней не может быть той опасной тайной, утечки которой так сильно боится брат Антоний. Нет, здесь что-то другое. Что-то, что при всей своей близости пока что остается совершенно неуловимым для него. Проваливаясь в сон, Шосс представил на мгновение лицо Клауса, если он ему шутки ради отпишет, что виконтесса — сам дьявол, вселившийся в человека. Хотя Клаус такой шутки, скорее всего, не оценит: подумает, что он, Шосс, спятил, и, чего доброго, предпримет кое-какие меры…

За завтраком он краем глаза наблюдал за Шарлоттой. Она

выглядела очень нездоровой, с трудом улыбалась, когда ее о чем-то спрашивали, ничего не ела и еле-еле заставила себя выпить немного вина. Встав из-за стола, она нетвердой походкой удалилась исполнять свои обязанности.

Когда Шосс со скребком трудился над очередной лошадью, к нему заглянула Габи. Она взволнованно сообщила, что Шарлотта заболела: у нее поднялась температура, начался сильный озноб и ужасно заболел живот. Сначала горничная графа пыталась выполнять свою работу, но вскоре свалилась без памяти от охватившего ее жара. Ее унесли, положили в своей комнате и послали в деревню за лекарем. Шосса вообще поначалу удивляло, что в замке не живет собственный семейный врач, но потом он списал эту странность на привычку обитателей замка не допускать в него посторонних людей, а найти толкового лекаря в своем окружении было куда сложнее, чем простого слугу. Кроме того, два раза в год к графу приезжал кто-то из ученых мужей — проверить состояние больной и всех обитателей замка — но Шосс подозревал, что под его личиной мог скрываться очередной святой отец в сутане.

Деревенский лекарь осмотрел больную, после чего отворил ей кровь. Шарлотта была в полузабытье, и он с трудом смог влить ей в рот какое-то снадобье. Он объяснил, что больная чем-то отравилась, прописал снижающее жар питье и слабительное, строго наказал соблюдать постельный режим и посоветовал тщательный уход.

Когда доктор ушел, Шосс подошел к Бурвилю и шепнул ему на ухо, что Габи может временно исполнять обязанности Шарлотты, а он, Шарль, разумеется, поможет ей, чем сможет. Им не помешают лишние деньги накануне свадьбы, так что, если Бурвиль не против, они с радостью помогут.

— Да-да, Шарль, конечно, — озабоченно кивнул Бурвиль. — Я сам подумал об этом, но мне было неловко просить вас. Вам сейчас, должно быть, больше всего на свете хочется гулять вдвоем весь день напролет, а не работать. Но раз вы сами предлагаете, я, разумеется, соглашусь. Габи — очень трудолюбивая и прилежная. Я позабочусь о том, чтобы ваши усилия были вознаграждены.

— Я вам признателен. Надеюсь, что Шарлотта быстро поправится. Что сказал доктор?

— Он сказал, что это отравление. Довольно серьезное, но пока он не находит причин опасаться за больную. Он оставил нам лекарства и обещал заглянуть завтра утром.

— Мы будем молиться о ее выздоровлении.

— Я тоже. Вы добрый христианин, Шарль. Габи повезло с вами.

Шосс состроил благочестивую гримасу. Ему лучше всех были известны причины внезапного недуга графской горничной, но, разумеется, распространяться об этом он совершенно не собирался. Побывав у постели больной в компании Габи, пришедшей навестить захворавшую Шарлотту, он удостоверился по ряду симптомов, что достиг желаемого результата — Шарлотта будет прикована к своему одру весьма продолжительное время. У него были некоторые сомнения относительно дозы того снадобья, которое он подлил ей в стакан — жертва была женщиной весьма полной, доза требовалась гораздо больше обычной. Можно было нечаянно переборщить, а ее неожиданная смерть в его планы вовсе не входила. Но, как он убедился, все получилось так, как он и задумывал.

Когда они вышли от больной, Шосс пересказал Габи свою беседу с Бурвилем.

— Милая, надеюсь, я все сделал правильно? Я подумал, что в сложившейся ситуации мы можем помочь, и не без выгоды для себя. У нас скоро свадьба, и хотя я не жалуюсь на отсутствие средств, нам не помешают лишние деньги.

— Ты все правильно устроил, дорогой! — обрадовалась Габи. — Пусть Шарлотта спокойно лежит, я прекрасно справлюсь и со своей, и с ее работой.

— Я очень рад, что не ошибся в своих предположениях, — сказал Шосс, заключая ее в объятия, пользуясь отсутствием посторонних.

— Но теперь тебе придется помогать мне гораздо больше, — с деланной серьезностью сказала Габи, крутя головкой по сторонам, пока Шосс покрывал поцелуями ее плечи и шею.

— Разумеется, милая, ты можешь на меня рассчитывать. В конце концов, таскать белье, посуду и ведра с водой мне совершенно не в тягость.

— Надеюсь, Шарлотта скоро поправится, — искренне сказала Габи, совершенно не думая о том, что болезнь Шарлотты приносит ей известную выгоду.

— Мы будем молиться о ее выздоровлении. Сегодня я схожу в церковь и поставлю свечку за ее здоровье.

— О, милый, ты такой добрый…

Пользуясь значительно возросшей свободой передвижения, Шосс добился изрядных успехов в изучении графских покоев. К радости Габи, он проявил настолько большую аккуратность и ловкость, что вполне мог делать за нее кое-какую работу, пока она трудилась в другом месте, и его фигура, вооруженная шваброй или метелочкой для смахивания пыли, быстро перестала вызывать у кого-либо изумление. Даже граф, проходя мимо, одаривал его

милостивой улыбкой, радуясь, что одной из его служанок очень кстати подвернулся толковый и исполнительный жених. Если некоторые и находили, что мужчина занимается не своим трудом, то это с лихвой искупало то, что свои прямые обязанности Шарль исполнял образцово, а перед свадьбой чего не сделаешь для любимой женщины? Но Шосс успевал сделать гораздо больше, нежели видели окружающие. За весьма короткий срок он обшарил сверху донизу все графские покои, от пола до потолка.

Время шло. Шосс, постоянно угощая Габи изрядной дозой снотворного, еженощно совершал свои вылазки. Шарлотта исправно болела, и лучше ей не становилось — еда почти не усваивалась, она сильно похудела, и доктор всерьез стал за нее опасаться. Габи работала за двоих, получая очень щедрое вознаграждение. Шосс быстро завоевал полнейшее доверие обитателей замка. Казалось, все шло просто наилучшим образом. Если не принимать во внимание тот факт, что за прошедшее время он достиг совершенно нулевого результата. Записки в кабинете графа были не в счет, ибо лишь свидетельствовали о некоей связи Гензенау с орденами Кары Господней и тамплиеров, но какой — оставалось полнейшей загадкой. Шосс все более раздражался. Если бы он собственными глазами не видел писем и записей, и если бы не послание Клауса, можно было бы с полной уверенностью утверждать, что он тратит свое время на самый обычный замок, вся особенность которого состоит в том, что в нем живут болезненные представители старой фамилии, а его обитатели просто не любят общаться с посторонними. Могущественный орден должна была связывать с этим замком какая-то тайна, а он, Шосс, проведя в замке столько времени, ни нашел ни единого свидетельства ее присутствия. Все это напоминало дурацкий розыгрыш. Шосс начинал ощущать себя персонажем одной из славянских сказок, где какой-то дурачок отправился неизвестно куда искать неизвестно что. Он, конечно, нашел немало дорогих украшений, преимущественно в покоях Алины Гензенау, много богато отделанного оружия, всяких дорогих коллекционных вещей и безделушек, но заявился он сюда все-таки не за этим. Конечно, надо будет обязательно прихватить кое-что из этих ценных находок, когда он справится с основной задачей, но вот на этом-то как раз дело и застряло.

Он приступил к изучению обширных замковых подземелий, сознавая, что пока не представляет себе, что делать дальше, если и там его поиски не принесут хоть какого-нибудь результата.

– 7 –

В назначенный день брат Антоний, он же Антонио де Альба, держал в руках бумагу, подписанную всеми магистрами совета.

"Брат Антоний, Совет магистров ордена изучил Ваши рекомендации самым серьезным образом. Принимая во внимание общее положение дел, а также ряд событий, произошедших в Ваше продолжительное отсутствие, мы были вынуждены принять тяжелое, но, как мы надеемся, единственно верное решение. Совет согласился с Вашим предложением, и был подписан приказ, приводящий в действие запасной план, детали которого Вам хорошо известны. В условиях глубочайшей секретности все прямые потомки рыцаря Гензенау будут переправлены в Рим, в наше тайное убежище. Сам камень будет помещен в особую хранилищницу Святого престола, где над ним проведут необходимые обряды, приготовления к которым начались полным ходом. В течение нескольких дней в замок Гензенау за графской семьей прибудут экипажи с усиленной охраной. Это хорошо вооруженные, готовые ко всему люди, которые полностью сознают важность порученной им миссии. Вы должны известить графа о необходимости предстоящей поездки исключительно всем семейством. Скажите графу, что многолетние поиски, возможно, увенчались успехом и спасительное решение дела Наследия "Волчьего глаза" найдено, но требует незамедлительного присутствия всей его семьи в Риме. За сыновьями графа также послали, и в назначенный срок они окажутся вместе с остальными. Вы должны известить об этом графа Гензенау немедленно, так как экипажи уже в пути. Вместе с этой бумагой я пересылаю Вам письмо, которое Вы отдадите ему для подтверждения Ваших слов. По возможности, никто из слуг не должен поехать вместе с семьей. Постарайтесь убедить в этом графа, ибо на наши души и так ляжет достаточно греха, чтобы усугублять его еще больше. Сами Вы должны будете сопровождать графа и его семью в этой поездке до самого Рима. Целиком и полностью полагаюсь на Вас и ни минуты не сомневаюсь в успехе возложенной на Вас этой нелегкой миссии. Благослови Вас Господь, брат мой, и да простит Господь наши грешные души!

Писано собственноручно и заверено подписями Совета магистров ордена Кары Господней. Канцлер, магистр Робер де Врие"

Прочитав это, брат Антоний трижды перекрестился задрожавшей рукой. Он бегло ознакомился с письмом канцлера, пред-

назначенным для вручения лично графу. Потом опустился на колени перед распятием и принялся горячо и беззвучно молиться. Раздавался лишь тихий стук перебираемых четок.

Он молился много часов. Его лицо выражало ужасное душевное страдание и муки совести. Он молил Бога о чуде, молил ниспослать другое решение, умолял простить его грехи и придать ему сил. Наконец он поднялся с колен, сел за стол, пододвинул к себе письменный прибор и бумагу и принялся писать, подолгу задерживая руку над чернильницей перед тем, как обмакнуть в нее перо, словно все еще сомневаясь в чем-то. Дописав, он глубоко задумался, закрыв лицо руками.

— Господи, прости меня, грешного, — пробормотал он. — Я сам уверил совет в необходимости этого решения, и теперь у меня нет сил явиться к графу и принять вид посланца, дарящего больному надежду на исцеление.

Он тяжело вздохнул, сложил вместе свое письмо и письмо канцлера графу, свернул их трубочкой и запечатал своей печаткой.

Рядом с широкой парадной лестницей в замке де Гензенау стоял мраморный столик с позолоченным подносом. На него складывали редкие письма для кого-либо из графской семьи, и Бурвиль самолично разносил их адресатам. После завтрака Шосс, проходя мимо этого столика, бросил на него, как обычно, внимательный взгляд и резко остановился, увидев на одиноко лежавшем письме печать со знакомым узором печатки брата Антония, то бишь герцога Альбы. Он нервно огляделся — поблизости не было ни души. Шосс молниеносно схватил письмо и, не теряя времени, побежал к себе в комнату и заперся там.

Он все это время помнил, что брат Антоний в течение месяца должен был получить какие-то распоряжения из своего ордена, но что в них будет содержаться, можно было только предполагать. Однако Шосс подозревал, что, при неблагоприятном развитии событий, скорее всего, не обладает неограниченным запасом времени, и поэтому потратил столько усилий на проникновение в замок и тщательное обшаривание последнего сверху донизу — увы, все еще безрезультатно. И хотя он понимал, что вести от кого-то из представителей ордена не заставят себя ждать, письмо заставило его занервничать — как то событие, которого ждешь и знаешь, что оно произойдет, но когда оно все же происходит, то чувствуешь, что совершенно не готов к нему. Находясь в возбужденном состоянии, Шосс запалил свечу, нагрел печать и распечатал письмо, адресованное лично графу Бриану де Гензенау. То, что он прочел, привело его в совершенно отвратительное расположение духа.

"Господин граф, спешу сообщить Вам сведения необычайной важности! Появилась надежда на благоприятный исход дела Наследия. Мудрые святые отцы нашего ордена нащупали какое-то решение, которое требует обязательного и незамедлительного присутствия всей Вашей фамилии в Риме. Сейчас в нашей тайной резиденции полным ходом идет соответствующая подготовка. К сожалению, я не могу сообщить Вам эту новость лично — неотложные дела будут удерживать меня некоторое время вдали от Вашего замка. К этому письму приложено для Вас личное послание от нашего канцлера, в котором он излагает суть дела. Прошу Вас незамедлительно готовить Вашу семью к предстоящей поездке. Экипажи за Вами прибудут через несколько дней. Незадолго до этого я присоединюсь к Вам и расскажу все детали. Пока могу лишь сообщить, что надежда на успех весьма высока, но требует Вашего безотлагательного прибытия в Рим всей фамилией. Надеюсь, эта новость весьма Вас обрадует, ибо многие поколения Ваших родственников молились о том, чтобы этот день когда-нибудь настал. И вот, возможно, он действительно скоро настает и слово, данное благородному рыцарю Гензенау, будет выполнено. Благословляю и молюсь за Вас. Брат Антоний"

Шосс злобно чертыхнулся. Он быстро развернул приложенную бумагу за подписью канцлера Робера де Врие. В ней другими словами повторялось все то, о чем писал брат Антоний.
— Проклятье! — сдавленно прошипел Шосс, еле сдерживаясь, чтобы не взреветь от злости в полный голос. — Всего несколько дней! Черт бы побрал всех этих святош вместе взятых — у меня совершенно не остается времени!
Птички собирались улетать из клетки. Улетать с какой-то тайной, которую Шосс, уже столько дней находясь под крышей замка, так и не обнаружил. Он обшарил здесь все, кроме того помещения внизу, до которого просто не успел добраться, ибо последовательно и методично исследовал этажи в порядке очередности. Обшарил — и ничего не нашел. Иными словами, оставались только сам изумруд, на который ему пока не удалось даже взглянуть, и самый глубокий запертый подвал. С изумрудом дело представлялось совершенно простым. Украсть его с шеи виконтессы было пустяковым делом, даже если он при этом будет застигнут с поличным — все равно его пребывание в замке подошло к концу. Украл и удрал. Но оставалось еще последнее, подвальное помещение. Надо было срочно ознакомиться с его внутренним убранством.

Но все же, черт побери! Дьявол и тысяча чертей, что это за проклятая тайна? Не сам же треклятый изумруд, пусть даже очень большой, пусть даже весь опутанный сколь угодно древними легендами! Ведь это полнейшая чушь! Как какой-то камень может оказаться оружием, способным сокрушить такой могущественный орден, как тамплиеры?! Это же явный бред! Разгоряченный рассудок Шосса отказывался что-либо понимать.

Немного успокоившись, Шосс запечатал письмо и вернул его на мраморный столик. Очень вовремя — не успел он покинуть холл, как услышал шаги Бурвиля. Выглянув из-за угла, Шосс увидел, как дворецкий взял письмо и проследовал по лестнице наверх.

Граф находился в своих покоях. Дворецкий вручил ему письмо и удалился. Графу, как и Шоссу, тоже была хорошо знакома печать, скрепляющая письмо. Его сердце учащенно забилось. Он быстро распечатал его и прочел в одно мгновение. Поначалу его лицо озарилось великой радостью. В глубоком волнении он вскочил с места и хотел было бежать, сам толком не понимая, куда — к брату, к тетке, к жене брата… Сыновья давно были в отъезде, к ним бы он побежал в первую очередь. К ним и к дочери. Но первый порыв безудержной радости и вновь обретенной надежды, который сперва охватил все его существо, постепенно стал угасать. Его сменило волнение — волнение, перерастающее в сильное беспокойство. Тон письма настораживал. Многие годы все было безрезультатно, и вдруг так быстро, так скоро… Безотлагательное присутствие в Риме всей фамилией… Конечно, в таком деле будешь цепляться за любую возможность, но все же… Почему брат Антоний сам не явился с этой обнадеживающей вестью? По его лицу граф сразу бы все понял — светится ли оно искренней радостью или же скрывает в себе некую тайну. Он пишет, что неотложные дела удерживают его, и лишь перед самым отъездом, как прибудут экипажи, он присоединится к ним. Может быть, именно потому он и не стоит сейчас здесь, перед графом — боится, что на его лице можно легко прочесть то, что означает это письмо и эта спешка…

Граф Бриан налил себе полный стакан вина рубинового цвета, одним махом выпил его, уселся в глубокое кресло, опустил голову на руки и глубоко задумался. Целый час он сидел недвижно, словно изваяние. Потом встал и потянул шелковый шнур, висевший у двери. Вскоре явился дворецкий.

— Бурвиль, скажите всем членам семьи, что сегодня на обеде их присутствие обязательно. Я собираюсь сообщить всем нечто осо-

бой важности, — негромко, но твердо сказал граф, ничем не выдавая разрывающих его на части сомнений.
Дворецкий почтительно кивнул и отправился выполнять поручение.

Графская столовая сияла богатством золотых приборов и подсвечников. Стены украшали картины известных мастеров, обрамленные витиеватыми позолоченными рамами. Пышные хрустальные люстры сверкали мириадами искр в лучах света. Белоснежная шелковая скатерть покрывала широкий длинный стол, за которым на тяжелых дубовых стульях с вогнутыми спинками размещалось немногочисленное семейство. Несколько человек в этом большом, богато убранном обеденном зале, рассчитанном на многолюдное общество и проведение шумных празднеств, терялись среди окружающего их великолепия, еще более подчеркивая канувшее в Лету былое величие. Здесь собрались все взрослые представители фамилии, находившиеся под крышей замка: граф Бриан, его младший брат, сын брата с женой и тетка графа. И, конечно же, дочь графа, Алина, еще более бледная, чем обычно — должно быть, из-за волнения, охватившего ее, когда она узнала, что отец собирается сообщить всем нечто важное. Слуги внесли дымящиеся, ароматно пахнущие блюда на тонких золотых подносах с причудливыми узорами и удалились. Остался один Бурвиль. Он не торопясь обходил членов графской фамилии, наливая в бокалы вино из большого графина тонкостенного хрусталя. Уже много лет он самолично прислуживал благородному семейству за трапезой. Закончив свой обход, он недвижно встал неподалеку от графа Бриана, внимательно поглядывая на собравшихся, чтобы не пропустить момент, когда снова понадобятся его услуги.

Хотя молитва уже была прочтена, никто не приступал к еде. Все напряженно ждали сообщения главы семейства. Но он все еще хранил молчание.
— Что ты хотел сказать нам, отец? — наконец, робко спросила Алина, сидевшая к нему ближе всех.
Граф посмотрел на нее, и лицо его озарила слабая улыбка.
— Да-да, дочь моя, сейчас, — сказал он с бесконечной любовью и плохо скрываемой грустью.
Бриан де Гензенау словно собирался с силами.
— Сегодня я получил важное письмо, — наконец, заговорил он. — В нем сообщается неожиданное, но более чем долгожданное известие. Хочу сразу заметить, что никакой гарантии и вообще уверенности в благоприятном исходе дела нет, и это особенно подчеркивается в послании, но, тем не менее, впервые за все время у

нас появился шанс.
Присутствующие замерли, словно древние языческие истуканы, ловя каждое его слово. Их лица выражали безмерное нервное напряжение. Все сразу поняли, куда клонит граф Бриан.
— Высокопоставленный брат хорошо известного всем вам ордена сообщил нам, что ученые святые отцы наконец-то нашли возможное решение тяготеющей над нашим родом беды, — продолжал граф. — Нам сообщают, что в ближайшие несколько дней прибудут экипажи, в которых все мы должны незамедлительно отправиться в Рим, в тайную цитадель благородного ордена. Особо отмечено, что найденное возможное решение весьма ограничено по времени, поэтому любое промедление было бы крайне нежелательно. В связи с этим я решил принять это столь неожиданное и, возможно, довольно настойчивое приглашение, ибо в нашем положении мы просто не можем упускать ни единого шанса, в какой бы форме он ни предоставлялся. Предлагаю всем вам сразу после обеда начать необходимые приготовления, ибо экипажи прибудут не позднее, чем закончится эта неделя.
Воцарилось глубокое молчание. Немногочисленные члены семьи переглядывались, словно не веря своим ушам. В их глазах одновременно светились недоумение, испуг и надежда. Даже Бурвиль потерял свою обычную невозмутимость и полез в карман за платком, намереваясь отереть выступивший на лысине пот. Алина побледнела, ее казавшееся восковым лицо отразило сильнейшую душевную муку. Грудь бешено вздымалась, и под платьем неожиданно стали проступать очертания ненавидимого ею изумруда.

Молчание прервалось. Все повскакивали с мест и заговорили одновременно; несколько человек в одно мгновение ока подняли такой гомон, словно здесь собралось, по меньшей мере, с десяток оживленных спорщиков. Граф поднял руки, призывая семью к спокойствию. Присутствующие немного опомнились. Брат графа, повернувшись к главе семьи, открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но тут произошло непредвиденное. Алина издала громкий протяжный звук, словно ножом резанувший слух собравшихся в этом зале. Ее голова резко запрокинулась назад, лицо стало быстро синеть, глаза налились красными жилками и начали закатываться. Руки судорожно загребли скатерть и виконтесса стала падать на пол, увлекая за собой приборы. Окружающие разразились громкими взволнованными криками и, натыкаясь друг на друга, бросились к ней. У Алины де Гензенау начался жестокий приступ.

Шосс, самым наглым образом подслушивавший под дверями, понял, что происходит что-то неладное. Он едва успел отшат-

нуться и принять вид человека, спешащего мимо по своим делам, когда за дверью застучали шаги, створки с грохотом распахнулись, и на пороге возник Бурвиль. Маленький человечек тяжело дышал, его лицо раскраснелось, а с лысины градом тек пот. Он бросился к лестнице, но, увидев проходящего мимо Шосса, рванулся к нему и отчаянно вцепился в его камзол.

— Шарль, прошу вас, помогите! — крикнул он.

— Что случилось? — с совершенно искренним беспокойством спросил Шосс.

— У виконтессы приступ! Бегите в столовую, там вам скажут, что делать, — Бурвиль настойчиво потянул Шосса к дверям. — А я за снадобьем!

Увидев, что Шарль-Шосс двинулся в указанном направлении, дворецкий стремглав побежал дальше. Шосс влетел в графскую столовую.

Алина в сильнейших судорогах билась на полу. Брат графа и женщины пытались удерживать ее, пляшущие в дьявольском танце руки и ноги, а граф, подложив под голову дочери сорванный с себя бархатный камзол, силился разжать ей рот, чтобы всунуть между стиснутыми до хруста зубами часть сломанной о колено деревянной теткиной трости. Услышав шаги, он обернулся и увидел приближающегося Шосса.

— Шарль, помогите! — крикнул он.

— Что мне делать? — спросил Шосс, втискиваясь в общую свалку и опускаясь на колени возле головы Алины.

— Я разожму ей зубы, а вы вставьте туда эту деревяшку.

Лицо молодой женщины было ужасным. Оно посинело, глаза закатились и бешено вращались под складками век. Изо рта пошла пена, голова рывками дергалась вверх-вниз. Если бы не вовремя подсунутый графом камзол, она, вполне возможно, раскроила бы себе череп. Шосс схватил кусок трости. Граф нечеловеческим усилием разомкнул белоснежные и острые зубы дочери, и Шосс ловко вставил ей в рот деревяшку. Граф ослабил хватку, и зубы Алины немедленно погрузились в отполированное черное дерево.

— Теперь держите ей ноги! — крикнул граф. — Помогите моему брату, а я буду следить, чтобы она не задохнулась.

Это было весьма кстати. Едва Шосс придвинулся к не отличавшемуся излишним весом Раулю, брату графа, отчаянно старавшемуся удержать ноги Алины, как та вдруг испустила низкий, рокочущий рев, от которого кровь стыла в жилах. Ее ноги резко согнулись в коленях, затем распрямились с мощью спущенной арбалетной пружины. Рауль де Гензенау отлетел в сторону, как тряпичная

кукла. Правая нога Алины ударила в один из стульев, и тяжелый дубовый стул разлетелся в щепки, словно яичная скорлупа. При виде этого Шосс совершенно опешил, однако быстро взял себя в руки и что есть силы навалился на бьющиеся в судороге, налившиеся какой-то неестественной озверелой силой ноги Алины. Достаточно быстро он понял, что его железной хватки явно недостаточно для того, чтобы удержать, казалось бы, тонкие ножки хрупкой и болезненной девушки. Если бы не подоспевший вовремя брат графа, Шосс рисковал отправиться вслед за ним. Вдвоем они кое-как сдерживали неукротимое бешенство неожиданно вырвавшейся на волю болезни. Сын Рауля де Гензенау со своей женой и теткой графа из последних сил удерживали руки и плечи Алины.

— Держите, это скоро кончится! — умоляюще крикнул граф.

Но припадок и не думал заканчиваться. Алина впала в настоящее буйство. Заливая платье пеной и кровью из прокушенного языка, она испускала глухое рычание, перемежая его яростными воплями, в которых сквозило неукротимое бешенство и какая-то поистине звериная злоба. Силы держащих ее людей были на исходе. Рядом возник Бурвиль. Он склонился над головой Алины и влил ей в рот какую-то красноватую жидкость из маленькой стеклянной бутылочки. Жидкость потекла по вгрызающимся в обломок трости зубам Алины и заструилась по распухшему языку прямо в глотку. Через небольшой промежуток времени, показавшийся вечностью, бешеные судороги Алины стали ослабевать. Еще через несколько минут ее тело начало расслабляться и вскоре окончательно успокоилось. Лишь легкие подрагивания конечностей продолжали беспокоить это хрупкое и казавшееся теперь почти безжизненным тело молодой женщины.

— Рауль, бегом в мою комнату за ключом! — скомандовал граф. — Арман, Жанна, приготовьте все необходимое. Тетушка, вы знаете, что делать…

Брат графа со всех ног бросился вон. Следом устремились все остальные члены семьи. Остались сам граф, дворецкий и Шосс.

— Шарль, я вижу, вы самый сильный среди нас. Подержите моей дочери голову и плечи, а я оботру ее, — сказал граф Шоссу.

Шосс вопросительно посмотрел на него.

— На всякий случай, — добавил граф.

Бурвиль выпрямился и перевел дух. Его лицо горестно сморщилось и разом стало старше на добрый десяток лет. Пока Шосс аккуратно придерживал голову и плечи Алины, граф смочил свой шелковый платок водой и принялся стирать с лица и платья дочери пу-

зырящуюся, алую от крови пену. Лицо виконтессы на глазах теряло пугающую синеву, и к нему возвращалась обычная бледность. Шосс смотрел, как руки графа нежно и заботливо скользят по щекам дочери, как вдруг что-то выскользнуло из выреза платья Алины, где от слабого, прерывистого дыхания еле заметно вздымалась грудь. Он перевел взгляд, и у него захватило дух.

В дюйме от его руки, в тонкой золотой оправе, сверкал каким-то поистине таинственным светом огромный, великолепно ограненный изумруд. Шосс в жизни не видывал подобного камня. Изумруд приковывал к себе взгляд, заставляя забыть обо всем окружающем. Он манил и звал к себе, очаровывая своим великолепием. Он загадочно сиял своими глубинами, он подавлял волю, он словно пел песню богатству и могуществу. Шосс понял, что перед ним вещь огромной ценности. Его глаза восторженно впились в камень, взгляд скользил по его блестящей поверхности, ласкал его грани, пил волшебный зеленоватый свет. Пил с жадностью изможденного жаркой пустыней путника, который, исстрадавшись, наконец-то припал к живительным водам оазиса. Пил, и не мог напиться…

От дыхания виконтессы камень чуть шевельнулся и коснулся пальцев Шосса. Его как будто обожгло. Но не так, как обжигает жаркое пламя или студеный от холода металл, а как длинные волосы искусной любовницы божественным огнем опаляют грудь в бешеной пляске плотских наслаждений, скользя по телу любовника своим сладострастным вихрем. А потом нахлынули образы. Величественные, устремившиеся в глубокое голубое небо пирамиды… Какой-то древний старик среди старых, тронутых временем камней неизвестной комнаты, стены которой были испещрены загадочными иероглифами… Огромный, сверкающий богатством дворец, уходящий ввысь многочисленными, украшенными мозаикой, золотом и полумесяцами куполами… Длинные вереницы повозок и людей, лязгающих доспехами и понуро несущих тяжелые пики под палящим солнцем; закованные в броню, с большими красными крестами на щитах и плащах величественные всадники на не менее бронированных лошадях… Крики, лязг оружия, предсмертные хрипы и потоки крови, быстро впитывающейся в жадный сухой песок… Знойная пустыня со стелющейся по верхушкам барханов легкой поземкой… Пальмы, лошади и озерцо, красное от крови, переполненное плавающими телами, и яростно ревущий, весь залитый кровью человек в тяжелой кольчуге, пронзенный навылет арбалетной стрелой… А затем — протяжный, рвущий душу нечеловеческий вой и кромешная тьма.

— Шарль, вы в порядке? — Шосс почувствовал, как кто-то трясет его за плечо. Он несколько раз моргнул и сильно потряс головой. Видения ушли так же мгновенно, как и появились. Граф Бриан с беспокойством смотрел ему в лицо.
— Да, а что? — спросил он.
— Вы немного побледнели, — сказал граф. — И так долго смотрите в одну точку.
— Нет-нет, все нормально, — ответил Шосс, проводя по лицу ладонями так, словно стирая влагу. — Я просто немного разволновался.
— Я знаю, зрелище не из приятных, — неловко сказал граф.
Он немного помолчал и добавил:
— Надеюсь, теперь вы понимаете, почему мы избегаем присутствия в замке посторонних людей?
Шосс кивнул. Он смотрел, как вернувшиеся Рауль, его жена и сын поднимают и уносят Алину. Впереди них семенил Бурвиль. Обессиленная тетка графа присела на один из стульев. Вокруг царил полнейший беспорядок — разбросанные приборы, кубки, растоптанная снедь и фрукты, вдребезги разбитые фарфоровые чашки и кувшины, полусдернутая, вся в винных пятнах скатерть. Вино из разбившихся бутылок образовало на полу кроваво-красные лужи.
— Вы мне кажетесь человеком не впечатлительным… — начал граф.
— Господин, я видал такое и раньше, и, смею вас заверить, отношусь к таким вещам без каких-либо предубеждений, — ответил Шосс, упредив то, что хотел сказать граф Бриан. — Можете на меня положиться. Я всем сердцем желал бы поселиться под этой крышей, и меньше всего на свете мне хочется болтать всякие глупости, подобно базарной торговке. Я ваш верный слуга, милорд, вы можете целиком и полностью рассчитывать на меня.
— Благодарю вас, Шарль, — печально улыбнулся граф.

В столовую вошли слуги и принялись убирать царивший в ней беспорядок.
— Шарль, скажите Габи, что сегодня мне не понадобятся ее услуги. Я… Я буду занят.
Шосс понял, что граф его отсылает. Он поклонился и вышел прочь.

До самого ужина возбужденный разум Шосса преследовало видение великолепного, манящего камня и воспоминания о невесть откуда взявшихся непонятных образах, как будто он грезил наяву. Лошади чувствовали его возбуждение и настороженно фыркали, кося глазами. Шосс находил, что камень поистине восхитителен. Он будоражил воображение и заставлял желать себя.

Его стоимость, должно быть, действительно была просто фантастической. А вот то, что ему померещилось… До сих пор с ним редко случалось что-нибудь подобное. Разве что когда он слишком усердно напивался или же ядовитые испарения южных болот играли злые шутки с воспаленным сознанием. Но чтобы так, в здравом уме?

Как человек с холодным разумом и трезвой логикой Шосс рассудил, что поистине жуткий припадок несчастной Алины де Гензенау произвел впечатление даже на него, а увиденный вслед за этим бесподобный изумруд, вполне оправданно носящий собственное имя, окончательно поразил его воображение, и оно сыграло с ним злую шутку. Во всех местах, что так неожиданно и странно ему привиделись, он когда-то бывал. И повидал на своем веку немало людей. Правда, он никак не мог припомнить, где же ему доводилось видеть вереницу вооруженных воинов и скачущих по пустыне величественных рыцарей с красными крестами. Восточные мудрецы говорили, что человеческое сознание таит в себе немало загадок и что иногда оно преподносит людям сюрпризы, позволяя видеть то, чего на самом деле нет, или то, что человек когда-то давным-давно видел, но забыл. Шосс вполне допускал это, но ему совершенно не понравилось, что его собственное сознание сыграло с ним такую шутку.

— Должно быть, я окончательно истрепал себе нервы с этими проклятыми поисками, — раздраженно пробормотал он себе под нос. — А после такого зрелища, как припадок у этой и вправду несчастной виконтессы, от шока увидишь не только пирамиды, но и пророка Авраама и сады Семирамиды!

Немного успокоившись от собственных рассуждений, Шосс расслабился и вернулся к куда более насущному делу — своим планам.

За ужином он улучил момент деликатно спросить Бурвиля о самочувствии дочери графа.

— Все в порядке, — с некоторым напряжением в голосе сказал дворецкий. — Приступ миновал, и теперь ее состояние довольно стабильное.

— А он может повториться?

— Может. Вот именно поэтому больных и привыкли помещать в особый покой в глубине замка. Там за ними ухаживают до тех пор, пока их состояние не вернется в норму. Как вы уже заметили, это нелицеприятное зрелище, и выставлять его напоказ совершенно ни к чему. Кстати, Шарль, я как раз хотел вам сказать…

И слегка смущенный Бурвиль принялся выспрашивать у Шосса,

что он думает по поводу случившегося. Тот в самых искренних выражениях заверил дворецкого, что он свой человек, что его будущее неразрывно связано с этим замком (и с Габи), и что на него можно смело положиться в любом вопросе. Шосс обладал поистине дьявольским умением убалтывать собеседника, вызывая у него расположение и доверие. Дворецкий заметно успокоился и остался совершенно удовлетворен разговором.

— С виконтессой все будет в порядке, — еще раз заверил он Шосса. — А вот здоровье Шарлотты меня очень пугает.

Та и вправду стала совсем плоха. Она отчаянно исхудала, совсем ничего не ела и не вставала с постели. Значительную часть суток ее терзали боли в животе, и лишь изредка она забывалась беспокойным сном, когда выпивала приготовленный лекарем отвар, на время усмирявший страдания. Доктор лишь разводил руками и говорил, что теперь все зависит от здоровья тела больной — сможет ли оно перебороть попавшую в ее организм неизвестную отраву или нет. Все, что пока удавалось влить в Шарлотту, это лекарства и немного бульона.

Но такие мелочи Шосса не волновали. Куда больше его беспокоило здоровье виконтессы. И вовсе не потому, что он страдал от избытка человеколюбия, а потому, что теперь она, вместе с драгоценным камнем, пребывала в той части глубокого подземелья, которое Шосс окрестил Убежищем, и где он еще не был. Теперь, скорее всего, там еще будут постоянно суетиться заботливые родственники. И вся эта веселая компания крайне некстати болтается вокруг двух его целей, а дней у него осталось — раз-два, и обчелся! Судя же по тону письма от герцога Мединых, прибывшие за графской семьей явно не будут считаться с такими пустяками, как больная виконтесса, тем более что они, скорее всего, повидали и не такое. И все семейство вместе с камушком и своими тайнами отправится в какую-то неизвестную Шоссу цитадель для ОКОНЧАТЕЛЬНОГО решения проблемы некоего Наследия. И, скорее всего, пока он, Шосс, будет изыскивать возможность проникнуть в означенную цитадель, искать уже будет нечего. А значит, у него остается от силы три ночи, чтобы проникнуть в неизведанное Убежище, перерыть его сверху донизу и, если и там его постигнет неудача в поисках разгадки этого проклятущего Наследия, хотя бы завладеть изумрудом.

Наследие "Волчьего глаза"... Дураку понятно, что есть какая-то связь с камнем. Но какая? Неужели кто-то из предков графа перерезал глотку какой-нибудь высокопоставленной шишке, чтобы завладеть этим изумрудом? Говорят, что камень вроде как

привез с собой их предок, рыцарь Гензенау. Привез вроде бы из крестового похода, но там чем больше христианин перебьет неверных, от простолюдина до шаха или эмира, тем больше ему почета. Разумеется, это было полной ерундой. Шосс уже давно строил предположения, одно фантастичнее другого. С камнем было что-то связано, но, как он ни ломал голову и ни терял время в бесплодных поисках, он ни на шаг не сумел приблизиться к разгадке. Но камень! Как он хорош!.. Перед внутренним взором Шосса соблазнительно рисовались его блестящие грани и загадочно мерцающая зеленая бездна самого сердца изумруда. Он даже начал подумывать о том, что, завладев камнем, может быть, даже оставит его себе. В конце концов, он и так сильно разбогатеет на своем последнем деле с Хорьковыми камушками, а Клаусу можно и соврать что-нибудь правдоподобное…

Усилием Шосс изгнал из мыслей образ камня и снова принялся обдумывать положение вещей. Как ни крути, а вариантов действий оставалось до отвращения немного. Время и обстоятельства ставили перед Шоссом непреодолимые барьеры, и он мимолетно даже сравнил свое положение с охотой на дикого зверя, который покорно бежит между натянутыми людьми веревками с флажками к заранее заготовленному выходу, где его поджидает охотник. Вот только получалось, что дикий зверь — это он, Шосс. А охотник — сама судьба.

– 8 –

Едва наступила ночь, и обитатели замка улеглись спать, Шосс уже тихо крался по винтовой каменной лестнице в сторону Убежища. Было темно и тихо, как в могиле. Широкие каменные ступени змеились вниз, в зияющую черноту. Свет потайного фонарика отбрасывал от закутанной в серую накидку фигуры Шосса пляшущие причудливые тени. Он был надлежащим образом экипирован. Успев побывать в своем тайнике, он забрал все необходимое, подготовившись к тому, что теперь в любой момент может навсегда покинуть замок. Сейчас он шел к двум последним своим целям, так неожиданно оказавшимся в одном месте, что несло в себе один плюс, но множество минусов. Разум был холоден и сосредоточен. Сердце билось ровно и спокойно. Шосс был готов ко всему.

Лестница, ведущая вниз, становилась все более узкой и, наконец, уперлась в массивную железную дверь. Шосс прильнул к ней ухом и долго, напряженно вслушивался. С десяток минут он старался уловить даже еле слышные звуки, но повсюду стояла гро-

бовая тишина. Наконец, он поставил потайной фонарь на ступеньку лестницы, отвернув фитиль побольше, отчего дверь озарилась трепетным и тусклым, но вполне достаточным светом, и принялся изучать ее.

Это была единственная железная дверь, встретившаяся ему во всем замке. Ему встречались дубовые, окованные железом и стянутые металлическими полосами двери; тонкие ореховые, с узорными витражами; двустворчатые, с большими металлическими кольцами на каждой створке; простые сосновые, с изрядными прорехами промеж неплотно пригнанных досок. Были двери с окошками и без, скрипучие и смазанные, тяжелые и легкие. Способные выдержать натиск тарана и готовые рассыпаться от одного удара булавы. Но только эта была железной. Однако ничего необычного Шосс в этом не видел. За этой дверью должна была располагаться родовая сокровищница и Убежище, и это вполне объясняло то, что перед ним оказалась впечатляющая своей мощью железная створка, поверхность которой была испещрена загадочным выпуклым рисунком. На самом деле это было невероятно практично: если потенциальный враг добрался бы до этой двери, сделать с ней что-либо не представлялось возможным. Достаточно массивный таран просто не поместился бы на узкой винтовой лестнице, а любыми другими средствами высадить эту дверь в сколько-нибудь приемлемый срок никому было не под силу. Шосс принялся шарить по двери пальцами и рыскать глазами, ища замок. И чем дольше он искал, тем больше приходил в недоумение — замка не было! Недоумение сменилось раздражением. Он, перевидавший дверей и замков больше, чем все мастеровые какого-нибудь крупного города, вместе взятые, не может найти замок на этом чертовом куске железа! Шосс еще раз самым тщательным образом изучил поверхность двери, попутно гадая, что же на ней изображено. Его ловкие пальцы чутко скользили по выпуклостям и плоскостям двери, будто по нежному и трепетному телу любимой женщины, а глаза цепко искали любую мелочь. Наконец, в самом центре двери он приметил некий механизм. Быстро разгадав его принцип, он потянул в разные стороны два элемента выступающих вычурных завитушек, и с негромким щелчком распахнулись железные пластины, обнажив замысловатую замочную скважину необычной формы. Внимательно изучив то, что открылось его взору, Шосс пришел к выводу, что это замок не под обычный ключ, а под некое отпирающее устройство, чем-то похожее на узорчатую печать, с выступающей, сродни лезвию стилета, но всего дюйма на четыре центральной частью, которая должна уходить вглубь

двери. Увиденное мгновенно вызвало перед его глазами образ некоей странной штуки, которую он видел в личных покоях графа и над назначением которой он изрядно поломал голову. Судя по всему, это и был ключ для этой необычной двери. Шосс убедился, что имеющимися у него средствами он не сможет отомкнуть этот замок. Разумеется, в идеале это было бы ему под силу, но требовались другие инструменты, которых прямо сейчас у него не было, да и в относительной досягаемости их тоже не имелось. Значит, предстояло побывать в графских покоях и позаимствовать эту штуковину, попутно прося фортуну о том, чтобы граф, в силу сегодняшних событий, не задевал ее невесть куда.

Вскоре он уже проскользнул внутрь личных покоев графа Бриана де Гензенау. Они состояли из небольшого помещения вроде приемной, длинной гостиной и соседствующей с ней просторной спальни. В покоях было темно и тихо. Шосс тихо крался по пышным коврам, видя перед собой слабо колыхавшуюся от легкого сквозняка портьеру на входе в спальню. В приоткрытую дверь проникал слабый свет. Шосс неслышно приотворил ее и оказался на пороге спальни. Между входной дверью у одной стены и темными окнами у другой, ровно посередине, помещалась огромная кровать, торцом упиравшаяся в увешанную гобеленами стену. Неподалеку от кровати, освещенный колеблющимся огоньком всего лишь одной из пяти свечей тяжелого позолоченного подсвечника, за маленьким письменным столом вполоборота к Шоссу неподвижно сидел граф. Его лицо напоминало каменное изваяние, а глаза уставились в одну точку. Именно на этом столе Шоссу и доводилось видеть искомый ключ. Шосс извлек из-под накидки дубинку, и на всякий случай нащупал точеную рукоятку кинжала.

Однако, едва он сделал шаг вперед, как почувствовал, что его левая рука едва не зацепила какой-то предмет. Он глянул вниз и, к своему глубочайшему удивлению, обнаружил, что на маленьком столике возле двери в спальню, служившем чем-то вроде временного пристанища для подносов с завтраками, покоится то, за чем он пришел сюда, ради чего был готов убить или даже пытать самого графа в случае явного отсутствия искомого. На столике, с самого краю, преспокойно лежал тот самый замысловатый, похожий на печать ключ, с выступающей примерно на четыре дюйма центральной частью. Можно было предположить, что Рауль, убежавший по велению старшего брата за этим самым ключом и явно знавший, где он находится, позже вернул его обратно, в спальню графа, но от волнения положил на первое попавшееся под руку место. Или же сам граф, пребывавший, как оно и понятно, в

состоянии некоторого душевного расстройства, бросил ключ на этот столик. В любом случае, Шосса не особо волновало то, как он там оказался. Мысленно усмехнувшись, он поздравил графа с его ангелом-хранителем и тихо удалился. Вскоре он снова был под дверями самого глубокого подземелья.

Шосс торопливо вставил замысловатый ключ в отверстие замка и окончательно убедился, что это именно то, что нужно. Он повернул ключ вокруг своей оси. Внутри двери что-то тихо заскрежетало и лязгнуло. Шосс принялся тянуть ручку двери, но она и не думала поддаваться. Это еще что за новости? Он снова проделал манипуляции с ключом и снова потянул дверь. Никакого эффекта! На лбу у него выступил пот. Шосс грязно выругался. Закатав рукава, он принялся возиться с проклятущим ключом, время от времени осыпая железную дверь потоком вычурной брани. Должно быть, он провозился с замком не менее получаса, но все было тщетно. В полнейшем недоумении, граничащим с откровенной злобой, он уселся на ступеньку и уставился на дверь. Неожиданно у него в голове мелькнуло одно невероятное подозрение. Он вскочил, схватил фонарь и принялся изучать узкую щель между дверной створкой и рамой. Зазор был совсем узкий, но его острые глаза увидели в нем достаточно. Большие железные штыри выходили из недр двери и исчезали в глубине рамы. Охваченный сомнением, он быстро повернул ключ в исходное положение и глянул снова. Штырей НЕ БЫЛО! Тяжелая железная дверь должна была быть открытой. Более того, изначально, когда он только подошел к ней, еще не имея ни малейшего представления о ключе, она была открыта. Снаружи. Но тем не менее не открывалась, и по очень простой причине. Дверь была заперта изнутри!

Шосса охватило чувство потери контроля над ситуацией. На мгновение он почти потерял голову; мысли вихрем вращались в его мозгу, одна безумнее другой. Однако Шосс быстро взял себя в руки. Пасовать перед какой-то запертой дверью, по меньшей мере, презренно. Для начала надо выяснить, кто находится там внутри, разумеется, помимо Алины. Он успокоился, вытащил ключ из двери, прикрыл свой потайной фонарь и пошел к выходу из подземелья. Предстояло совершить полный обход замка, проверив местонахождение слуг и господ. Поскольку Шосс уже знал, что называется, назубок весь замок и его обитателей, задача вырисовывалась очень простой. Перед уходом он намотал волосок на одну из дверных завитушек, прицепив один конец к раме. Это позволит ему узнать, открывалась дверь в его отсутствие или нет.

Начал он с членов графской семьи и довольно быстро убедил-

ся, что все они на месте. Кто-то спал, кто-то в волнении мучался бессонницей, кто-то читал при свете зажженных свечей, но при всем различии их ночного времяпрепровождения факт был налицо — все они находились на своих обычных для этого времени местах. Это было, по меньшей мере, странно. В первую очередь он ожидал установить отсутствие кого-то из графской семьи. Его беспокойство, подавленное было холодной волей и многолетней привычкой всегда добиваться своей цели, вновь вынырнуло из недр подсознания, где обычно прячутся первобытные страхи и инстинкты, прикрытые тонким налетом цивилизации, и принялось стучать прямо в мозг противной истерической ноткой. Шосс продолжил свой ночной обход. Он потратил на это довольно много времени — ведь не будешь же с грохотом распахивать запертые двери только для того, чтобы невинным голосом спросить посреди ночи у перепуганных людей, не нужно ли им чего. Обойдя кухню и крыло слуг, выйдя во двор и проверив кузницу и караульное помещение, Шосс пришел к единственному и обескураживающему выводу — Алина де Гензенау была в Убежище одна. Странный, более чем странный, но очевидный факт. По логике вещей, кто-то просто обязан был наблюдать за больной, которая только сегодня перенесла жесточайший приступ. К тому же никто не отрицал, что приступ может повториться, для чего, в том числе, больных и помещали в Убежище. И она там одна, предоставленная самой себе! Шосс никак не мог этого понять. Единственное, что приходило ему в голову — это то, что, найдя состояние больной вполне стабильным, ее оставили спокойно спать, чтобы прийти проведать бедняжку утром. Так делают приходящие сиделки. Допустим. Но почему дверь заперта изнутри? Зачем Алине делать это? Это было выше его понимания. Он искал какой-нибудь разумный ответ на свои вопросы и не находил его.

В любом случае, пора было отправляться к себе. Судя по всему, ему придется задержаться в замке. Сейчас он все равно ничего не мог бы сделать. Разве что, взяв что-нибудь потяжелее, начать колотить в железную дверь, оглашая лестницу воплями "пожар!" и "караул!" и заклиная Алину отпереть ему. Вариант, достойный умственно отсталого пополам с буйнопомешанным.

Не забыв вернуть бесполезный ключ в графские покои, что не составило особого труда, Шосс вернулся в свою комнату, переоделся и понадежнее припрятал свою экипировку. Какое-то время даже Габи с ее ретивостью не сможет обнаружить спрятанное. А у него все равно оставалась только пара-тройка дней. Он растянулся на кровати, скрестив за головой руки и уставясь в темный по-

толок. Легкий ветерок из раскрытого настежь оконца овевал его раскрасневшееся, разгоряченное лицо. Шосс ненавидел, когда обстоятельства непреодолимой силы мешали ему осуществить задуманное. Особенно тогда, когда времени было в обрез, а он планировал закончить дело раз и навсегда. И ничуть не меньше он терпеть не мог положение, когда был не в состоянии здраво объяснить какой-то факт или событие. Мысли лихорадочно скакали в разгоряченном мозгу. Он закрывал глаза, но продолжал видеть перед собой подземелье, черную железную дверь, выглядевшую довольно зловеще в неверном свете потайного фонаря, посиневшее лицо Алины, прекрасный и манящий изумруд... Он открывал глаза, но образы не уходили. Они вертелись, как карусель, сменяя друг друга, отдаляясь и вновь возвращаясь, неотступно преследуя его.

Шосс залпом выпил стакан вина из бутылки в шкафчике возле кровати и отчаянно заворочался. Его утомленный разум судорожно прокручивал тупиковую ситуацию нынешней ночи и бессильно пасовал перед монолитной стеной полнейшего непонимания. Ситуация была странная. Иной человек сбросил бы ее со счетов и не ломал голову. Но Шосс терпеть не мог, когда в его работе появлялись необъяснимые вещи. Он старался всегда разложить все по полочкам, идеально играя главную роль в поставленной им пьесе. Это всегда позволяло достигать цели, не боясь, что пропущенные по небрежности детали неожиданной преградой выскочат как из-под земли, сорвав тщательно спланированное мероприятие. Конечно, всегда бывают неожиданности и все невозможно предвидеть. Но уж слишком много неприятных моментов случилось за последние сутки. Шосс отметил, что ему изменили его обычное хладнокровие и сдержанность, и это обстоятельство тоже действовало на него отнюдь не успокаивающе.

В комнате потянуло холодом — как бывает, когда в летний зной спустишься в глубокий погреб за кувшином ледяного молока и весь покроешься гусиной кожей, окунувшись в колючий и затхлый холодный воздух. Ни единого дуновения ветерка теплой ночи более не влетало в открытое окно жилища Шосса. Вдруг повеяло запахом плесени. Едва различимый сначала, он все усиливался по мере того, как из комнаты уходило тепло. Наконец, запах отчетливо заполонил все пространство, и к нему стал примешиваться другой — отчетливо потянуло тленом, словно комната внезапно превратилась в склеп. Могильный холод окутал тело Шосса, выгрызая тепло до самых костей, но он лежал как сомнамбула, не имея сил пошевелиться, и только в каком-то полузабытье видел окружаю-

щее из-под прикрытых век. Бесформенными пятнами чернела мебель, узкие полоски бледного серебристого света чуть неполной луны накладывали свой неподвижный отпечаток на пол комнаты от окна почти до самой двери. В узкой щели под входной дверью клубилось что-то молочно-белое. В комнату стала вползать призрачная, словно дымящаяся поземка. Она втекала внутрь, плотная и непроглядная, словно туман глубокого оврага, будто бы чья-то всесильная рука вливала, словно из сосуда, содержимое земной расселины прямо внутрь жилища. Скоро клубящаяся молочная пелена покрыла весь пол комнаты, плескаясь многочисленными маленькими волнами, как варево в котле ведьмы. Шосс, не в силах двинуть ни единым членом от сковавшего его холода, как завороженный, наблюдал за этой мистической пляской.

В комнате кто-то был. Все еще не видимое взору, отчетливо и гнетуще ощущалось чье-то присутствие. Шоссу показалось, что темных пятен в комнате стало больше. Но нет, не показалось — на фоне входной двери и вправду замаячило что-то, чего раньше не было. Это что-то медленно приближалось, вырастая в размерах, беззвучно скользя по стелющейся, белой, как саван мертвеца, дымке тумана. Приближалось прямо к нему. Смутные очертания все более обретали форму. Ближе, ближе, ближе… Нечто вступило в полосу лунного света, льющегося из окна, и Шосс почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове.

Рядом с его кроватью стоял Леонард. Обгоревшая плоть свисала черными ломтями, обнажая язвящееся, бордово-красное мясо. Один глаз глядел на него недвижно из черного провала глазницы с сожженными веками. Другой наполовину выпал на то, что осталось от лица, но каким-то непостижимым образом также уставился прямо в лежавшего Шосса. Вместо носа была рваная запекшаяся яма. На шее вспучились следы рубцов от удавки, опоясывая багровое горелое мясо с лохмотьями кожи тонкими фиолетовыми полосами. Сквозь почти сгоревшую одежду, бесформенно налипшую на искореженную, вздувшуюся плоть, зияла белизна ребер. Казалось, мертвец все еще дымится от опалившего его жара.

Во рту у Шосса было суше, чем в африканской пустыне. Язык присох к гортани. Покойник недвижно стоял и молча смотрел на него. Наконец, он медленно поднял правую руку с торчащим из нее локтевым суставом, вперил указующий костлявый перст со свисающими ошметками кожи в Шосса и медленно, перемежая слова хрипами и шипящим свистом, произнес:

— Ты найдешь то, что ищешь. Дорогой мертвецов ты достигнешь

цели, и цель найдет тебя.
Растопыренная пятерня мертвеца все ближе и ближе тянулась к его лицу. Глаза Шосса раскрылись до предела. Дыхание перехватило, он силился рвануться и, как прикованный, без единого движения лежал на кровати, объятый могильным холодом. Пальцы мертвого почти коснулись его лица…

Нечеловеческим усилием Шосс рванулся и вскочил на постели. В комнате было светло. За окном перекликались ранние птицы. Стоял сильный холод. Шосс, дико озираясь и протирая глаза, подбежал к окну. Остатки тумана еще клубились у подножия стены. На траве искрилась обильная роса. Ночью был сильный заморозок, и следы инея, быстро исчезающего в лучах восходящего светила, истекали кристально чистой влагой. Шосс обалдело хлопал глазами — перед внутренним взором все еще стоял обгоревший мертвец…

Он оглядел комнату. Все было на своих местах, чисто прибрано, без единого постороннего следа. На столе возле кровати стоял пустой графин. Шосс растер лицо и встряхнул головой. Он припомнил, как в течение ночи, отчаянно ворочаясь в постели с пухнувшей от мыслей головой, стакан за стаканом поглощал вино в надежде успокоить разошедшиеся нервы и воображение.
— Вот вам, пожалуйста, — неуверенно пробормотал Шосс. — Перетрудился, перенервничал и перепил вина. Так недолго и горячку схлопотать. Мерещится всякое.
Ему и раньше во сне иногда виделись его жертвы, но, как правило, живые, и он быстро восстанавливал положенную суть вещей подручными средствами. Он даже хорошо помнил, что в одном из снов не на шутку разволновался о том, что деньги за работу уже получены, а цель — вот она — расхаживает, как ни в чем не бывало. Но такого, как сегодня, Шосс припомнить не мог. Должно быть, его железные нервы расшатались окончательно: вчера грезы наяву, сегодня покойники снятся.

После умывания свежей, холодной водой дурман в голове, навеянный кошмарами минувшей ночи, окончательно развеялся. Ярко светило солнце. Голова думала четко и ясно.
— К черту! — сказал Шосс. — Как только разберусь с этим дельцем, сразу махну кутить и развлекаться. Вино, женщины и бесшабашное веселье! Устрою себе такой отдых, какого свет не видывал! Сколько раз я говорил сам себе, что нельзя без перерыва заниматься делами. Так недолго и рехнуться. А все старина Клаус, чтоб ему пусто было! Надо было глотнуть того зелья, которым я потчую свою невестушку. Да уж больно я вялый после этого снадобья…

Он сплюнул на мохнатую пчелу, пристроившуюся было на большом и ароматном цветке. Пчела, возмущенно загудев, улетела прочь.

— А Леонард изрядно подгорел — одни головешки. Плохой из меня повар, — ухмыльнулся Шосс, полностью приходя в свое нормальное состояние.

Пора было срочно что-то предпринимать. Шосс наскоро накормил и напоил лошадей, потом под каким-то предлогом наведался в подземелья, где проверил железную дверь. Никто не входил и не выходил — волосок был на месте. В замке же, судя по всему, семейство и впрямь готовилось к отъезду.

После завтрака Габи позвала его помочь дотащить большую кипу постельного белья — пришло время перестилать господские кровати. Шосс, не особо увиливая, так как пока все равно не придумал, что ему делать, подхватил пахнувшую жасмином охапку и потащился вслед за суженой. Пока Габи трудилась, снимая старое белье и аккуратно застилая новое, Шосс размышлял. Он попробовал пофантазировать — представить себе, как в прежние времена могло использоваться Убежище. Допустим, случилось самое неприятное: враги прорвались в замок. Господа и уцелевшие воины укрылись в Убежище. Прекрасно. Враг безуспешно ломает двери, они сидят, как крысы в мышеловке. Запасы еды потихоньку подходят к концу, а за дверью уже много дней раздается громкий лязг ударяющих в железо кузнечных молотов и слышится шипение раздуваемого дюжими молодцами раскаленного горна. А забаррикадировавшимся людям только и остается ждать, когда, рано или поздно, падет эта последняя, невероятно крепкая, но все же не вечная преграда. Или же когда у них кончится еда, и они сами будут вынуждены сдаться на милость захватчиков. Что-то не вяжется. Не вяжется с общей конструкцией древнего замка, где все делалось на века и на славу, призванное обеспечить своим владельцам процветание и безопасность. Разрази его гром, если в Убежище где-то не предусмотрен дополнительный ход, о котором ему ничего не было известно!

Это была интересная мысль, и Шосс лихорадочно принялся ее развивать.

— Ну, конечно, где-то здесь есть подземные ходы, да только, наверное, они давно засыпаны. Да и сами хозяева, небось, уж много поколений как позабыли об их существовании. А в то, что ты назвал Убежищем, точно ведет еще один ход — из семейного склепа, — неожиданно отозвался голос Габи.

Шосс изумленно воззрился на нее. Она как раз взбивала пышную

белоснежную подушку.
— Только им давно уже никто не пользовался. Склеп, пауки, покойники. Фи-и-и! — она состроила гримаску.
До Шосса дошло.
— Я что, говорил вслух?
— Угу. Ты знаешь, когда я была маленькая, я тоже ужасно интересовалась всякими тайными ходами, легендами, сокровищницами, древними кладами, драконами и всем прочим. Но потом, когда долго поживешь здесь, все очарование уходит, и ты понимаешь, что это просто большой каменный дом. Ты здесь человек новый, в замках никогда не жил. А этот один из самых древних, и действительно производит впечатление. Так что я тебя вполне понимаю.
Шосс, недолго думая, облапил Габи что есть силы и совершенно искренне расцеловал. Горничная, сама того не зная, неожиданно вывела его из тупика.
— Ай-яй-яй! Милый! Ты что, забыл, где мы находимся? А если кто-нибудь войдет? — без особого усердия отбивалась Габи.
Благоразумие взяло верх, и она высвободилась из объятий своего суженого.
— Не сейчас, милый, попозже, — улыбнулась она. — Давай помоги-ка мне.
Шосс с неподдельным рвением принялся за дело. Чем быстрее Габи закончит, тем быстрее он займется поисками второго хода, благо, что ему так невероятно кстати указали, где искать. Шосс в очередной раз подумал, что госпожа Фортуна благоволит ему.
Правда, в одну из своих вылазок по замку он заглядывал в склеп и никакого хода там не видел, но, по правде говоря, и смотрел-то он поверхностно. Вот что значит хотя бы изредка позволить себе сделать что-то спустя рукава!

В склепе царила кромешная тьма. С тихим, неприятным, режущим слух скрипом отворив ржавую решетку двери, ведущей из часовни в графскую усыпальницу, Шосс спускался по довольно узкой лестнице в мрачные глубины. Лицо и руки то и дело задевали усыпанные вековой пылью нити давно покинутой паутины. Каждый следующий шаг вниз все сильнее погружал его в затхлую атмосферу склепа. Улавливаемые носом ароматы жизнерадостному человеку никак не поднимали бы настроение и действовали бы на психику весьма угнетающе. Шосс спустился вниз, под древние низкие своды. Его фонарь выхватывал из клубящейся мглы ряды каменных саркофагов, хранящих в себе останки предков Гензенау. Он осмотрелся и обнаружил на стене факелы в проржавевших железных креплениях, запалил один из них, взял его и дви-

нулся вглубь. Прежде он побывал здесь мимолетно, особо не всматриваясь в детали, ибо с первого взгляда было видно, что люди сюда заходят крайне редко и с вполне понятной целью. Высоко держа руку с чадящим факелом, Шосс двигался вперед, внимательно поглядывая на стены и мельком изучая старые гробницы. На некоторых из них стояли давно забытые вазы с пучками иссохших цветов. Отдельные саркофаги украшали длинные эпитафии. Где-то можно было различить истлевшие остатки некогда богатых погребальных покрывал. Огарки свечей, истекшие воском, белели заплывшими остовами. Склеп немного расширился, потом разделился из центрального зала на три части с широкими арочными проходами между ними. Шосс быстро осмотрел левую и правую, но не нашел никаких следов потайного хода. Оставалась самая дальняя, центральная часть. Здесь саркофаги были совсем древние. Толстый слой пыли, покрывавшей их, не позволял сколько-нибудь внятно прочесть, кто навеки упокоился под тяжелыми каменными плитами.

Добравшись до самого конца склепа, Шосс остановился перед последним большим саркофагом, стоящим в некотором отдалении от прочих. На стенах вокруг него висели полностью проржавевшие щиты, по центру за ним красовалось выцветшее полотнище с графским гербом. Это было последнее пристанище рыцаря Гензенау. Шосс стер пыль с бронзовой таблички, надпись на которой гласила: "Здесь покоится благородный рыцарь, первый граф, сэр Филипп де Гензенау, принесший своему роду славу и обрекший его на проклятие. Молитесь за его грешную душу. Молитесь и надейтесь, что ваши мольбы будут услышаны". На боках саркофага была выгравирована графская корона и девиз на латыни.

Шосс осмотрелся. В этот раз он точно знал, что где-то под сводами склепа есть еще одна дверь. Но он обошел уже все залы и не нашел ни малейших ее следов. Однако ему показалось странным, что в склепе почти ничего не висело на стенах, а вокруг саркофага сэра Филиппа стены были задрапированы ветхими от времени полотнищами с гербами и латинскими цитатами. Также в изобилии присутствовали большие высохшие венки. Шосс обошел саркофаг и стал внимательно осматривать покрытые паутиной и плесенью ткани. Нахмурившись, он попробовал сдвинуть в сторону самое большое полотнище с графским гербом, висевшее на дальней стене прямо за саркофагом. Едва его рука прикоснулась к истлевшей ткани, как полотно сорвалось и рассыпалось в прах. Пламя факела осветило прежде скрывавшуюся за ним железную дверь с большими железными заклепками, усеивающими окайм-

лявшую ее по периметру металлическую полосу. Такие же полосы крест-накрест проходили через всю дверь. Все было покрыто толстым слоем слипшихся тенет и пыли. Под большим железным кольцом, служившим дверной ручкой, зияла чернотой замочная скважина. Шосс возликовал. Очистив область скважины, он поднес факел поближе и осмотрел замок. Ничего особо сложного. Памятуя о прошлой ночи, он принялся детально изучать дверь по всему периметру. И обнаружил довольно неприятную вещь: дверь была наглухо запечатана. Между рамой и створкой виднелись крупные капли постороннего металла. Кто-то тщательно заблокировал дверь, залив в пазы расплавленный металл. Это было очень серьезным препятствием — правильнее сказать, трудоемким, ибо распечатать эту дверь было куда проще, чем биться лбом о ту, запертую изнутри. К счастью, Шоссу прежде доводилось делать нечто подобное, правда, не в таком объеме, но кое-какие необходимые навыки у него имелись. Не упуская ни малейшей детали, он еще раз тщательно изучил замок и дверные пазы и пришел к выводу, что этим путем он вполне сможет пройти, будучи вооружен некоторыми необходимыми приспособлениями. Где их взять, он уже знал.

Вскоре он уже выходил из склепа, притворив за собой ржавую решетку. Тщательно очистив свою одежду от прилипшей пакости, он покинул часовню.

Вечером Шосс, как всегда, заглянул к Габи. Та весело щебетала, не догадываясь, что, скорее всего, видит своего Шарля в последний раз. Она сообщила ему, что господа на днях собираются всей семьей куда-то уехать и не берут с собой никого из слуг. Такого, сколько она себя помнит, никогда не случалось, но это дело хозяйское, и она в него не суется. Замок остается на Бурвиле. А им, ей и Шарлю, теперь будет достаточно времени, чтобы подготовиться к свадебному торжеству и обустроить свой будущий быт. Шосс, не забыв подлить ей в графин свое дурманящее зелье, рассеянно кивал, весь поглощенный предстоящим ночным мероприятием. Все, что должно было понадобиться, он уже нашел там, где и ожидал, и дело было только за временем. Вскоре они расстались — пожелав Габи доброй ночи, он удалился к себе. Переодевшись и экипировавшись, Шосс убедился, что не оставил в комнате никаких нежелательных предметов. Все было готово.

Стремительно наступавшая ночь накрыла землю темным покрывалом. Луна, изредка проглядывавшая сквозь усеянное облаками небо, силилась своим мягким призрачным светом разогнать сгущающийся мрак, но вновь и вновь скрывалась за разрастаю-

щимися воздушными громадами, серебря их бугристые края тонкой причудливой вышивкой. Воздух не тревожило ни единое дуновение даже самого легкого ветерка. В деревне погасли почти все огни, и лишь самые ретивые дворовые собаки еще изредка оглашали пространство дежурным лаем. В замке наступила полнейшая тишина.

Шосс покинул свою комнату. Стоя на пороге, он последним взглядом окинул жилище, служившее ему пристанищем в последние недели, затворил дверь и устремился во двор. Его целью была изрядно запущенная, но все же годная для насущных дел кузница, в которой все еще оставалось достаточное количество вполне пригодного снаряжения и инструментов. Именно здесь он нашел переносной кузнечный горн и все необходимое, чтобы справиться с препятствием в виде запечатанной двери в глубине склепа. Однако даже для выносливого Шосса перенести все за один раз не представлялось возможным, и он вынужден был сделать пару лишних ходок, чтобы дотащить нужное снаряжение до входа в склеп. Потом он принялся короткими перебежками перетаскивать позаимствованное из кузни оборудование в усыпальницу. Шосс сильно вспотел и запыхался. Пот со слипшихся волос струился по лбу и застилал глаза, капая с носа и оставляя на пыльном полу маленькие кратеры. Наконец, он расположился перед запечатанной дверью. Разведя огонь, Шосс принялся за дело.

Прошел не один час. Шосс ловко орудовал раскаленными клещами, жаркими угольями, стамеской и молотком. Дело двигалось гораздо медленнее, чем ему бы хотелось, но все же двигалось. Дюйм за дюймом он выплавлял инородный металл из дверных пазов, рискуя обжечься и покрываясь сажей и копотью. Он чувствовал подступавшую усталость от непривычной и непростой работы, но близость цели придавала ему силы. Шосс не боялся, что его кто-нибудь услышит, — глубокий склеп полностью поглощал все возможные звуки. То и дело отирая рукавом пот с лица, он все ближе и ближе подбирался к цели.

Наконец, последние капли расплавленного металла покинули зазор между дверью и рамой. Теперь оставалось только открыть замок, и, если чья-нибудь злая прихоть не заложила дверь изнутри каменной кладкой, путь будет свободен. Шосс уже успел поразмыслить, кому вообще понадобилось заливать дверь металлом, чтобы намертво запечатать ее от любых попыток открыть. Но, как и в прошлый раз, не нашел сколько-нибудь связного объяснения. Разве что кому-то очень хотелось, чтобы вход в Убежище оставался только один. Но в этом не было особого смысла. Так скорее по-

ступили бы с опасным преступником или с сумасшедшим, стремясь перекрыть все возможные пути для побега, оставив лишь один, и то только в том случае, если не собирались замуровать узника заживо. А может, здесь и случилось нечто подобное? Все равно не вяжется с первой, закрытой изнутри дверью.

Ладно, черт с ними, с этими дверями. Еще немного — и он окажется внутри. Что бы там ни было, это в любом случае завершит его похождения в этом замке. Хотя, если он не найдет никаких свидетельств того, что именовалось Наследием, то, признаться, это будет один из тех редких случаев, когда ему не удавалось полностью выполнить поставленную задачу. И, как бы ему ни было досадно, придется признать, что святые отцы умеют прятать свои тайны весьма неплохо. Но, черт побери! Как не хотелось бы, чтобы посуленная Клаусом награда уплыла из рук! Хотя сам по себе изумруд уже бесценная добыча. А Наследие... Имея на руках "Волчий глаз", возможно, будет проще понять, что же это за Наследие такое. В крайнем случае, как вариант, можно было бы пригласить самого графа в этот уютный склеп, из которого не доносится ни единого звука, даже если вопить во весь голос. Кстати сказать, очень полезное качество, особенно если задать графу Бриану ряд вопросов касательно искомого Наследия при помощи разного рода подручных инструментов навроде раскаленных клещей. Граф, правда, может оказаться человеком несговорчивым, пребывающим в плену дурацких убеждений насчет дворянской чести и благородства, но в таком случае можно будет пригласить приболевшую Алину составить им компанию. Тысяча чертей! Граф не производил впечатление настолько черствого человека, чтобы, не моргнув глазом, выдержать мучения единственной больной дочери. Но все это — крайние методы. На случай, если там, внизу, тоже ничего не удастся обнаружить. Тогда — возможно, хотя обычно это не в его стиле... Но Шосс каким-то шестым чувством ощущал, что то, к чему он стремится, уже совсем рядом.

Он снова вытер лицо рукавом. Его одежда изрядно намокла от пота. Шосс чувствовал себя так, словно упал в пруд и только что вылез на скользкий берег, еще ни капельки не успев обсохнуть. Он глянул на черный от копоти рукав. Можно было только представить, в каком виде сейчас было его лицо. На рукавах образовались многочисленные дырочки, прожженные крошечными капельками раскаленных брызг. Обувь тоже была не в лучшем виде. Немного досталось и штанам. Его особая куртка, сшитая по специальному заказу, вся напичканная кармашками, прорезями, креплениями, и хранившая в себе множество предметов его про-

фессиональной экипировки и оружия, к счастью, не пострадала — у Шосса хватило ума прихватить с собой короткий кузнечный передник. Но вся остальная одежда только слепому не подсказала бы, что ее владелец только что побывал в какой-то переделке. Да и то, скорее всего, его выдал бы запах. Нужно было переодеться, ибо кто знает, где и когда он окажется буквально через некоторое время? А вдруг случится нечто совершенно непредвиденное?

Шосс оставил замок в покое и направился обратно, к себе. К счастью, у него был запасной комплект подходящей одежды. Он оставил ее в своей комнате, не видя особого смысла в том, чтобы, покидая замок, отягощать себя излишним грузом. Главная его ценность — куртка — была на нем. Остальное легко можно было заменить.

В замке, как и всегда глубокой ночью, было совершенно тихо. Его обитатели не стремились создать Шоссу излишних трудностей, не страдая страстью к ночным прогулкам или лунатизмом. Шосс быстро прошел к себе, переоделся и переобулся, бросив прожженную, испачканную одежду в шкаф, осушил полный кувшин воды, очень кстати оказавшийся на столике подле окна, и, не теряя лишнего времени, отправился обратно в склеп. Наскоро заперев дверь своей комнаты, он стремглав полетел к часовне, весь поглощенный своими мыслями, даже не заметив, что за углом в коридоре мелькнула какая-то тень.

Вскоре он снова был у небольшой железной двери. Поставив фонарь так, чтобы тот светил прямо на замочную скважину, Шосс достал набор отмычек и принялся осторожно копаться в старом, замусоренном и проржавевшем замке. Надо было действовать с предельной аккуратностью, чтобы мусор, набившийся внутрь и без того ржавого замка, не заклинил его окончательно. Предаваясь этому занятию, Шосс ничего не видел и не слышал. Вены на его лбу вздулись, а пальцы побелели от напряжения. Наконец, замок щелкнул и открылся. Шосс потянул дверь за кольцо. Она не пошевелилась. Волна какой-то отчаянной злости накрыла его с головой. Он вцепился в дверное кольцо обеими руками и что есть силы принялся тянуть на себя. И тут дверь поддалась. Душераздирающе скрипнув, она приоткрылась на пару дюймов и стала медленно отворяться под его яростным нажимом.

Он уже праздновал победу, как вдруг неожиданно услышал за спиной звук чьих-то легких, неуверенных шагов; звук, который он меньше всего ожидал услышать здесь и сейчас. Он резко обернулся, весь натягиваясь, как струна. Кто-то подходил к нему, держа перед собой ярко горящую свечку. От натуги перед глазами у

Шосса все еще плавали разноцветные пятна, поэтому он не сразу разглядел за ярким огоньком свечи того, кто подходил к нему уже совсем близко. Наконец прояснились очертания — руки, плечи, шея, голова... Габи! Ее появление здесь застало его врасплох. По правде говоря, приди сюда кто угодно, это все равно было бы полной неожиданностью. Но вид Габи поверг его в самое натуральное изумление. Шосс даже немного растерялся.

На лице молодой женщины отражались сильный испуг и волнение, смешанные с какой-то отчаянной решимостью. Остановившись в нескольких футах от Шосса, Габи недоуменно и боязливо озиралась. Ее широко раскрытые глаза рассматривали переносной горн, инструменты, затухавшие угли, лужицы застывшего на полу металла. Она посмотрела на саркофаг и увидела лежавшую на нем связку отмычек. Габи вопросительно взглянула прямо в мрачное лицо Шосса.

— Что ты здесь делаешь, Шарль? — тихо спросила она, отчаянно боясь услышать ответ.

— Разве ты не пила на ночь вино? — вырвалось у Шосса.

— Я ходила к бедной Шарлотте, чтобы просить ее выпить хоть глоточек. Я... я забыла графин у нее в комнате, — ответила Габи.

Морщинка легла на ее лоб.

— Так вот почему я все время так необычайно крепко спала, а потом чувствовала странную вялость! Ты... Ты подливал мне что-то в вино?

Шосс уже успел выругать себя за некстати заданный вопрос, который урезал его шансы на благополучное объяснение до минимума.

— Это уже не важно, — сказал он, пристально глядя на Габи. — Как ты здесь оказалась?

— Я хотела прийти к тебе... У тебя было заперто. Я постучалась, но никто не открывал. В замочную скважину я увидела, что твоя постель заправлена и тебя на ней нет... Я очень удивилась. Вернулась к себе, но не смогла уснуть. Не помню, сколько я просидела с зажженной свечой... Потом снова пошла к тебе и увидела, как ты выскочил из своей комнаты и быстро убежал за угол. Я хотела окликнуть тебя, но... Я подумала: "Куда это он?" Я пошла за тобой. Я видела, как ты шел в часовню. Но тебя там не оказалось, — сбивчиво говорила Габи.

Шосс слушал с каменным лицом.

— Я подумала: "Куда он мог деться?" Решетка на двери в склеп оказалось открыта... Мне было страшно, но я заглянула внутрь и увидела, что здесь кто-то несколько раз проходил. Пыльные ступеньки были все в следах... Я ужасно боялась и совсем не хотела

сюда спускаться!
— Так зачем же спустилась? — голос Шосса был холоднее айсберга.
— Я не знаю... Я была так удивлена и взволнована... Я ничего не понимала! Внизу, среди этих страшных саркофагов, мне показалось, что я слышу вдали какой-то шум. Следы вели туда. Я пошла вперед. Мне было так страшно среди всех этих мертвецов!.. И тут я увидела тебя... Шарль, что ты здесь делаешь? — с отчаянием спросила Габи еще раз.
— Прости, милая, но у меня нет ответа, который удовлетворил бы твое любопытство в создавшемся положении, — мрачно произнес Шосс.
Не сводя глаз с молодой женщины, он принялся, не торопясь, вытаскивать что-то из своего пояса.
— Что все это значит? — Габи явственно задрожала.
Шосс вытащил удавку, длинную и тонкую. Ту самую, которая совсем недавно пришлась очень кстати во время маленького приключения с Леонардом.
Остолбенев, Габи расширенными от ужаса глазами смотрела на Шосса, который двинулся к ней, вертя между пальцев смертоносный шнур.
— Не надо! — всхлипнула она.
Но он уже схватил ее своими стальными пальцами. Габи хотела закричать, но судорога свела ее пересохшее от страха горло. Шосс вдруг на секунду замер, слегка прикусив губу. Брови его сдвинулись к переносице — он решал судьбу молодой женщины. И вдруг неожиданно резко развернул ее, легкую, как перышко, на месте, грубо вывернул ей руки и принялся крепко связывать их удавкой. Габи почти не сопротивлялась, пребывая в состоянии шока. Скрутив ее, Шосс подтащил женщину к саркофагу рыцаря Гензенау. Вокруг него, по периметру, вделанные в пол, стояли четыре больших бронзовых канделябра в человеческий рост. Он прислонил Габи к одному из них, вытащил из кармана куртки моток веревки и принялся туго прикручивать молодую женщину к массивному бронзовому стержню.
— Я не понимаю, Шарль! Как ты можешь? Зачем ты со мной так? Что происходит? — жалобно простонала Габи.
— Мне жаль разочаровывать тебя, дорогая, но меня зовут вовсе не Шарль. И, честно признаться, все, что ты обо мне знаешь, — чистейшее вранье, — усмехнулся Шосс. — Я никакой не приказчик и, тем более, не конюх.
— Кто же ты? — с ужасом спросила она.

— Это не имеет ни малейшего значения.
— Я думала, ты хочешь на мне жениться! Я думала, ты любишь меня!.. — Габи заплакала навзрыд.
— На твоем месте я бы сейчас не рыдал из-за того, что я не женюсь на тебе, а радовался, что я не убил тебя на месте, — сухо заметил Шосс.
— За что? — плакала Габи.
— Как это за что, моя куколка? После того, как ты застала меня здесь врасплох, я должен был либо наврать тебе с три короба, либо сделать так, чтобы ты не смогла мне помешать. Сочинять что-либо наспех в такой ситуации — довольно опасная затея, а мне очень бы не хотелось, чтобы ты сорвала мои планы как раз тогда, когда я в одном шаге от их исполнения. Кроме того, уверять тебя в чем-то уже нет ни малейшего смысла — еще до первых петухов я собираюсь покинуть этот замок навсегда.
Плечи Габи сотрясались от рыданий. Она слушала, что говорит этот, внезапно ставший чужим, человек, и все ее существо захлестывали жгучая боль, обида и отчаяние.
— Соответственно, самое простое и разумное — сделать так, чтобы ты не смогла мне помешать. И, по правде говоря, тебе сильно повезло, что я не отправил тебя на тот свет — лишь в самый последний момент я передумал.
— Как ты можешь так поступать?! Ты! Ты…
— Ты даже не представляешь себе, на что я способен, — холодно улыбнулся Шосс. — Однако твои слова никак не похожи на благодарность.
— Я тебе должна быть благодарна?! — мучительно вскрикнула Габи.
— За то, что все еще жива. Проще всего было убить тебя. Но все-таки в этом не было необходимости, равно как и в том, чтобы постараться внушить тебе очередные иллюзии.
— Кроме того, — помолчав, добавил Шосс, — твоя невольная помощь была весьма ценной. Поэтому, раз нет явной нужды покончить с тобой, то достаточно оставить тебя здесь — пока тебя найдут, я буду уже далеко отсюда. Будем считать это моей благодарностью.
Слезы ручьями лились по лицу Габи. Она почти не помнила себя от горя.
— Ты подлец! — крикнула она с отчаянием. — Я тебя ненавижу! Помогите! Кто-нибудь! На помощь!
— А вот это напрасно, — хмуро сказал Шосс.
Он рывком оторвал часть подола от платья Габи, потом ткнул ее

кулаком в область живота. Рот молодой женщины широко раскрылся, ловя воздух. Шосс мигом засунул в него скомканную ткань, после чего туго обмотал поверх ее головы еще один кусок и завязал на прочный узел. Теперь Габи могла только негромко мычать. Она попыталась выплюнуть кляп, но все было тщетно.
— Давай, будь хорошей девочкой, — Шосс потрепал ее по щеке. — Сиди тут тихо, как мышка, и не рыпайся.
Боль и отчаяние окончательно помутили разум бедняжки. Она принялась отчаянно извиваться в своих путах, ее голова забилась о бронзовый стержень канделябра. От душивших ее слез она почти ничего не видела.
— Кому сказал — прекрати! Сиди смирно, или я передумаю оставлять тебя в живых! — зло сказал Шосс.
Но у Габи началась самая натуральная истерика. Шосс понял, что она уже ничего не соображает. Он наотмашь, сильно ударил ее по лицу, пытаясь привести в чувство. Потом поднес к ее глазам блеснувший острый кончик тонкого лезвия кинжала.
— Заткнись и не дергайся! — рявкнул он.
Габи, оглушенная ударом, и вправду перестала делать отчаянные попытки высвободиться.
— Сиди тихо. Не будешь пытаться помешать мне — останешься жива.
Вытаращенными от ужаса глазами Габи следила за острием кинжала, парившим всего в нескольких дюймах от ее глаз.
— Сейчас я уйду. А ты будешь сидеть здесь и вести себя так же смирно, как эти господа в своих гробах. И если я услышу хоть один звук — клянусь дьяволом, я вернусь и перережу тебе глотку!
Габи в ужасе зажмурилась и затихла.
Шосс некоторое время рассматривал ее, затем, видимо удовлетворенный, вернулся к железной двери. Он приоткрыл ее на достаточную ширину, взял фонарь и отмычки. На пороге он задержался еще на некоторое время.
— На твоем месте я бы не задерживался в замке, а уехал как можно скорее. Тебе могут не поверить, что ты не была со мной заодно.
Габи не пошевелилась. Огонек свечи, стоящей на полу рядом с ней, искорками поблескивал в беззвучно катившихся по ее лицу слезах.
— Я оставлю на твое имя в городе значительную сумму золотом. Поверенного зовут Безье. Возьми золото и немедленно уезжай куда-нибудь подальше. Считай это моим подарком к несостоявшейся свадьбе.
Габи по-прежнему никак не реагировала. Может быть, от сильного

горя она впала в забытье или же ей было все равно.
Шосс еще раз внимательно посмотрел на нее и скрылся за дверью.
— Запомни! — бросил он через плечо. — Поверенный Безье. И — ни звука, или останешься здесь навсегда!

Длинный узкий коридор, петляя, вел глубоко вниз. Шосс уже потерял счет ступенькам, когда неожиданно дорогу впереди перегородила глухая каменная кладка. Шосс на секунду замер от неожиданности, потом принялся светить вокруг фонарем в поисках отпирающего механизма. В углу тупика из стены торчало металлическое крепление под факел. Шосс потянул за него. С легким гулом казавшаяся монолитной стена расступилась, и Шосс оказался внутри прямоугольного помещения. Не считая того пути, по которому он только что пришел, сюда выходили две двери, и обе железные. "Это уже становится какой-то манией", — подумал Шосс. Он тщательно прислушался. Было абсолютно тихо. Шосс принялся осматриваться по сторонам. Помещение было завалено по углам какой-то несусветной рухлядью — сломанная мебель, полуистлевшие корзины, коробки, остатки бочек с до невозможности ржавыми ободами. В комнате ощущался легкий и довольно странный запах. Может быть, это пахло гниющим деревом или каким-то особенным плесневым грибком — запах еле улавливался, и он не мог точно определить его природу. Зато он мог точно сказать, что это помещение на сокровищницу походило весьма мало. Шосс подошел к двери с характерными очертаниями. Она была заложена большим засовом в виде бруса из мореного дуба, скрепленного железными полосами. Судя по виду, это была та самая дверь, через которую он безуспешно пытался попасть сюда прошлой ночью. Было необходимо убедиться, что он попал как раз туда, куда нужно. Шосс вынул засов и тихонько толкнул дверь. Она подалась совершенно бесшумно. Судя по всему, за ней хорошо следили и тщательно смазывали. Он выглянул наружу. Да, это была та самая дверь. Перед ним открылась хорошо знакомая винтовая лестница, змеящаяся вверх, а на двери красовался тот самый причудливый рисунок, с замаскированной в самом центре замочной скважиной под ключ-печать. Итак, он попал туда, куда хотел. Теперь надо было вести себя очень осторожно, чтобы избежать ненужных осложнений с Алиной де Гензенау — кто знает, сколько здесь еще запирающихся изнутри железных дверей, за которыми она при неудачном развитии событий может укрыться, тем самым похоронив все его надежды на благоприятное завершение дела.

Шосс направился ко второй двери. Неожиданно он остановился — кое-что удивило его. Недалеко от второй двери, во вну-

тренней стене у самого пола виднелся черный провал небольшого, вырубленного в каменной кладке лаза. Судя по размерам, туда с трудом мог протиснуться человек. Шосс подошел к нему, распластался на полу и осторожно посветил в узкое прямоугольное отверстие — по другую сторону лаза царила такая же кромешная тьма. Непонятный запах стал сильнее, но его силы было все еще недостаточно, чтобы Шосс смог его определить. В нем чувствовалось что-то резкое, неприятное. Что-то, что заставляло насторожиться древние инстинкты подсознания. Одно становилось очевидным — лаз вел в соседнее помещение. Зачем он был нужен, если туда же вела расположенная рядом дверь? Вставая, Шосс в недоумении пожал плечами. Может быть, дверь объяснит эту странность? Устройство этого Убежища становилось с каждым разом все более непонятным. Он подошел к внутренней двери и остановился как громом пораженный — она была заперта снаружи! Массивный засов, гораздо больше предыдущего, весь окованный сталью, покоился в гнездах по обе стороны двери, делая невозможным любые попытки открыть дверь с той стороны.

Вот теперь механизм дверей Убежища окончательно оказался вне понимания Шосса. Внешняя дверь запиралась отсюда, то есть тем, кто находился внутри. Это было понятно, но не в текущей ситуации, когда здесь находилась больная, требующая постоянного присмотра и ухода. Но! И это "но" с треском ломало всю и без того хромавшую логику. Внутренняя дверь была заперта снаружи. То есть тот, кто находится внутри, должен был запереть обе двери и находиться в этой комнате. Ибо путь, которым он пришел, до сегодняшней ночи был наглухо запечатан. Но в комнате никого не было. Был только непонятный лаз. Что же получается? Алина де Гензенау, находясь в этой комнате, заперла отсюда обе двери изнутри, после чего через этот странный лаз на уровне пола пролезла во внутренние помещения Убежища? Зачем?!

Все это казалось каким-то болезненным бредом, но как иначе двери могли оказаться запертыми по обнаруженному им принципу он не понимал. Каким-то шестым чувством Шосс неожиданно стал осознавать, что во всем этом таится какой-то вполне целенаправленный, зловещий смысл, который пока что ускользал от него, но к разгадке которого он становился ближе с каждым шагом. Недолго думая, он снял засов, открыл дверь, которая более ничем не удерживалась, и шагнул в темный зал.

Зал был действительно большим — его стены терялись во мраке при слабом свете потайного фонаря. Шосс отвернул его фитиль до максимума. Фонарь ярко засветился, и его взору откры-

лось просторное помещение. Однако эффект оно производило едва ли не более гнетущий, чем предыдущее. На стенах висели полуоборванные гобелены и полотнища с рисунками, настолько испорченные временем и отсутствием ухода, что разобрать на них что-либо более не представлялось возможным. По некоторым признакам можно было предположить, что когда-то зал был уставлен вдоль стен сундуками и стеллажами, должно быть, хранившими в себе фамильные ценности рода Гензенау. Теперь же от них остались одни воспоминания — лишь плесневелые следы да всякая жуткая рухлядь, в обломках которой уже нельзя было распознать, чем она прежде являлась. Пол когда-то покрывали богатые ковры. Нынче же жалкие, разваливающиеся лохмотья то тут, то там островками ютились на серых камнях. В противоположной стене виднелась другая дверь, но, судя по всему, уже не железная, а из простого мореного дуба, лишь усиленная железом. Шосс медленно и недоуменно обозревал хаос и запустение, царящие в помещении. В его воображении до этого момента рисовались разные представления о внутреннем убранстве Убежища, но увидеть такое он никак не ожидал.

Единственное, что привлекало внимание своей явной необычностью среди окружающего разгрома, это стоявший посреди комнаты каменный стол, на котором было высечено некое подобие постамента, наглухо закрытого каким-то мутным колпаком. Ничего другого из того, что можно было бы назвать целым или сохранившимся предметом, в зале не было. Шосс на цыпочках двинулся по направлению к столу. Необычный запах вдруг стал сильнее, должно быть, из-за его движения в затхлом воздухе. И тут неожиданно Шоссу вспомнились рассказы Бурвиля в самый первый день его пребывания в замке, когда дворецкий устроил ему своеобразную экскурсию. Тогда Бурвиль, среди прочего, рассказывал о подвальных помещениях и о господских нравах и забавах. И о том, что где-то в подвале держали диких зверей, чтобы потом стравливать их с собаками, либо же устраивать поединки один на один со зверем. Этот запах... Неужели именно здесь когда-то держали зверей? Здесь? Прямо в сокровищнице? Или это потом тут оборудовали убежище и сокровищницу? Хотя, судя по царящему кругом разгрому, скорее после, чем до. Смутное, необъяснимое беспокойство, которое начало закрадываться в душу Шосса еще тогда, когда он уяснил систему запоров Убежища, стало усиливаться.

Поскольку в зале, кроме стола и двери, больше ничего сколько-нибудь существенного не было, Шосс двинулся к столу. Он был

небольшой, словно высеченный из целого камня, немного ребристый по краям, с выбоинками и неровностями. По бокам в него были вделаны два серебряных подсвечника незамысловатой формы, основное назначение которых явно сводилось к освещению находившегося на столе. По центру размещалось наклонное возвышение, накрытое толстым стеклянным колпаком. Уже остановившись у самого стола и поставив на него фонарь, Шосс понял, почему стекло издали показалось ему мутным — на него был напылен тончайший слой серебристого металла. Колпак крепился двумя прочными механизмами, расположенными друг от друга в диаметральной противоположности. Шосс нажал обеими руками на рычаги. Теперь серебристый купол был свободен от замков. Шосс снял его и отставил в сторону. Под куполом покоился толстый фолиант в плотном кожаном переплете, перехваченном серебряными пластинками по углам, с большим, тисненым серебром графским гербом и серебряной же пряжкой на кожаной застежке, которой фолиант был стянут поперек своих изрядно пожелтевших страниц. Серебро сильно потемнело от времени, но было видно, что кто-то следил за ним, время от времени чистя его и приводя в порядок. Сердце Шосса учащенно забилось, разгоняя мигом разгорячившуюся кровь по жилам — он интуитивно понял, что нашел что-то важное. Он протянул руку и коснулся шершавой кожи переплета. Тот отозвался холодком и нервной дрожью, как будто тысячи иголочек мелко-мелко закололи пальцы. Шосс расстегнул застежку и открыл фолиант. Толстые сухие страницы тихо и вкрадчиво зашелестели. На титульном листе весьма искусно был изображен все тот же графский герб с девизом на латыни. Но в этот раз девиз был резко перечеркнут и под ним была выведена другая надпись. Познания Шосса в латинском языке позволили перевести ее примерно так: "Проклятое древо, молящее о прощении". Ниже, значительно мельче, но вполне разборчиво, была оттиснута печать, изображавшая руку, державшую распятие на фоне скрещенных в ее основании меча и горящего факела. Внешний круг печати опоясывала надпись: "Огнем, мечом и силой веры да свершится Кара Господня". На кресте было написано "Manus Dominus". У Шосса захватило дух. Он жадно пожирал глазами печать. Затем перевернул титульный лист и принялся читать то, что было написано красивым, разборчивым, но слегка дрожащим почерком.

– 9 –

"Я, первый граф, рыцарь Филипп де Гензенау, пишу это, стоя на пороге своей смерти и находясь, к великому моему сожалению,

в здравом уме и, увы, трезвой памяти. Я пишу это тебе, мой потомок, ибо, раз ты читаешь эти строки, пробил тот час, когда пришло твое время узнать страшную правду о том, какое проклятье поразило наш род по моей вине. Я прошу тебя молиться за мою грешную душу, молиться за наш несчастный род и молиться за себя самого, ибо, быть может, именно тебе предстоит взять на себя ту ужасную ношу, на которую я по своему тщеславию и гордыне обрек себя и своих потомков. Да смилостивится Господь надо мной и всем родом де Гензенау! Да пошлет он мне прощение и покой! Да простят меня мои потомки, которые имеют полное право проклинать мое имя и ненавидеть меня за то, на какие страдания я обрек их! Прости меня и ты — тот, кто читает эти строки. Прости своего несчастного предка.

Я был полон сил и рыцарских доблестей. Я мечтал принять участие в святом деле завоевания Гроба Господня. Собирали крестовый поход. Мой долг рыцаря звал меня. Моя вера вела меня. Казалось, наши армии были несокрушимы. Папа благословил святое воинство, и мы двинулись на Восток. Нашей целью был Иерусалим. Могущественные рыцарские ордена во всей своей мощи и красе были представлены многочисленными, закованными в сверкающие доспехи рыцарями. Их стяги гордо реяли над шеренгами простых пехотинцев, которых светские сеньоры привели по зову своих монархов и властелинов. Весь цвет Запада был здесь — гордый, могучий, всесильный. Яркое солнце до боли в глазах сияло в щитах и кирасах, острия бесчисленного леса пик сверкали под его лучами, могучие кони, всхрапывая, несли своих седоков навстречу славе и подвигам во имя Господне. Длинные вереницы вооруженных людей простирались сколько мог охватить глаз… Поистине, великое воинство отправлялось в крестовый поход.

Шла очередная неделя долгого похода. Сухие, почти бесплодные земли с чахлой растительностью и сильная нехватка воды испытывали на прочность нашу веру и силы. Но наш дух был неукротим. Мы двигались вперед, несмотря на тяготы пути. Наши авангардные отряды то и дело вступали в короткие жаркие схватки с налетавшими словно ниоткуда отрядами сарацин. Храбрые рыцари с громким кличем бросались в бой, но легкие всадники, осыпав наш отряд градом стрел, стремительно отступали и исчезали среди холмов этой неприветливой земли. Изредка воинам удавалось скрестить мечи с кривыми саблями этих нехристей, и тогда рыцари бились во всю свою неукротимую мощь, каждым ударом рассекая кого-то из врагов, наводя ужас своей неуязвимой железной броней и великой силой удара. Должно быть, именно по-

этому враг предпочитал молниеносные наскоки и стрелы, дабы не вступать в ближний бой, где один рыцарь разбрасывал десяток сарацин как малых детей с деревянными сабельками. Тактика врага начинала изматывать наши авангарды, которые вынуждены были находиться в состоянии постоянной боеготовности, но не успевали добраться до врага, чтобы одним ударом сократить его численность. Закованных в тяжелую броню рыцарей вражеские стрелы не беспокоили, но простой пехоте, куда менее защищенной, все же доставалось. Тогда в центре авангардных отрядов стали размещать группы арбалетчиков. Холмистая местность давала им изрядное преимущество, ибо арбалетная стрела, пущенная с небольшого расстояния, пробивает навылет самые тяжелые доспехи, как глиняный кувшин. Благородные рыцари очень не любили это оружие, считая его лишенным доблести и чести, но не могли отрицать его очевидную эффективность. Теперь, едва на гребне холма появлялись отряды сарацин и начинали выпускать по нашим воинам град стрел, отряд быстро расступался, открывая простор арбалетчикам, и те, под прикрытием щитов бронированных пехотинцев, давали свой ужасающий, смертоносный залп по врагу. Арбалетные стрелы со свистом резали воздух и в мгновение ока разили опешившего врага. В первый же день применения такой тактики враг понес серьезные потери и вскоре надолго перестал беспокоить набегами передовые части нашего войска.

Как-то вечером я нес дежурство у стяга моего сеньора на холме, сплошь покрытом яркими шатрами самых благородных и доблестных дворян христианского Запада. Заходящее солнце окрашивало колеблемый легким ветерком шелк шатров в багровые тона. Неожиданно в шатре неподалеку послышались громкие голоса. Полы распахнулись, и из него вышли три рыцаря. Одного я узнал — это был Эврар де Бар, магистр ордена тамплиеров, предводитель самого многочисленного из их отрядов. Он был сильно разгневан. Следом шел какой-то высокопоставленный вельможа в тонкой кольчуге. На его лице проступали пунцовые пятна.

— Вы забываетесь, магистр, — крикнул вельможа.

— Я? — магистр резко повернулся, оказавшись лицом к лицу с собеседником, отчего тот резко попятился. — Где мне прикажете искать людей? Разбойники громят наши обозы, а все посланные отряды либо уничтожены, либо вернулись ни с чем! Поистине доблесть ваших воинов вызывает у меня восхищение!

Последнюю фразу де Бар прорычал с такой неподдельной яростью, что у вельможи кровь отхлынула от лица.

— Почему же ваши храбрые рыцари не могут справиться с этим

делом? — спросил он с напускной холодностью.
— И справились бы! Мы и так защищаем тылы, но сколько можно повторять вам, ваша светлость, что мы не можем отступать от порученной нам задачи, равно как и другие ключевые отряды не могут бросать все и отвлекаться только потому, что кое-кто не справляется со своими обязанностями! — едва сдерживаясь, ответил магистр.
— Мне очень тяжело найти людей для этого дела, — раздраженно ответил его светлость. — От простых воинов толку будет мало, а отряд рыцарей мне не собрать. Да что там отряд? Ни один рыцарь не осмеливается вызваться в это мероприятие, когда всем известно, что мы уже полностью потеряли восемь отрядов и пять вернулось ни с чем, но зато они поведали такие подробности о нападениях на обозы, что желающих принять участие в очередной вылазке не осталось вовсе.
— Вы что, не можете приказать своим людям?
— Могу. Но что толку? Они, в лучшем случае, найдут пропавший обоз и вернутся назад, сказав, что никого не нашли. Разумеется, ведь и искать они особо не будут.
— Силы небесные! Только что пропал очередной обоз, а вы, судя по всему, даже не намерены что-либо предпринимать!
Я понял, о чем идет речь. Последнее время стали поговаривать, что некие неуловимые разбойники нападают на наши обозы, убивают всех людей, а сами повозки громят и жгут. Было послано множество отрядов, но больше половины из них не вернулись вовсе, а те, кому посчастливилось вернуться, рассказывали жуткие истории про разорванные в клочья тела, оторванные головы и прочие ужасы. Сначала над ними подтрунивали, но вскоре численность пропавших отрядов стала столь велика, что среди воинов пошел слух, будто на границе с пустыней что-то нечисто, и каждый, кто там окажется, рискует быть убитым какой-то неведомой силой. Хотя следы, оставленные нападавшими, говорили, что это всего лишь небольшой отряд всадников десятка в два человек. Каким образом два десятка сарацин могли столь легко расправляться не только с охраной обоза, но и с посланными на их поимку отрядами воинов, оставалось гнетущей загадкой. Но, что бы там ни было, факт оставался фактом — кто-то продолжал истреблять обозы и отряды опытных, хорошо вооруженных воинов с безжалостной методичностью. Это привело к тому, что добровольцев на очередные поиски разбойников было просто не сыскать, а посланные в приказном порядке отряды действовали, пряча глаза, весьма условно. Но что самое неприятное — большинство обозов пус-

тили по измененному, гораздо более длинному пути, что стало приводить к перебоям в поставках и серьезным задержкам. Именно из-за этого в центральной и головной части войска, растянувшегося на десятки миль, стала ощущаться серьезная нехватка снабжения, что и вызвало появление магистра тамплиеров.
— Силы небесные! — воскликнул магистр. — Найдется ли здесь хоть один рыцарь, которому можно поручить решение этой задачи?!
Этот шанс давала сама судьба! Я не мог промолчать и немедленно откликнулся. Эврар де Бар живо повернулся, подошел и внимательно посмотрел на меня.
— Кто ты, рыцарь? — спросил он.
Я назвался.
— Это правда, доблестный рыцарь? Я могу поручить тебе это дело и рассчитывать, что оно будет выполнено?
Я ответил утвердительно. Казалось, магистр глубоко задумался.
— Но, каким бы ты ни был храбрым и сильным воином, тебе не под силу решить эту задачу в одиночку, — сказал он, наконец.
Я сказал, что у меня есть несколько храбрых друзей-рыцарей, с которыми мы сделаем все, что от нас потребуется. Мы соберем свой отряд и одержим победу там, где другие потерпели неудачу.
— Прекрасно! — вскричал Эврар де Бар. — Когда вы будете готовы выступать?
Я ответил, что мне надо еще оповестить моих друзей, но я более чем уверен в их согласии. Мы соберем своих людей и подготовимся, а рано утром сможем выступить.
— Я не ожидал услышать здесь более приятного известия, — сказал магистр тамплиеров, оглядываясь при этих словах на вельможу и хмуря брови.
— Я не думаю, что это хорошая мысль… — начал было тот.
— Что я думаю, — магистр сделал особое ударение на "я", — так это то, что уж точно плохой мыслью было назначить вас на такой ответственный пост! И я непременно донесу это соображение до предводителя нашего святого похода.
— Но вы видите этого человека впервые! — оскорбился вельможа, которому совершенно не понравилась обрисованная магистром перспектива.
— Когда-то я тоже был простым рыцарем, и когда-то мой гроссмейстер, и наш монарх тоже видели меня впервые, — коротко отрезал Эврар де Бар. — Быть может, вы не согласны с тем, чего меня впоследствии удостоили?
Вельможа махнул рукой и удалился в свой шатер.

— Дерзай, храбрый рыцарь, — сказал мне магистр. — Я верю в истинное благородство и в то, что у тебя все получится. Да пребудет с тобой сила Господа и мое личное благословение! Если ты справишься, благородный орден тамплиеров никогда тебя не забудет, я обещаю тебе это и верю в тебя.
После таких слов я просто не имел права не выполнить порученное мне дело. Как говорили древние, со щитом или на щите.
— Я отправлю с твоим отрядом двух своих оруженосцев, — сказал де Бар.
Увидев, как легкое облачко пробежало по моему лицу, он улыбнулся.
— Нет, я ни на минуту не сомневаюсь в твоей силе и силе твоих друзей. Но они оба — хорошие воины, а вам не помешает любая помощь, поскольку полученные сведения все-таки настораживают.

Едва закончилось мое дежурство у стяга, я направился в палатки своих друзей. Магистр сказал, что уладит с моим сеньором все формальности, связанные с тем, что я отбываю на срочное задание. Как я и ожидал, мои друзья с энтузиазмом согласились. Все они были храбрыми рыцарями. Не поручусь, что, давая согласие, каждый из них руководствовался одними и теми же побуждениями, но в их чести и доблести я никогда не сомневался. Пока мы собирались, к нам решили присоединиться еще несколько рыцарей, случайно слышавших мой разговор с магистром тамплиеров.

Рано утром мы выехали. Наш отряд состоял из десяти рыцарей, включая меня, двенадцати оруженосцев (считая двух оруженосцев магистра) и двенадцати легко вооруженных воинов. Мы быстро продвигались в направлении последнего нападения и всего через два дня прибыли в указанную область. Мы тщательно стали искать следы пропавшего обоза, но не находили ни малейшего его следа. Область поисков существенно расширилась, и мы уж было хотели перебраться в другое место, как вдруг ветер донес до нас далекие отчаянные крики и лязг оружия. Со всей возможной быстротой мы собрали отряд в единое целое и бросились в направлении шума. Вскоре вдали мы увидели дым. Мы скакали так быстро, как только могли, но вскоре крики и звон мечей прекратились и стало тихо, как в могиле. Только дым становился все ближе и сильнее. Как ураган, наш отряд взлетел на очередной холм, и нашим глазам открылось ужасное зрелище. Разбитые, горящие повозки, убитые лошади с неестественно вывернутыми ногами, разбросанная, втоптанная в землю поклажа… И повсюду кровь! Огромные лужи быстро впитывающейся в сухую землю темной кро-

ви и разбросанные кругом части тел... Готовые ко всему, мы въехали в середину побоища. Зрелище холодило сердца и вселяло сильную тревогу. Не страх, нет, но тревогу перед тем неизвестным врагом, который наносил такие страшные удары бронированным воинам, чьи трупы, многие из которых были без конечностей или даже без голов, грудились вокруг разбитых повозок. Сильные вмятины на кирасах, искореженные кольчуги, сплющенные шлемы... Многие трупы были утыканы стрелами как ежи. Оголенные обломки костей белели среди кроваво-красной плоти, срубленные головы стеклянными глазами глядели на нас с обескровленных, мертвых лиц...

Беглый осмотр показал, что в живых никого не осталось. Также мы обнаружили, что многие головы и конечности не отрублены, а словно оторваны какой-то чудовищной силой. Это было жутко, но наша решимость не убавилась ни на мгновение. Все понимали, что неведомый враг только что был здесь, и надо преследовать его по горячим следам, но не проверить, не выжил ли кто-нибудь, мы не могли. А разделять отряд было бы совершенным безумием. Теперь же, когда все убедились, что вокруг лежат одни бездыханные трупы, мы принялись искать следы, указывающие, в каком направлении искать нападавших. Вдруг один из оруженосцев вскрикнул и указал пальцем на дальний холм. Там, на фоне светлой полоски неба, виднелось несколько всадников. Они словно гарцевали на месте в нерешительности, а затем быстро исчезли за кромкой холма. Пустив лошадей во весь опор, мы бросились за ними.

Не помню точно, сколько мы скакали. Всадники изредка появлялись на горизонте, мелькая между цепочкой холмов, и снова исчезали из поля зрения. Наконец, перед нами открылась пустыня. Песчаные барханы расстилались кругом, сколько хватало глаз, и ветер гнал по их кромкам мелкую сыпучую поземку. На песке хорошо отпечатались следы тех, кого мы преследовали. Судя по всему, перед нами совсем недавно проскакало прямиком в пустыню около двух десятков человек. Мы быстро посовещались. Съестных припасов и воды у нас было на три дня, корма для лошадей несколько меньше. Перед лицом пустыни это было очень опасно, но упустить врага мы не имели права. Перекрестившись и вверив себя в руки Господа, мы ринулись по следам вглубь пустыни.

Мы преследовали врага четыре дня. Припасы закончились, люди и лошади были измотаны. Нас неотступно преследовали мысли об отрядах, высланных ранее и пропавших. Не повторяем ли мы их судьбу? Двое воинов и один оруженосец не выдержали

палящего зноя. Их, бесчувственных и бредящих, мы привязали к лошадям и продолжили свой путь. Нас подстегивала мысль о том, что враг упорно куда-то скачет, а судя по следам на песке, их лошади не были перегружены припасами. Это давало надежду, что и у них припасы на исходе, и вскоре наша смертельно опасная погоня закончится. Но мы все ехали и ехали. Воды и припасов больше не было, а вокруг были все те же пески и все те же следы преследуемого нами отряда. Надежда стремительно таяла с каждым часом.

Признаюсь, был момент, когда отчаяние стало захлестывать нас, и люди сильно упали духом. Вместо жаркой схватки и пусть даже доблестной смерти в бою нас ожидала смерть от жары и жажды в безвестных песках знойной пустыни.

Когда надежда была почти потеряна, на горизонте вдруг показались верхушки пальм, а горячий сухой ветер неожиданно донес до нас еле уловимое присутствие благословенной влаги. Это был не нанесенный ни на одну карту оазис. Мы остановились, чтобы собраться с силами и обсудить план действий. Вид зелени и близость свежей воды, а также надвигающаяся долгожданная схватка с врагом вернули людям бодрость. Казалось, только что все были совершенно измотаны нечеловеческим зноем и жаждой, и вдруг преобразились: их глаза загорелись жаждой битвы, пальцы сжимали рукоятки мечей, а тела наполнились силой и мужеством. Стало ясно, что враг стремился к этому оазису как минимум для того, чтобы пополнить свои припасы. С тем же обстоятельством, что нападения на обозы и отряды совершались достаточно часто, можно было с большой долей уверенности предположить, что именно здесь находится лагерь неизвестного противника. Мы решили атаковать немедля. Враг наверняка был измотан так же, как и мы, и нельзя было давать ему ни малейшего лишнего часа на передышку. Выстроившись в боевом порядке, мы ринулись к оазису.

Под сенью пальм журчал прозрачный ручеек, вливавшийся в мелкое, но довольно широкое озерцо, ласково плещущее своими свежими водами, колыхавшееся мелкой рябью и манящее чудесной живительной прохладой. Выстроившись полумесяцем, здесь нас ожидало порядка двадцати вооруженных сарацин. Перед ними недвижно восседал одинокий всадник поистине исполинского телосложения, в тяжелой кольчуге и массивном шлеме. В правой руке он держал ужасающих размеров тройной кистень, один вид которого поражал воображение самого опытного воина. Его вес должен был быть просто неподъемным для обычного человека.

Мы ринулись в атаку. Каюсь, мы допустили ту же ошибку,

которую часто прежде допускали и другие рыцари, сделав ставку исключительно на собственное мастерство и доблесть. Мы, рыцари, вырвались вперед, оставив несколько позади наших оруженосцев и воинов-стрелков, полностью расстроив боевой порядок и стараясь единым наскоком наших бронированных коней смести строй врагов, рассекая их направо и налево могучими ударами наших мечей. Враги стояли, не шевелясь, потом натянули луки. Сарацинский исполин в тяжелой кольчуге шевельнул кистенем.

Первым летел сэр Хьюго. Казалось, еще немного — и он снесет сарацина своим напором. Исполин чуть отклонился и махнул кистенем. Страшный удар обрушился на сэра Хьюго. Он был сбит с лошади, отлетел в сторону, словно тряпичная кукла, и более не двигался. Его щит при ударе кистеня разлетелся вдребезги, а на его кирасе зияла огромная, как кратер вулкана, вмятина. Он был мертв. Со свистом рассекая воздух, полетели стрелы. Нам они были нипочем, но, как быстро выяснилось, враги ураганной стрельбой отсекали от нас отставшее прикрытие в виде оруженосцев и стрелков. Сэр Гай, теперь оказавшийся впереди всех, видя судьбу сэра Хьюго, попытался уклониться от удара чудовищного кистеня сарацина. Казалось невероятным, как быстро могучее оружие снова взмыло в воздух! Удар пришелся вскользь. Сэр Гай слетел с лошади, его щит развалился. Там, где скользнул кистень, броня была искорежена, из-под нее хлынула кровь. Шлем слетел с головы рыцаря и лежал рядом на траве; он попытался подняться, но сразу три стрелы поразили его в голову. В последний момент мы, разрозненные, свернули в стороны. Смертоносное оружие снова мелькнуло в воздухе, но никого не поразило. Сарацины продолжали осыпать нас стрелами. Наши воины приблизились, прикрываясь щитами, на расстояние выстрела и принялись отвечать им. Но тут, пока мы ввосьмером быстро перегруппировывались в единый железный кулак, огромный сарацин ринулся на наших оруженосцев и стрелков. Те не ожидали такой стремительной атаки одного человека, и лишь несколько стрел скользнули по его кольчуге. Он врезался в наших людей как молот в сливочное масло. Засвистел чудовищный кистень. Воины разлетались в стороны переломанные, как щепки. Мы, рыцари, испустили яростный крик и единым железным кулаком бросились на врага, который своим смертоносным оружием стремительно сокращал численность нашего отряда.

Я закричал нашим людям, приказывая отбежать в сторону и перегруппироваться. Сарацин обернулся. Мы подлетали одной сплошной закованной массой. Он даже не подумал отступить,

только поднял кистень и принялся крутить им над головой. Раздался такой могучий гул, словно над головой сарацина разом загудело облако злобных шершней. Мы врезались во врага — но прежде кистень успел нырнуть вперед. Раздался отвратительный хруст, и четверо из нас упали одной большой грудой. Один был мертв, но, падая, он увлек за собой и сарацина. Четверо оставшихся, включая меня, окружили сарацина, пока трое уцелевших при ударе рыцарей вставали на ноги. Сарацин поднялся прежде, чем мы успели приблизиться к нему на расстояние удара. Он раскрутил кистень — и страшное, нечеловеческой тяжести оружие снова загудело, рассекая воздух. Я крикнул воинам, чтобы они встали двойной шеренгой, прикрылись щитами и не подпускали вражеских стрелков, продолжавших осыпать наш сильно убавившийся числом отряд градом стрел. Сарацин продолжал с немыслимой скоростью вращать кистенем. Любой, кто приблизился бы к нему, был бы мгновенно изувечен страшным ударом. На какое-то мгновение мы заколебались, и тут случилось неожиданное — сарацин отпустил кистень. Тот с разъяренным гулом коротко мелькнул в воздухе и врезался в сэра Ричарда, вдавив его кирасу глубоко в грудь и убив его на месте. Одним тигриным прыжком сарацин бросился к телу падавшего рыцаря, чтобы подобрать свое оружие. Двое ближайших рыцарей рванули коней к нему, подняв мечи для разящего удара. Но сарацин успел схватить кистень. Раздался короткий свист, и голова сэра Джона превратилась в кровавую кашу. Второй рыцарь нанес удар. Сверкнул остро заточенный меч. Сарацинский исполин вдруг взревел диким, оглушающим ревом, слышать который из уст человека, хоть и не христианина, было просто жутко. Кольчуга на его левом плече окрасилась кровью. Он снова махнул кистенем, но поразивший его рыцарь уже был недосягаем. Сарацин развернулся к нам четверым. Его лицо искажало звериное бешенство. Грудь свирепо вздымалась, глаза налились кровью, белоснежные зубы сверкали в хищном оскале. Казалось, он находился во власти кровожадного безумия, словно скандинавский берсерк, опьяненный битвой и кровью, уже переставший различать, где свои и где чужие.

Нас осталось всего пятеро, а враг был только задет и, похоже, не так серьезно, как нам хотелось бы. Поразивший его рыцарь уже разворачивался, готовясь к атаке и пытаясь зайти со спины. Наши воины успешно отстреливались от прочих сарацин. Некоторые уже лежали мертвыми на темной от крови земле, но и многие враги с предсмертными хрипами бились на мелководье. Я смотрел, как сэр Хлодвиг разворачивал коня для новой отчаянной атаки.

Когда он будет близко к врагу, и тот отвернется от нас чтобы, встретить его… Неожиданно мне пришла в голову одна мысль.
— Делайте как я, — крикнул я другим рыцарям.
Я соскочил с лошади и сильно ударил ее по крупу. Лошадь рванулась прямо на сарацина. Я поднял меч и бросился за ней. Остальные мгновенно поняли идею — лошади на короткое время блокируют врага и не позволят ему встретить нас своим оружием. Несколько мгновений — и на могучего сарацина рванулись все лошади оставшихся рыцарей, которые, что есть силы, устремились за ними. Счет шел на секунды. К сожалению, моя лошадь и я вырвались вперед. Сарацин увернулся от моего закованного в латы коня, но я был уже рядом. Рядом, но не так близко, как было надо. Засвистел кистень. Я сделал отчаянный рывок в сторону, пытаясь отклонить удар по касательной. Удар был чудовищной силы. Щит разбился, и его обломки упали на землю, левая рука онемела. Я упал на землю, но времени добить меня у врага уже не было — на него налетели сразу три лошади. Одна была убита ударом кистеня, и ее предсмертный хрип острым стилетом врезался мне в уши. Для второго замаха времени уже не было — стремглав подлетели трое рыцарей. Сарацин отшвырнул кистень и вдруг, спружинившись, как тигр, бросился на центрального из трех, не давая возможности двум другим нанести удар мечом, боясь попасть в своего товарища. В голове у меня шумело. Упав на правое колено и упираясь в землю правой рукой, я, как сквозь сон, видел, как могучий, словно сам дьявол, сарацин, уклонившись от удара меча сэра Генри, сбил его с ног и одним коротким движением свернул шею этому здоровому широкоплечему мужчине. После чего перевернул труп и прикрылся им, когда с криками гнева и отчаяния оба рыцаря нанесли удары. Стремглав подлетел тот рыцарь, который нанес первый, и пока единственный удар по нашему страшному и просто чудовищно сильному врагу. Сарацин вскочил, все еще прикрываясь трупом сэра Генри, и вдруг что есть силы метнул его в подскочившего всадника. Осиротевшая лошадь промчалась мимо врага, вынудив одного из рыцарей прекратить атаку и отклониться. Сарацин бросился на второго, пока сбитый всадник лежал на земле. Голова у меня сильно закружилась, в глазах потемнело. Я почувствовал, что падаю навзничь.

Должно быть, какое-то время я был без сознания. Когда в голове прояснилось, я увидел, как сарацин, весь в крови, своей и чужой, отшвырнул последнего стоявшего на ногах рыцаря. Он бросился к нему, занося подобранный меч для смертельного удара. Я закричал в бессильной ярости и попытался встать, но тело меня

почти не слушалось. Моя рука, судорожно вытянутая вперед, отчаянно скребла землю кольчужной перчаткой, и вдруг на что-то наткнулась. Это был небольшой арбалет одного из оруженосцев, который с размозженной головой лежал поодаль. Он успел взвести его, но не успел выстрелить. Сарацин взмахнул мечом. Громко призвав Господа помочь мне, я спустил механизм арбалета.

Могучий сарацин взревел страшным, оглушающим, звериным воплем. Господь направил мою руку — стрела пронзила его навылет прямо в сердце. Любой человек упал бы замертво. Но этот чудовищный, жуткий воин, словно один из античных, поверженных богами Олимпа титанов, был все еще жив. Его жуткий рев ледяной волной охватил мой разум и сердце. Медленно исполинский сарацин завалился на колени. Звериный рев сменился предсмертным хрипом: из его рта пошла кровавая пена. Наконец он упал. Его конечности судорожно дергались какое-то время, потом затихли. Он был мертв.

Я нашел в себе силы встать и, шатаясь, подошел к трупу могучего врага. Рядом на земле сидел, приходя в себя, сэр Роджер. Поодаль в беспамятстве стонал сэр Хлодвиг. Я тяжело опустился на землю рядом с поверженным сарацином. До моего слуха донеслись крики. У озерца наши немногочисленные воины продолжали перестрелку с вдвое уменьшившимся отрядом сарацин. Сэр Роджер поднялся и подошел ко мне.

— Ты цел? — спросил я, в великой тревоге озирая глазами его помятую, заляпанную кровью броню.

— В общем, да. Ничего серьезного. А ты? Тебе нужна помощь? — спросил он.

Я мотнул головой.

— Помоги лучше им, — сказал я, кивая в сторону наших уцелевших оруженосцев и стрелков.

Сэр Роджер тоже посмотрел туда, и его лицо перестало выражать растерянность и усталость. На нем появилась злая усмешка. Я почувствовал, что он нашел на ком отвести душу и кому отомстить за павших товарищей. Вскинув меч и подняв щит, он побежал к озерцу. Сарацин осталось где-то с десяток. На них были только легкие кольчуги и шлемы и, более того, давно было ясно, что вся их главная сила заключалась в одном-единственном воине, обладавшем поистине загадочной мощью. Сарацины хорошо знали, что из себя представляет закованный в доспехи и разъяренный рыцарь. Но из оазиса отступать было некуда. Они отчаянно бросились на моего друга, размахивая кривыми саблями и вздымая тысячи брызг из мелкого озерца. Сэр Роджер взревел, и его меч при-

нялся за работу. Через минуту все было кончено — трупы разрубленных врагов плавали в воде, стремительно окрашивая ее хлеставшей кровью. Четверо оставшихся в живых сарацин бросили оружие и пали на колени, громко моля сэра Роджера о пощаде. Должно быть, невероятным усилием воли тот подавил разрывающий его на части гнев. Он, благородный рыцарь, не мог поразить своим мечом сдающегося безоружного врага, даже когда его сердце пылало жаждой мести. Сарацины будут преданы суду, когда их доставят в главный лагерь. Сэр Роджер опустил меч и приказал нашим уцелевшим людям связать пленников.

Я с трудом перевернул труп могучего сарацина. Это был крупный широкоплечий мужчина с грубоватыми, типично азиатскими чертами лица. Тяжелая, сильно поврежденная и окровавленная кольчуга оказалась весьма искусной работы. Под ней виднелась тонкая, дорогая одежда, наводящая на мысль о том, что убитый не был простолюдином. И тут я заметил на его шее какую-то цепочку, судя по всему, золотую. Я потянул за нее, и вдруг... Из-под кольчуги прямо мне в руки выскользнул огромный сверкающий изумруд. У меня захватило дух. Я никогда не видел подобного камня, ни у кого, даже у королей! Он таинственно сверкал своими зелеными глубинами. Он манил и завораживал. Он был прекрасен! Я снял его с шеи убитого врага и держал в руке, не в силах оторвать от него глаз.

Тут я услышал шаги. Я поднял голову, с трудом оторвав взор от мерцающих граней божественного изумруда. Ко мне подходил сэр Роджер, вытирая окровавленный меч. Он с интересом смотрел на камень, но в его глазах я не увидел даже намека на алчность или корысть, хотя наблюдал за ним с явной тревогой. Все же я сумел подавил в себе невесть откуда взявшееся низкое желание сжать руку и прикрыть камень.

— Вот, — пробормотал я не своим голосом. — Я нашел его на теле этого разбойника. Что мы будем с ним делать? Наверное, надо как-то разделить...

Было видно, что сэр Роджер тоже восхищен изумрудом, но это восхищение было совершенно лишено корысти. Он просто любовался дивным творением природы и рук человеческих.

— Своим выстрелом ты спас мне жизнь. Ты убил врага. Это твой камень по праву. Оставь его себе, — сказал он, убирая меч в ножны.

Надо сказать, я не заставил убеждать себя дважды. Я мигом спрятал камень в кольчужную перчатку.

— Давай поможем сэру Хлодвигу, — сказал сэр Роджер.

Теперь я понимаю, что сэр Роджер был куда более благородным рыцарем, чем я. Да благословит Господь его святую душу, и да примет ее в свои райские кущи!

Озерцо было красным от крови. В воде колыхались изрубленные и утыканные стрелами трупы. Из рыцарей в живых осталось только трое — я, сэр Роджер и сэр Хлодвиг. Но он был совсем плох: правая рука раздроблена, многие ребра сломаны, голова пробита. Мы сделали для него все, что смогли, и передали на попечение оруженосцев. Их осталось только четверо, и с ними двое воинов-стрелков. Среди них был один уцелевший оруженосец магистра тамплиеров. Он сказал, что владеет искусством врачевания, и занялся тяжелораненым. Только теперь мы осознали, какие потери понесли. Казалось невероятным, что такой сокрушительный урон, едва не приведший к полному поражению, нам нанесла кучка сарацин, которых рыцари привыкли убивать сотнями. А этот могучий воин? Он обладал поистине дьявольской силой! С какой легкостью он крутил таким чудовищного веса кистенем! А как швырнул тело несчастного сэра Генри! Ведь рыцарь в полной броне становится просто неподъемным! Все это было очень загадочно и просто за гранью человеческих возможностей. Но мы повергли врага. Невероятно могучий воин-сарацин пал от руки христианского рыцаря. В этом я видел Божью волю и свое испытание.

Наступила ночь. Мы решили пуститься в обратный путь утром. Надо было похоронить убитых, набрать воды и найти припасы на обратную дорогу. Как тяжело было предавать тела благородных воинов чужой земле в затерянном безымянном оазисе! Но мы не могли взять их с собой. Палящее солнце пустыни делало невозможным любую попытку довезти тела хотя бы до базового лагеря.

Сэр Хлодвиг так и не приходил в сознание. Воины и оруженосцы сидели вокруг костра. Один из них нес караул возле сидевших поодаль, связанных пленников. Мы успели осмотреть оазис и убедились, что здесь и находился лагерь неуловимого, но теперь поверженного врага. Именно отсюда они совершали свои стремительные разящие набеги. Среди всего прочего нашлось много провианта, оружия и боеприпасов, которыми мы не побрезговали восполнить свои запасы. Лошадей у нас оставалось в два раза больше, чем людей вместе с пленниками, поэтому осложнений с обратной дорогой не предвиделось. Сэр Роджер спал. Я сидел, прислонившись спиной к пальме, и горестно думал о павших рыцарях, которые теперь навсегда упокоились здесь, в этом безвестном оазисе. Медленно мои мысли перешли с павших друзей и врагов на изумительный камень. Я вынул его из перчатки и стал любо-

ваться его чарующей красотой.

Вдруг послышался шорох. Я торопливо спрятал камень обратно. Ко мне подошел Томас, оруженосец магистра тамплиеров.

— Сэр Филипп! — сказал он мне. — Один из пленных хочет поговорить с вами.

— Что ему нужно? — спросил я.

— Не знаю. Он говорит, что это очень важно.

— Ладно, узнаем, что ему нужно, — сказал я, вставая.

Это был высокий седой старик. Он приветствовал меня по своему обычаю, когда мы с Томасом подошли к нему, и сразу заговорил. Томас переводил наш разговор.

— Господин, что вы сделали с изумрудом, который нашли на шее нашего павшего предводителя? — пытливо спросил старик.

Я даже опешил от такого вопроса.

— Он у меня, — сказал я неторопливо. — И что с того?

— Господин, если вы не отдадите его мне, в чем я ни минуты не сомневаюсь, то хотя бы заройте его глубоко в землю. Этот камень несет в себе большое зло.

Вот теперь я точно потерял дар речи. Немного опомнившись, я гневно сказал:

— Ты хоть понимаешь, нехристь, что говоришь, или тебе солнцем напекло голову?

— Господин, я в совершенно здравом уме и знаю, что говорю! Умоляю вас, выслушайте меня. Я расскажу вам все, что знаю, и вы поймете, какая беда вам угрожает, хотя я должен бы радоваться, что проклятье падет на голову неверного. Но видит Аллах, это зло слишком ужасно, чтобы я пожелал его кому-либо другому.

Старик умоляюще протянул ко мне руки. Я подумал, что, в конце концов, будет интересно послушать, что он такого собирается мне рассказать. Я кивнул и велел ему говорить. Рассказ старика поверг меня в недоумение.

Когда-то, много тысяч лет назад, в Древнем Египте жил один великий мудрец, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Всю свою долгую жизнь постигал он тайны бытия, врачевал раны, искал лекарства от болезней и мечтал найти средство, продлевающее дни человека. И на закате своих лет он его нашел. Но не просто средство, продлевающее жизнь — он нашел эликсир бессмертия. Когда он провел ряд опытов и понял, что оказалось в его руках, он возликовал и вознес благодарственные молитвы богам. Теперь люди больше не будут болеть и умирать! Теперь они смогут жить вечно! Преисполненный счастья, он лег спать, собираясь при первых же лучах солнца бежать к верховному жрецу, дабы поделиться с

ним своим поистине божественным открытием.

И ночью ему явился сам Анубис, бог царства мертвых, сверкая зелеными глазами с высоты своей шакальей головы. Мудрец ужасно испугался, думая, что сейчас Анубис пожрет его вместе с чудесным открытием. Но бог заговорил. Он сказал, что никогда еще простому смертному не удавалось сделать то, что сделал мудрец. Что он, Анубис, поистине восхищен его смертным гением и что, вполне возможно, мудрец был бы достоин занять почетное место рядом с бессмертными богами. Но он, Анубис, не может допустить, чтобы открытие мудреца попало в руки человечества. Изумленный мудрец спросил, почему. Анубис принялся говорить. Он говорил долго, и его речь наполняла мудреца пониманием устройства мира. И в конце этой речи мудрец понял, почему люди смертны, почему на их долю отпущен такой короткий век и чем грозит его открытие, если отдать его людям. Он молча протянул флакон с эликсиром и папирус с рецептом богу. Анубис величественно наклонил голову. Он сказал, что теперь еще раз убедился в божественной мудрости стоящего перед ним человека. И взамен его великой жертвы он наградит его своим даром. Анубис вынул у себя один глаз, мгновенно превратившийся в огромный восхитительный изумруд, и отдал его мудрецу. Мудрец сказал, что его не интересуют все драгоценности мира, а волнуют лишь тайны бытия. Анубис рассмеялся и сказал, что старец в третий раз поразил его. Бог поведал, что этот камень подарит своему владельцу невосприимчивость к болезням и ядам, быстрое заживление даже самых тяжелых ран и очень долгую жизнь.

— Значит, со временем я все-таки умру? — спросил его мудрец.

— Поверь мне, богу, — ответствовал Анубис, — ты сам возжелаешь смерти гораздо раньше, нежели она придет к тебе. Все, что тебе нужно, это носить на себе этот камень.

С этими словами он исчез.

На следующий день мудрец отдал камень искусному ювелиру, и тот сделал великолепную тонкую оправу на золотой цепочке. Мудрец надел изумруд на шею и продолжил свои труды. Теперь, когда он столько всего узнал от Анубиса, перед ним раскрылись широчайшие горизонты для работы, которой он предался в полную силу.

Прошли многие годы. Мудрец и вправду не постарел ни на один день, ни разу не заболел и мог употреблять в пищу даже очень ядовитые растения — самый страшный яд был бессилен против дара Анубиса. Но однажды случилась трагедия. Мудрец воспитывал учеников, передавая им свои знания, чтобы они несли

пользу людям. Его ученики становились прекрасными лекарями, жрецами и учеными. И вот один из учеников, снедаемый алчностью, решил украсть драгоценный камень у учителя. Под покровом ночи он прокрался в спальню к мудрецу и попытался стащить с его шеи изумительный камень. Мудрец проснулся и стал сопротивляться. Тогда ученик ударил его ножом прямо в сердце. Мудрец умер мгновенно. Ученик сорвал с его шеи изумруд и положил себе в карман. И тут в комнате ослепительно сверкнуло, и в клубящихся сполохах тьмы появился Анубис.

— Презренный червь! — прогремел он в ужасной ярости. — Ты взалкал чужого добра и из презренной корысти убил самого великого человека на этой земле!

Убийца в ужасе замер на месте.

— Я мог бы убить тебя прямо сейчас, сожрать живьем, и твоя ничтожная душа отправилась бы прямиком в застенки моего царства — но нет! Я придумаю тебе наказание, достойное бога Анубиса! Я проклинаю этот камень! Тот, кто возьмет его в свои руки и встретит с ним первый луч восходящего солнца, будет проклят проклятием зверя! Ты — дикий зверь, убивший своего благодетеля и учителя. Отныне камень сделает тебя тем, кем ты являешься на самом деле. Тебя, всех твоих кровных родственников и все твое потомство, пока не переведется оно на этой земле. Ты будешь зверем, пока носишь этот камень, но ты станешь истинным зверем, если снимешь его! Станешь и ты, и все твои кровные родственники! Ты будешь носить этот камень до конца своих дней, иначе станешь зверем! А когда ты умрешь, то до первого луча солнца следующего дня кто-то из твоих кровных родственников должен будет взять камень себе, иначе все они превратятся в зверей! Да будет так!

Сказав это, Анубис сверкнул зелеными глазами и исчез. Не помня себя от страха, вор и убийца выбрался наружу и побежал куда глаза глядят.

Анубис не солгал. Убийца вынужден был носить камень на себе, ибо стоило ему снять его, как с первым лучом солнца он и все его кровные родственники подвергались жуткой трансформации. Но пока он носил изумруд, жажда крови и убийства овладевала им все больше. Его тело наливалось нечеловеческой силой. Он пытался бороться с этим, но если ему вовремя не удавалось утолить свою безумную жажду, он оборачивался зверем и приходил в себя голым, окровавленным, часто подле разорванных в клочья трупов своих жертв. По ночам ему грезились видения: являлся убитый им мудрец, и вся жизнь этого человека проходила

перед его глазами. Когда он до конца понял, что именно сделал и почему ему явился разгневанный Анубис, то осознал, что прощения не будет, а то, что ждет его после смерти, будет поистине ужасно. А когда он, наконец, умер, то один из его несчастных родственников, которым убийца поведал всю правду, вынужден был заступить на его место — место зверя.

Неизвестно, что случилось бы дальше, но последний в роду преступного убийцы заточил себя в тайной гробнице, расписав ее стены историей проклятия камня, который он назвал "Волчьим глазом". Он также записал всю историю на папирусе, запечатал его в бутылку и отдал на волю волн. Говорят, этот папирус долгое время хранился в Александрийской библиотеке, а затем бесследно исчез во мраке истории.

Несколько лет назад глава нашего рода, Сулейман ибн Ахмед, потомок эмиров, который теперь лежит мертвый под той пальмой, нашел этот папирус в одном мертвом, затерянном городе, который случайно обнаружил, сбившись с пути в пустыне. Должно быть, разбушевавшаяся песчаная буря обнажила давно погребенные под толщей песка крыши и стены. В том, что когда-то являлось библиотекой, в запертом ларце нашел он этот папирус и принес в свои владения. Мертвого города с тех пор больше никто не видел — наверное, его снова занесло песком. Один мудрец перевел Сулейману содержание папируса, и с тех пор нашего досточтимого Сулеймана ибн Ахмеда просто поглотила одержимость разыскать камень и гробницу. Он не поверил в то, что было написано рукой давно умершего человека, как сейчас — я вижу это по твоим глазам, господин рыцарь, — не веришь мне ты. Сулейман искал упоминавшееся в свитке захоронение, и однажды ему улыбнулось то, что он называл удачей, хотя, скорее, сам шайтан приложил к этому руку. Он нашел затерянную гробницу, нашел останки замуровавшегося в ней человека и, самое главное, нашел изумруд "Волчий глаз"! Его восторгам не было предела. Камень притягивал его к себе и ослеплял своим великолепием и загадочностью. Но слишком поздно он понял, что все написанное на стенах гробницы, — чистейшая правда. Папирус коварно утаил от него истинную, страшную сущность изумруда. Я не буду смущать твой разум теми ужасами, которые произошли за последний год. Скажу лишь, что все мы вынуждены были перебраться в этот тайный оазис, чтобы вдали от посторонних глаз нести павшее на нас проклятье. Отсюда Сулейман совершал набеги на ваши обозы, утоляя свою нечеловеческую жажду крови и убийств. Мы помогали ему. Так или иначе, это была борьба с неверными, пришедшими захватить

наши земли. Кроме того, мы не могли оставить его одного, так как случись что с ним — и проклятый камень выскользнул бы у нас из рук, обрекая на бесповоротную трансформацию с первым лучом солнца.

Когда вы настигли нас, Сулейман был пресыщен убийствами и разгромом двух ваших обозов. Его сила и ярость были в несколько раз меньше, чем тогда, когда мы только отправлялись в путь — тогда он был поистине ужасен. Вы смогли одолеть его лишь поэтому. В другое время Сулейман разорвал бы вас на куски раньше, чем вы бы поняли, с кем имеете дело.

Теперь камень у вас, а мы, так или иначе, обречены. Поэтому прошу вас — либо отдайте мне камень, либо заройте его глубоко-глубоко в землю, а нас убейте еще до восхода солнца, ибо жить в облике зверя мне, правоверному мусульманину, просто невыносимо. Помните — до восхода солнца, иначе ваше оружие окажется бессильным! Ведь камень у вас?

Поняв по этому вопросу, что старик закончил свой рассказ, я, признаться, пришел в сильное замешательство. Я молча вынул изумруд из перчатки и показал старику. При виде камня он и остальные пленные заметно заволновались. Старик судорожно рванулся ко мне, пытаясь протянуть руки.

— Прошу вас, господин! Не повторяйте судьбы Сулеймана! Не дайте злу войти в мир!

Я смотрел на изумруд. Он тихо мерцал в лунном свете, переливаясь восхитительными гранями. Он был такой прекрасный, манящий... Его красота словно тончайшими хрустальными голосами пела песню о божествах и стихиях, о власти и богатстве, о красоте и бессмертии. Я смотрел на изумруд, который старик называл "Волчьим глазом", и видел прекрасное творение рук человеческих. Его форма и грани были поистине идеальными, он приковывал взгляд и заставлял забыть обо всем на свете.

— Господин, прошу вас! — умолял старик.

Я пришел в себя. Дурман, навеянный ночной страшилкой для детей, окончательно испарился.

— Замолчи, нехристь, — величественно сказал я. — Христианскому рыцарю-крестоносцу нечего бояться жалких проклятий ваших несуществующих богов.

С этими словами я демонстративно надел изумруд на шею и удалился. Старик что-то кричал мне вслед, но я уже не слушал. Надо было успеть выспаться перед обратной дорогой. Я растянулся на покрывале под высокой пальмой и быстро забылся долгожданным сном.

Меня разбудили крики и ужасный, сотрясающий землю рев. Я вскочил, выхватив меч и торопливо озираясь. Кричали наши оруженосцы, а ревели пленники. С ними творилось что-то неладное. Едва только подбежав к ним, я остановился как громом пораженный. Они катались по земле, с каждой секундой теряя человеческое обличье. Веревки, связывающие их, были разорваны. Одежда слезала с них клочьями. Из ртов, судорожно клацающих челюстями с резко обозначившимися крупными зубами, текла кровавая пена. Их ходящие ходуном глотки издавали чудовищный рев — такой же, какой испустил Сулейман, когда его ранили. Я в ужасе взирал на то, что происходило прямо у меня на глазах. Мгновенно в моем сознании пронеслась вся рассказанная стариком история, казавшаяся ночью обычной сказкой, призванной пугать малых детей у вечернего очага, и теперь обретавшая страшные очертания ужасной правды.

— Убейте их скорее! — крикнул я, до боли в пальцах стиснув свой меч…

Пока мы держали путь обратно в лагерь, я предавался самым мрачным мыслям. Никто, кроме Томаса, не знал содержания того разговора. Никто, кроме него и сэра Ричарда, не видел изумруд. Все выжившие в минувшем бою, кроме сэра Хлодвига — он умер от ран, едва мы выбрались из пустыни — тихонько обсуждали бой, возможную награду и почести, а также странное зрелище, свидетелями которого они стали рано утром, после чего было приказано убить корчившихся на земле и до неузнаваемости изменившихся пленников.

Я размышлял. Камень висел у меня на груди, под кирасой, и холодил мне сердце своим прикосновением. Я больше не восторгался им. Я ужасно боялся того, что услышанное мной окажется правдой от первого и до последнего слова. Сначала я хотел выбросить изумруд, но перед глазами вставали корчащиеся на земле пленники, а в ушах звучали слова старика о проклятье, падающем на весь род того, кто забрал камень, при первых лучах солнца. Я представил себе, что, быть может, такое произойдет с моей семьей и всеми моими родными, и тошнотворный, холодный страх стал разъедать мою душу. Поэтому я вынул камень из перчатки, откуда он легко мог выпасть, и повесил его себе на шею.

Всю дорогу Томас хранил молчание. Только один раз он подъехал ко мне и шепнул, наклонившись близко-близко:

— Я думаю, надо обо всем рассказать моему господину, магистру Эврару де Бару.

Я согласно кивнул головой.

— И больше никому, — добавил он, пристально глядя на меня.
Я благодарно посмотрел на него и еще раз кивнул.

Прибыв в лагерь, мы дали полный отчет о том, что произошло, не упомянув только об изумруде и о том, что произошло с пленными утром. Я успел переговорить со всеми и взял с каждого слово, что они будут молчать. Я объяснил это тем, что если мы приукрасим наш рассказ всякими странными подробностями, нас могут счесть бахвалами и лжецами, что совершенно недостойно звания воина Христова. Магистр тамплиеров был в восторге от разрешения давно докучавшего ему дела. Он говорил, что не сомневался в нашем успехе, однако не преминул отметить — мол, прискорбно, что нас вернулось так мало, хотя десять бравых рыцарей со свитой оруженосцев и простых воинов должны были просто раздавить отряд сарацинов такой маленькой численности. Я, сэр Роджер и Томас ответили, что многие из посланных до нас отрядов не вернулись вовсе, а мы стерли надоедливого врага с лица земли, хоть и вернулись в меньшинстве. И еще раз отметили чудовищную силу необычного воина, к которой даже самый опытный рыцарь просто не мог быть готов. Эврар де Бар удовлетворился этими аргументами и сказал, что немедленно отбывает в лагерь предводителя крестового похода с докладом о том, что задача выполнена, и обязательно сообщит ему имена отличившихся рыцарей, которые сильно облегчили претворение в жизнь всей поставленной задачи.

Улучив момент, я шепнул ему, что хотел бы переговорить с ним наедине. Магистр вопросительно посмотрел на меня, потом на Томаса, который кивнул, как бы говоря, что аудиенция действительно необходима.
— Через четверть часа в моем шатре, — едва слышно сказал магистр, после чего официальная церемония закончилась.

Спустя означенное время в указанном месте я и Томас рассказали ему все то, что знали только мы двое — о камне, о том, что рассказал нам старик-сарацин и о том, что случилось утром. А также о том, что камень сейчас покоится у меня на груди. Магистр нахмурился. Он переводил взгляд с меня на Томаса, как будто пытаясь понять, не разыгрываем ли мы его. Томас, понимая недоверие магистра, поклялся могилами своих предков, а я поклялся своим рыцарским званием и своей душой. Теперь магистр не мог сомневаться в наших словах, однако услышанное оказалось слишком неожиданным для него. Он долго думал. Потом сказал:
— Сейчас я уезжаю в главный лагерь. Доложу обо всем произошедшем… По этому вопросу я посоветуюсь с учеными мужами и

сведущими братьями нашего ордена. Вам, сэр Филипп, я думаю, лучше всего будет вернуться в ваш родовой замок до выяснения деталей того, о чем вы мне сейчас поведали. Я все улажу, и вы отбудете домой настоящим героем.
Он поднялся с кресла.
— Перед тем, как вы отправились, я обещал вам, что орден тамплиеров никогда не забудет ваших заслуг. Вы справились, и я сдержу свое слово. От монарха вы получите достойную награду, а я даю слово, что если вы действительно пострадали в той миссии, на которую я сам благословил вас, то, клянусь святостью и самим существованием ордена тамплиеров, я сделаю все возможное, чтобы помочь вам.
Он кивнул, давая понять, что аудиенция окончена.

Вскоре я покинул войско крестоносцев и отправился домой, в свой родовой замок. И там потянулись мучительные дни ожидания. Ожидание вестей от магистра тамплиеров, ожидание того, что проклятье окажется реальностью и скоро начнет проявлять себя… И оно действительно не заставило себя долго ждать.

Я начал ощущать, что становлюсь все более агрессивным. Я стал раздражаться без причины, кричал на слуг, был груб с родными. Я часами упражнялся в оружейной, превращая в лохмотья манекены и доводя партнеров до полного изнеможения, хотя сам не чувствовал ни малейшей усталости. Я стал ловить себя на том, что мне хочется ударить того, кто вызывал мой, часто беспричинный, гнев. С каждым днем моя злоба росла. Однажды, проходя мимо истошно плачущего младенца одной из служанок, я вдруг с ужасом осознал, что хочу свернуть ему шею! Я страшно перепугался и стал запираться от людей в своих покоях. Но это не помогало. В мой рацион стало входить почти одно мясо. Я требовал, чтобы мне его подавали с кровью, и с каждым разом оно становилось все более и более недожаренным. Чувствуя, что нужно срочно выместить на ком-то растущую во мне дикую злобу, я стал искать утешения в охоте. Со сворой самых лютых волкодавов я носился по лесам, выслеживая дичь и убивая ее кинжалом и голыми руками. Я с наслаждением перерезал артерии и с хрустом сворачивал головы. Кровь текла по мне, и я купал в ней руки и лицо. Для меня ловили волков и кабанов. Мы помещали их в одном из подвальных помещений, и в назначенный час я выходил во двор замка, чтобы сразиться один на один со зверем, не оставляя тому ни малейшего шанса. Но вскоре я понял, что охота больше не может удовлетворить мою растущую с каждым днем звериную жажду крови. Однажды какой-то пустяк взволновал меня и привел в дикую ярость.

Помню, что я замахнулся чем-то на слугу, потом потерял сознание. Очнулся я в своих покоях. Мне сказали, что у меня случился сильнейший приступ падучей, и я до смерти перепугал всех родных и слуг. Казалось, приступ должен был обессилить меня, но я чувствовал невероятный прилив сил, и мне хотелось… Мне хотелось ринуться в битву, одному против тысячи. Мне хотелось пронзать врагов и срубать их головы. Я хотел ломать им кости и сворачивать шеи, чтобы на груде вражеских тел громогласно зареветь во весь голос… Вскочив с кровати, я наскоро оделся, схватил оружие и убежал в лес. Один. Свора была мне более не нужна. Помню, как я бежал по лесу. Догнал оленя. Это казалось невероятным. Помню, как прыгнул ему на спину и вгрызся зубами в пахучую шею… Кровь потекла мне прямо в горло…

Очнулся я на лесной прогалине. Я лежал на земле, голый, весь в грязи и листьях. Лишь дьявольский изумруд на невероятно прочной цепочке оставался у меня на шее. Я ничего не помнил. Потом встал и огляделся, и ужас сковал меня. Разум мой помутился, дыхание перехватило. Вокруг меня лежали растерзанные тела трех крестьян: двух мужчин и женщины. Их руки и ноги были переломаны, некоторые оторваны, горло вырвано. Земля вокруг пропиталась кровью. Это был маленький земельный надел, один из тех, что поодиночке разбросаны вокруг моих полей. Там живут семьи крестьян, которые распахивают и засеивают участок земли, оценивая его плодородность для последующего раскорчевывания. Теперь передо мной лежали три разорванных трупа. Пошатываясь, я вошел в маленький домик. Дверь была сорвана настежь, на ней виднелись глубокие следы когтей. Внутри царил полный хаос. Все было перевернуто вверх дном. В полумраке я увидел то, что осталось от двоих детей… Меня стошнило. Далее я ничего не помню.

Очнулся я уже в замке. Мне сказали, что я был найден в лесу без сознания, замотанный в какую-то ветошь. Меня не было много дней, и родные очень испугались. Я сказал, что охотился один на хищников и переоценил свои силы. Больше мне нечего было сказать. Потом до меня дошли слухи, что дикие звери растерзали семью на дальней делянке, и в моих землях устроили травлю, чтобы уничтожить расплодившихся волков. Но я знал, что волки тут ни при чем. Я знал истинную причину. Я сам был зверем. Проклятие оказалось реальностью до последнего слова! Я послал большие деньги родственникам тех несчастных, что погибли от моего звериного облика. Я ежедневно подолгу молился в часовне, прося Бога об избавлении, прося смилостивиться над моей семьей. Я про-

сил, и сам не верил. Ибо в ушах у меня звучал рассказ старика-сарацина...

Я чувствовал, что после того ужасного случая моя звериная злоба ушла, и это приносило мне некоторое облегчение. Но шли дни, недели, и вновь безумная, неукротимая злоба начала наполнять все мое существо. Я понял, что скоро все повторится. Я пригласил в свои покои самых близких родственников из тех, кому можно было довериться, взял с них обещание хранить тайну и все им рассказал. Надо было видеть, какой ужас отразился на лицах этих ни в чем не повинных людей, когда я закончил свой рассказ. Даже не могу представить, что они чувствовали, узнав, какую страшную беду я навлек на весь наш род. Я попросил их о помощи. Близился день, когда моя звериная ярость вырвется на свободу, и нужно было срочно принимать меры.

Мы оборудовали самое глубокое подвальное помещение таким образом, чтобы можно было открывать дверь только изнутри, давая понять остальным, что опасность миновала. Внутренняя дверь, ведущая к внешней, наоборот, открывалась только снаружи, чтобы зверь был надежно заперт, пока к нему не вернется нормальный облик. Чтобы попасть к внешней двери, нужно было протиснуться через специальный лаз, что под силу сделать только человеку в своем обычном виде. Все остальные ходы мы засыпали и замуровали. Железные двери должны были выдержать любой напор. Таким образом, носитель проклятого камня будет надежно изолирован от окружающих в глубине каменных сводов, не пропускающих ни единого звука. Единственное, чего я боялся, это того, что зверь, не имея возможности удовлетворить свое кровожадное безумие, никогда снова не станет мной. Но выбора у нас не было.

Вскоре у меня снова случился ужасный приступ, который всеми воспринимался как падучая. Близкие родственники перенесли меня в подвал. Когда я очнулся, они удалились и заперли внутреннюю дверь снаружи на огромный засов. После этого я, протиснувшись в узкий лаз у самого пола, поспешил закрыть внешнюю дверь изнутри таким же засовом. Затем тем же путем вернулся в изолированное помещение и стал ждать того, что вскоре должно было произойти. Прошло больше суток, потом красная пелена заволокла мои глаза. Я метался по темному залу, срывая свою бешеную злобу на всем, что попадалось под руку, хотя, предвидя это, мы заранее вынесли оттуда большинство ценных предметов. Потом...

Потом я очнулся, как и в прошлый раз, обнаженный, исца-

рапанный, с грязными обломанными ногтями. Но это был я. Зверь ушел. Я чувствовал ужасную усталость и изнеможение, но неукротимое бешенство снова отступило и затаилось в глубине моего проклятого тела. Я оделся, протиснулся в узкий лаз и открыл внешнюю дверь. Шатаясь, я добрался до своих покоев, изрядно напугав встретившихся по дороге слуг, упал на кровать и заснул глубоким сном. Потом мне сказали, что я провел в подвале почти две недели.

Среди непосвященных родственников и прислуги поползли слухи, что на Востоке я подхватил какую-то болезнь, которая подрывает мои силы. Я не препятствовал им. Так будет лучше для всех. Это объяснит и мои частые уединения, и приступы якобы внезапно охватившей меня болезни.

Потом приехали важные персоны. Они привезли мне пергамент, подписанный самим монархом, и известие о том, что за мои заслуги перед святым воинством крестоносцев, мне пожалован титул графа. Приезд и прием были очень торжественными. Наверное, я должен был бы расписать это во всех тонкостях, с точным указанием даты, людей и событий — ведь это такой знаменательный день для всего моего рода. Но нет! Мои родные были на седьмом небе от счастья, я же только изображал радость и гордость. На деле же я готов был променять все свои титулы и богатства за избавление от того, что тяжким грузом висело на моей душе. Точнее, на моей шее... Меня сделали графом, но я не считаю нужным писать здесь еще что-нибудь об этом.

Когда я уже начал думать, что магистр тамплиеров забыл обо мне, наконец-то прибыл долгожданный вестник. Простой монах явился в замок и изъявил желание переговорить со мной, передав мне верительную грамоту от Эврара де Бара. В ней он удостоверял личность посланца и сообщал, что не забыл данного мне слова, и никогда не забудет. Все остальное должен быть рассказать посланник. Я приказал немедленно проводить монаха к себе.

Состоялся долгий разговор. Монах представился братом из ордена Кары Господней. Я сказал, что никогда не слышал о таком ордене. Он ответил, что никто о нем не слышал. Я спросил, чем они занимаются. Он ответил словами, от которых меня бросило в дрожь.

— Такими, как вы, — бесстрастно проговорил он. — А теперь расскажите мне все, что с вами происходит, и без утайки. Мы должны знать всю картину происходящего, чтобы отыскать какое-то решение.

Я выложил ему все как на духу. Мне более не на кого было наде-

яться. Монах молча слушал. Когда я закончил, он долго размышлял. Потом сказал:
— Не буду от вас таить: в задачи моего ордена входит, в том числе, и борьба с такими проявлениями зла. Даже в первую очередь с таким. Но нас, как наиболее сведущих в этой области, попросили заняться вашим делом.
Не трудно было догадаться, что он имел в виду под словом "борьба".
— Магистр, давший вам слово, выполняет его. Но то, с чем ему пришлось столкнуться, оказалось не подвластно его возможностям и компетенции. Этот вопрос был вынесен на тайный совет магистров ордена Кары Господней. Не буду вас утомлять ненужными подробностями, скажу лишь то, что этот совет не отказался от данной именем ордена тамплиеров клятвы, хотя это решение далось ему тяжело. За прошедшее время учеными отцами ордена были собраны кое-какие сведения, дающие нам более-менее правильное представление о том, с чем мы имеем дело. Вкратце могу лишь сказать, что почти все то, что вам тогда рассказал ваш пленный сарацин, является чистейшей правдой. Итак, мы знаем, с чем имеем дело, но далее все гораздо хуже. Гроссмейстер ордена имел тайную беседу с Папой. Не раскрывая имен, он рассказал ему о проклятии "Волчьего глаза", о том, как тамплиеры узнали о камне, и о том, что знают его местонахождение. Гроссмейстер просил помощи Святого престола, заключавшейся в знаниях и ресурсах. Однако ответ Папы был категоричен — камень должен быть немедленно уничтожен. Бумага с изложением всего дела, приказом Папы и подписью гроссмейстера теперь лежит в тайном хранилище Святого престола. Вы понимаете, что это значит?
Меня бросило в холодный пот.
— Не совсем, — нерешительно сказал я.
— На свой страх и риск орден, как видите, не выполнил этот приказ. Папа же пребывает в уверенности, что зловещего "Волчьего глаза" более не существует. Рыцари держат свое слово и приложат все усилия, чтобы спасти вас и ваш род от павшего на него проклятья. Они не могут оставить в беде благородного дворянина, который сражался за святое дело и пострадал при этом. Поэтому они официально закрыли дело перед Святым престолом, и передали его нам.
— И что вы намерены делать? — спросил я.
— Я нахожу принятые вами меры вполне удовлетворительными. На данный момент вы не представляете непредсказуемой угрозы. Если бы я нашел вас в куда более… э-э-э… неподходящем состоя-

нии, кто знает, какое решение было бы принято... Однако тамплиеры неспроста поручили нам это дело. Никто лучше братьев нашего ордена не разбирается в подобной тематике. Следовательно, если кто-то и может помочь вам, то только мы. Поиски возможного решения уже начаты. Пока след теряется в Александрийской библиотеке. Как оказалось, были и другие документы, что-то упоминающие об этом изумруде, и теперь мы должны отыскать их. На нашей стороне сила Господа, и нет в этом мире ничего такого, чего нельзя было бы преодолеть именем Божьим. Но теперь я должен объяснить вам в кое-какие правила, которым вы должны неукоснительно следовать...

С тех пор прошли многие годы. Два раза в год мой замок навещают братья из ордена Кары Господней. Они проводят какие-то обряды, читают какие-то особые молитвы, они снабдили меня и посвященных родных какими-то специальными снадобьями. Надо сказать, они сильно облегчили мне жизнь — приступы стали значительно реже, предсказуемее. Чувствую я себя несколько легче и до них, и после. Между собой они, кажется, называют это "держать болезнь под контролем" — чтобы не распространять нежелательные слухи, происходящее со мной стали именовать "болезнью". Стараниями монахов из ордена Кары Господней и ордена тамплиеров, среди моих слуг и в обществе утвердилась мысль, что тяготы крестового похода подорвали мое здоровье, и теперь я болею; меня лечат лучшие доктора, а святые отцы молятся о моем выздоровлении. Мое редкое появление в свете перестало считаться чем-то странным. Все знали, что за подвиги мне был пожалован титул графа, а недуг все чаще удерживает меня дома. Знали, завидовали и сочувствовали мне. Не думаю, что, узнай они правду, нашелся бы хоть один доброволец согласившийся поменяться со мной местами.

Прошли годы, а избавления все нет. Мои душевные силы на исходе. Постоянный страх перед будущим, гнетущие мысли и душевные страдания окончательно подкосили мое тело. Я почти все время прикован к постели. С каждым днем силы мои убывают. Исключая ТЕ, особые дни... Теперь же, когда я чувствую, что конец мой близок, я пишу эти строки как исповедь и как руководство моим несчастным потомкам. И особенно тому, на чью долю выпадет нести этот чудовищный груз.

Монахи сообщили мне еще кое-что, что им удалось узнать. Женщины, существа от природы мирные и незлобивые, — во всяком случае, если сравнивать их с мужчинами, — подвержены пагубным свойствам камня гораздо меньше. Пока не случится при-

ступ, они не подвластны растущему, неконтролируемому чувству безумной ярости, и сами приступы у них случаются реже. Они не испытывают отвратительную жажду крови и тягу к убийствам. Их не захлестывают волны звериной силы и звериного же нрава. Пока не случится приступ… Но припадки, предшествующие трансформации, у них всегда протекают гораздо ужаснее. И это еще не это самое тяжелое. Хуже всего то, что камень, словно в отместку, стремительно выпивает из женщины жизненные силы. Век женщины, принявшей на себя эту ношу, значительно сокращается. Она бледнеет, чахнет и хворает, пока, наконец, камень не выпивает последнюю каплю. Однако, — ужасно об этом говорить, — при этом женщина наделяется какой-то неестественной привлекательностью. Несмотря на ее чахлость и бледность, мужчины реагируют на нее, как волки на волчицу во время течки. Исходя из всего этого, монахи настоятельно рекомендовали сделать носителем камня женщину. Это позволит уменьшить возможную опасность для окружающих, взяв "болезнь" под контроль наиболее эффективно. Сделать носителем сразу после моей смерти, тень которой уже ложится на мое чело… Собственно, выбор уже сделан. Я не могу смотреть этой несчастной в глаза. Она же дни и ночи проводит в часовне, истово молясь Всевышнему. Монахи подготовили ее. Надо отдать им должное, они проделали большую работу, и будут продолжать ее после моей смерти, когда мой род понесет сквозь годы тяжесть обрушенного мной на него проклятья. Монахи ордена Кары Господней обещали мне, что приложат все усилия, чтобы однажды избавить мой род от постигшей его беды. Да смилостивится Господь над моими несчастными потомками! Если бы я был так же бескорыстен и силен духом, как сэр Ричард! Если бы… Тогда я бы избежал чар дьявольского камня.

Сэр Ричард как-то навещал меня. Поистине благородный рыцарь! Эта встреча была одним из тех немногих счастливых моментов, которые выпадали на мою долю за последние годы. Я упомянул его в своем завещании, отписав ему кое-что из наших родовых богатств — он достоин этого куда больше, чем я.

Сейчас, когда ты прочел мою исповедь, мой потомок, и чувствуешь, как недоумение и страх охватывают все твое существо, прошу тебя прочесть еще немного, ибо недолго осталось.

Храните тайну, мои потомки, или она погубит весь наш род. Вверьте свою судьбу в руки ордена Кары Господней. Они единственные, кто может подарить вам шанс на спасение. Молитесь за себя, за них и за благородных рыцарей тамплиеров. Когда умрет носитель камня, до первого луча солнца следующего дня его дол-

жен надеть на себя кто-то другой и не снимать до конца жизни. Предпочтение должно отдаваться женскому полу. Братья ордена Кары Господней будут навещать замок два раза в год, проводя необходимые ритуалы и следя за тем, чтобы все было под контролем. Они будут снабжать вас специальными зельями, которые облегчат состояние носителя во все периоды его жизни. Они будут молиться за вас и искать путь избавления от ужасного проклятия. Когда у носителя случится приступ, его немедленно надо перенести во внутренние покои, дождаться, когда он придет в себя, убедиться, что он ясно мыслит и способен самостоятельно передвигаться, и после этого запереть внутреннюю дверь на засов. После чего носитель должен, протиснувшись через лаз, запереть внешнюю дверь изнутри, и вернуться тем же путем обратно. Когда опасный период минует, носитель сможет выбраться через лаз, открыть дверь и выйти из подземелья.

Рядом со мной сейчас стоит брат из ордена Кары Господней. Когда я допишу свою исповедь, он прочтет ее и скрепит своей печатью. Запомните эту печать, потомки мои. Те, кто будут приходить к вам с грамотами, заверенными этой печатью, являются вашим единственным шансом на избавление. Слушайтесь их беспрекословно.

Я молюсь Богу о том, чтобы избавление от проклятья наступило раньше, чем мой древний род угаснет и унесет в могилу эту страшную тайну. Прошу вас молиться о моей грешной душе и надеюсь на ваше милосердие и прощение. Ведь именно я обрек всех вас нести это тяжкое бремя, и сам для себя я не нахожу ни прощения, ни покоя! Да смилостивится Господь над моей душой! Да пошлет он избавление моим ни в чем не повинным потомкам! Я вверяю себя в руки Господа! Простите меня, своего недостойного предка!"

– 10 –

Шосс стоял недвижно, как каменное изваяние. Он не верил своим глазам, хотя только что прочел послание рыцаря Гензенау от первого до последнего слова. Он чувствовал, как холодный пот выступает на его теле, а руки дрожат мелкой, прерывистой дрожью. В разгоряченной голове вихрем неслись самые невероятные мысли. Его разум кричал, что это бред. Этого просто не может быть, потому что не может быть совсем! Это сказки для детей, для черни, для невежественных ослов. Но слова давно умершего рыцаря говорили иное. Они говорили это со страниц старого, пожелтевшего фолианта, запертого глубоко в подвалах замка. Запертого

явно не для того, чтобы пугать своей глупой страшилкой случайно забредшего туда путника. Запертого для того, чтобы хранить свою тайну для потомков этого древнего рода.

И Шосс с ужасом осознал, что послание расставило на свои места все то, что ему, Шоссу, казалось совершенно непонятным и необъяснимым. Эти приступы, этот образ жизни, эти двери и устройство Убежища, это непонятное заточение Алины в полном одиночестве в самом глубоком подвале замка. Эту боль и тревогу, которая сквозила в заметках графа Бриана де Гензенау. И, наконец, все то, что он прочел в письмах брата Антония… Вот то, чего так боялся брат Антоний, и что угрожает ордену тамплиеров! Ведь если это все правда, то тогда, стоит только кому-нибудь узнать об этом… Но это не может быть правдой! Просто не может быть!

Шосса затрясло в нервной горячке. Он, человек с холодным и расчетливым разумом, веривший только в себя и откровенно презиравший суеверия и религиозную чепуху, теперь балансировал на грани безумия. Разум, взращенный и воспитанный на трезвости и логике, отказывался принимать стремительно наваливавшуюся на него непостижимую действительность. Он внутренне кричал во весь голос, что это ерунда и бред, но та же логика неумолимо ширила в его сознании понимание того, что это все правда. Он боролся с этим, он не хотел признавать то, что с каждой минутой все больше наполняло все его существо и противоречило всему этому существу. Он чувствовал, как вера в то, что все это — правда, заливает каждый уголок его мутнеющего рассудка, агонизирующего в последних, отчаянных попытках отрицания происходящего.

Тихонько скрипнула дверь. Шосс почувствовал, как леденящий ужас стальными тисками сжал его сердце, впившись в него миллионом острейших игл. Черный, липкий страх окутал все его отчаянно задрожавшее тело. Колени подогнулись, навалилась страшная слабость. Он, никогда ничего не боявшийся, сейчас находился на грани помешательства от охватившего его панического страха. Перед глазами поплыли какие-то пятна, в ушах зашумело. Шосс медленно, отчаянным усилием воли повернулся в сторону двери, до которой так и не успел дойти, задержавшись у каменного стола с фолиантом. Фонарь, стоявший на столе рядом с ним, ярко светил. Зрачки Шосса расширились до предела, сердце замерло, дыхание перехватило.

На пороге стояло громадное чудовище. Взъерошенная шерсть отсвечивала антрацитовым блеском. Зеленые глаза пылали кровожадным безумием. Огромная мохнатая морда жутко оскалилась, показав длинные, острые, белые клыки. По ним струилась и капа-

ла на пол пенная слюна. Передние лапы чудовища со скрюченными когтями напряглись и протянулись вперед. На шее зверя ярко сиял зеленым огнем большой изумруд на тонкой золотой цепочке. Чудовище подобралось, и из его глотки вырвался оглушающий, яростный, звериный рев, от которого задрожали камни. Одним гигантским прыжком оборотень бросился на Шосса.

Шосс закричал. Его душераздирающий крик, в котором мучительно зазвенели все предсмертные крики убитых им людей, огласил своды древнего подземелья. Этот крик отразился от тяжелых, замшелых камней, заметался между темными залами, проник в каждую щель старой, поседевшей от времени кладки. Но массивные, непроницаемые, бесстрастные камни поглотили его. Шосс узнал тайну Наследия.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ